

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ТЕОРИЯ
И МЕТОДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ «НАУКОВА ДУМКА» 1982

Сборник посвящен рассмотрению некоторых мало изученных вопросов методологии и теории археологической науки; разработке методики формализованно-статистической обработки различных категорий археологических источников и их историко-социологической интерпретации.

Расчитан на археологов, историков, этнографов, а также специалистов других научных дисциплин, изучающих древнейшие исторические периоды.

Редакционная коллегия

Е. П. Бунятян (ответственный секретарь),
В. Ф. Генинг (ответственный редактор),
С. В. Смирнов

Рецензенты *В. М. Боряз, Ю. М. Захарук*

**Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии и документалистике**

**Т 10602-128 БЗ-6-8-81 0607000000
М221(04)-82**

© Издательство «Наукова думка», 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

На современном уровне развития научных знаний актуальное значение приобретают вопросы методологии и теории науки. Быстрые темпы накопления новой археологической информации и связанное с этим количественное расширение источниковедческой базы ставят перед исследователями качественно новые задачи как на уровне первичной обработки археологических источников, так и их историко-социологического осмысления. Обработка массовых материалов современными научными методами не может быть осуществлена без известной формализации и привлечения математического аппарата, а интерпретация результатов такой обработки — без разработки теоретических и методологических проблем историко-археологических исследований. Этим вопросам и посвящен настоящий сборник.

Первая часть сборника освещает ряд теоретических и методологических вопросов развития археологической науки.

Определение объекта и объективного предмета археологических исследований как самостоятельной и специфической отрасли научного знания рассматривается в статье В. Ф. Генинга. Решение затронутых в ней вопросов имеет важное значение для построения структуры археологической науки и определения перспектив ее дальнейшего развития.

В статье С. В. Смирнова проблема становления производства решается в свете неиспользованных ранее методологических принципов, обуславливающих новые процедурно-методические приемы изучения нижнепалеолитических кремневых комплексов. Некоторым социологическим аспектам изучения одной из наиболее многочисленных категорий археологических источников — погребальных памятников, извлечению из них информации по социальной структуре древних обществ посвящена статья А. О. Добролюбского.

Аналізу первых попыток применения марксистских методов исследования археологических материалов, предпринятых группой молодых советских археологов в конце 20-х годов, посвящена следующая статья В. Ф. Генинга.

В работе Ю. В. Павленко дается критический анализ теории зарождения цивилизации, выдвинутый одним из видных культурологов Запада А. Дж. Тойнби.

Другая часть сборника содержит статьи, посвященные некоторым вопросам методики археологических исследований, конкретному анализу различных категорий археологических источников с применением формализованно-статистических методов. Н. А. Рычков на примере анализа погребальных памятников ямной культуры демонстрирует применение формализованно-статистического ме-

тогда для определения степени сходства памятников и их отнесения к одной археологической культуре, выделения в ней локальных вариантов с определением удельного веса всех признаков, характерных для культуры в целом и отдельных ее вариантов.

В статье Е. П. Бунятян разрабатывается методика анализа погребальных памятников для получения данных по социальной стратификации общества, оставившего эти памятники. На примере рассмотрения рядовых скифских могильников автор показывает объективные возможности формализованно-статистического метода выявления признаков погребального обряда, характерных для половозрастных и социальных группировок скифского общества.

В статье В. И. Балабиной изложен опыт статистической характеристики состава культурного слоя раннетрипольского поселения Бернашевка, позволивший выявить ряд объектов бытового и производственного характера, не фиксируемых обычными археологическими методами.

С. Ж. Пустовалов посвятил свою статью критическому обзору некоторых методов формализованной обработки керамики, применявшихся рядом исследователей для анализа различных культур.

Авторы надеются, что предложенные работы найдут практическое применение в исследованиях археологов.

В. Ф. ГЕНИНГ

ОБЪЕКТ И ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРЕДМЕТ ЗНАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Современная наука переживает процесс самоанализа и упорядочения своей структуры и одной из проблем, вызывающей оживленную дискуссию, является вопрос об объекте и предмете отдельных наук. Эта проблема затронула и археологию, в которой за последние годы также повысился интерес к теоретическим разработкам.

Проблема объекта и предмета науки является исходной в построении основы конкретной науки независимо от того, разработанная она теоретически или нет. Естественно, однако, что при наличии достаточно обоснованной теории объекта и предмета общее развитие науки будет более интенсивным.

Марксистская гносеология рассматривает знание, в том числе и научное, как исторический процесс последовательной смены несовпадающих уровней знания. Современное обращение наук к своему самопознанию представляет собой, по-видимому, одну из ступеней в становлении нового уровня знания. Каждая такая ступень знания является отражением определенного состояния и уровня развивающейся действительности, которая в конечном итоге и обуславливает его становление. И на каждом новом этапе наука вновь обращается к рассмотрению своих основных фундаментальных понятий, к числу которых относится и понятие объекта и предмета

Дискуссия по проблеме объекта и предмета археологии уже вызвала появление литературы, обзор которой дан в статье Ю. Н. Захарука¹. В этой дискуссии большое внимание было уделено проблеме предмета науки, которая, по мнению большинства исследователей, считается сложной. Однако очень многие спорные вопросы предмета археологии, на наш взгляд, порождены именно тем, что проблема объекта археологии осталась без должного внимания, что заставляет обратиться к этой теме специально.

В статье в ряде случаев приходилось подробно излагать отдельные вопросы общей теории науки, что вызвано двумя обстоятельствами: во-первых, чтобы достаточно ясно изложить исходные

¹ Захарук Ю. Н. Спорные вопросы объекта и предмета археологии.— КСИА АН СССР, 1977, № 152.

позиции автора по этим, нередко еще дискуссионным, проблемам и, во-вторых, чтобы облегчить понимание разбираемых вопросов читателю, еще недостаточно знакомому со специальной литературой по анализу логики науки.

Прежде всего остановимся на нескольких общих вопросах проблемы объекта науки. Марксистская гносеология исходит из того, что объект исследования каждой отдельной науки охватывает определенную часть объективного мира, существующего вне и независимо от нашего познания. Понятие «объект науки» призвано зафиксировать, выразить само объективное существование изучаемых явлений с их свойствами, связями и отношениями, закономерностями развития. Это понятие является исходным для интерпретации, определения всего содержания нашего знания об изучаемых предметах. Одним из главных вопросов гносеологии является выяснение взаимоотношений знания и объективной реальности.

Определение объекта конкретной науки позволяет решить чрезвычайно важную задачу — к какой системе научных знаний относится данная наука, и тем самым определить основное направление ее исследовательского поиска.

Археология как система научных знаний несомненно относится к метасистеме исторического знания, к разряду наук об обществе. Это положение стало аксиомой советской археологии, подтверждаемой всем ходом ее развития. В соответствии с этим и следует рассматривать проблему объекта археологии.

В советской археологии проблема определения объекта и предмета науки ставилась уже неоднократно. Так, еще в 20-х годах В. А. Городцов, одним из первых поставивший в советской археологии вопросы теории науки, писал: «Предметом изучения первобытной археологии являются древнейшие памятники до появления о них исторических известий в форме письменных документов и преданий. Историческая археология, служа прямым продолжением первобытной, имеет предметом памятники, современные историческим известиям и документам»². Здесь, как видно, объект археологии — памятники — В. А. Городцов именует «предметом изучения».

В бурной дискуссии начала 30-х годов, когда завершился первый этап становления советской археологии на марксистских методологических позициях, основной упор был сделан на определение предмета и задач археологии³.

Положение о том, что основным источником, изучаемым археологией, являются памятники, вещи — не вызывало споров. Советские археологи сосредоточили огонь критики на «голом вещеведении», присущем буржуазной науке, и тезисе о том, что вещи обла-

² *Городцов В. А. Археология. Каменный период.*— М.— Пг., 1923, т. 1, с. 6—7.

³ *Захарук Ю. Н. Указ. соч., с. 7—8.*

дают способностью к саморазвитию, как и живые организмы (О. Монтелиус, Н. Оберг и др.)⁴. Именно тогда, в утверждении положения о вещах, материальных остатках прошлого как исторических источниках⁵ и был заложен фундамент советской археологической науки.

В. И. Равдоникас определял археологию как «науку, задачей которой является изучение вещественных памятников в качестве исторических источников»⁶. Это определение в различных модифицированных вариантах получило в дальнейшем широкое распространение. «Археология — есть наука, изучающая историческое прошлое человечества по вещественным источникам..., археология есть история, вооруженная лопатой»⁷, — определение, данное в неоднократно переиздававшемся учебнике А. В. Арциховского.

Эти определения археологов и историков 30—40-х годов прочно утвердили советскую археологию как историческую науку, связанную с изучением истории древних обществ по вещественным источникам.

В основе данных представлений о науке лежал ряд логически связанных понятий: 1) археологические факты, вещественные исторические источники; 2) исторический процесс в целом; 3) закономерности его; 4) археология как историческая наука⁸ и 5) прошлое человечества⁹.

Рассматривая данные понятия с точки зрения определения объекта науки, можно заключить, что исследователи этого времени считали объектом археологии бесспорно общество («наука, изучающая прошлое человечества»), исследование которого осуществлялось по «вещественным памятникам в качестве исторических источников».

* * *

С оживлением интереса к теоретическим проблемам в советской археологии с конца 60-х годов была поднята проблема объекта и предмета археологии, причем не только на уровне простых определений, были предприняты попытки раскрыть глубже содержательную сторону этих понятий в археологии и использовать их в системе построения структуры науки.

⁴ Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры. — ИГАИМК. Л., 1930, т. 7, вып. 3-4.

⁵ Кипарисов Ф. В. Вещь — исторический источник. — ИГАИМК, 1930, вып. 100.

⁶ Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л., 1939, ч. 1, с. 38.

⁷ Арциховский А. В. Введение в археологию, 1941, изд. 2-е, с. 3.

⁸ Борзя В. Н. Природа археологического источника и объект археологии как науки. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 7.

⁹ Борзя В. Н. Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки. — В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1966.

В определении объекта археологии как науки наметились две точки зрения. Согласно одной объектом изучения археологии являются археологические памятники, а другой — общество. Отметим также, что сторонники обоих взглядов исходят в своих определениях в большинстве случаев из одних и тех же основных положений об объекте науки (фрагмент объективного мира, объективность существования, развитие объекта и т. д.).

Ограничение объекта археологии только археологическими памятниками — это традиционная точка зрения, при этом, однако, советские археологи в отличие от буржуазных всегда подчеркивали, что археологические памятники являются источниками для изучения исторического прошлого человечества, имея в виду именно общество в широком понимании совокупности всех составляющих его компонентов.

Некоторые из современных археологов в дискуссии по методологическим проблемам археологии попытались уточнить определение объекта в духе абсолютизации объективности археологических памятников. Так, Г. П. Григорьев пишет, что «объект археологии — это совокупность ископаемого материала в широком смысле слова, включая находки на поверхности, архитектуру, скрытую под позднейшими перестройками, и т. д. Вторая сторона, без которой первая не может существовать, — это контекст ископаемых объектов, отношения между ними как данные непосредственно, так и выводимые аналитически»¹⁰. В целом это определение, если не считать части последней фразы, по поводу аналитически выводимого, которое уже не относится к объекту, а к его познанию, существенных возражений, как и ранее дававшиеся, не вызывает, но автор идет дальше: «Надо признать и последовательно проводить в работе тезис: ископаемые объекты суть археологические источники, а не исторические. В них никакой исторической информации не содержится»¹¹. Это противопоставление исторических и археологических источников не формальное, а, по мнению автора, принципиальное, так как именно исходя из определения объекта изучения дается заключение и о предмете науки — «установление закономерностей развития ископаемых объектов и отношений между ними» — и о задачах науки — исторический вывод как конечная цель археологических исследований, по мнению автора, является только прикладным, вторичным использованием смежной наукой.

К этой точке зрения об объекте археологии, предмете и задачах фактически примыкают взгляды Л. С. Клейна, В. С. Бочкарева и Г. С. Лебедева. Так, Л. С. Клейн, описывая свою схему процедуры археологического исследования, считает, что последнее заканчи-

¹⁰ Григорьев Г. П. О предмете археологии. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 42.

¹¹ Там же, с. 41.

вается тем, что археологические источники из вещной формы переводятся в обобщенную понятийную для оперирования в науке и эта процедура имеет своим «результатом — создание нового источника — исторического...», после чего «...начинается исследование историческое, социологическое или культурологическое»¹². Как видно, в понятии данного автора археология как наука ограничена лишь оперированием собственно вещевым материалом, так же как это более четко выражено у Г. П. Григорьева. Аналогичную позицию занимает и Г. С. Лебедев, который описание системы археологической культуры завершает подготовкой материала для исторической реконструкции, лежащей вне археологической науки¹³. Ограничивая объект науки археологическими памятниками, данная группа авторов ограничила предмет и задачи археологов сугубо операциями с вещевыми остатками, исключив из науки рассмотрение проблем социального развития.

В этом вопросе авторы не оригинальные и всецело следуют за неопозитивистами «новой археологии» — Д. Кларком, М. Мальмером и др., критика взглядов которых уже была дана в советской литературе¹⁴.

Методологической предпосылкой этой точки зрения Г. П. Григорьева и других авторов, как показал М. В. Аникович, является «неверное разделение и противопоставление процесса развития материальной культуры и социального развития общества»¹⁵, что было изложено достаточно четко Г. П. Григорьевым в следующем тезисе: «...развитие орудий труда (развитие материальной культуры в более широком плане) и развитие общественных форм не тождественны: первое — особый вид развития, движения материи, анализируемый в понятиях типологического метода, второе же описывается в социальных терминах»¹⁶.

М. В. Аникович совершенно верно отметил, что главная ошибка Г. П. Григорьева здесь в том, что он, уподобил развитие материальной культуры особому виду движения материи в отрыве от социального развития, а это неизбежно предполагает «ее саморазвитие, а следовательно — и особую науку, изучающую процессы и законы этого развития, равноправную историю и независимую последней»¹⁷.

¹² Клейн Л. С. К разработке процедуры археологического исследования. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1966, с. 44.

¹³ Лебедев Г. С. Системное описание археологической культуры. — В кн.: Предмет и объект археологии...

¹⁴ Семенов С. А. Системный подход и «Аналитическая археология» Д. Кларка. — Там же.

¹⁵ Аникович М. В. Первобытная археология — конкретная историческая наука. — Там же, с. 15.

¹⁶ Григорьев Г. П. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР. — В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969, с. 13.

¹⁷ Аникович М. В. Указ. соч., с. 15.

Если уже говорить о форме движения материи, то это несомненно социальная форма, необходимыми и достаточными компонентами которой являются общество — деятельность — культура (о чем будет идти речь ниже), и вырывать один из компонентов из этой системы и абсолютизировать его, а тем более пытаться познать его в отрыве от других компонентов общественного социального развития — задача явно невыполнимая.

Но это лишь одна сторона рассмотренной концепции, ее основной теоретический просчет. В данной концепции объекта есть и такие нюансы, которые заслуживают специального рассмотрения. Археологические памятники как автономная изолированная система несомненно также могут рассматриваться как объект изучения с точки зрения существования в объективном мире. В этом случае мы отвлекаемся, абстрагируемся от генетической стороны археологических памятников, их происхождения и в конечном итоге связи с обществом. Такая постановка исходит из определения существования как непосредственного бытия, как настоящего, как момент перехода к будущему. В этом аспекте действительно на первый план выступает «контекст ископаемых объектов, отношения между ними...» (Г. П. Григорьев). И только при рассмотрении археологических памятников в этом аспекте можно говорить об их развитии и выявлении закономерностей этого развития. Этот вопрос имеет немаловажное значение, ибо согласно марксистской методологии объект как часть объективного мира должен рассматриваться как развивающийся и иметь свои законы развития, обнаружение которых и составляет главную задачу любой науки¹⁸. И, конечно, в этом отношении мнение Ю. Н. Захарука, что объект, в данном случае археологические источники, в силу своей ископаемой природы, не подвержен закономерностям развития¹⁹ — находится в явном противоречии с диалектикой. Кроме того, если нет закономерностей развития объекта, то что же в таком случае должна изучать археология как наука?

Но вполне очевидно также, что не эти закономерности развития археологических памятников должны быть в центре внимания археологии как науки исторического цикла, так как если мы ограничим наш объект изучения археологическими памятниками с точки зрения настоящего существования, то, кроме описания стратиграфии, планиграфии, находок различного характера и их взаимосвязи между собой, никакой информации не получим и никакой перспективы для рассмотрения в историческом аспекте развития общества, от которого остались эти памятники, не будем иметь.

Все изложенное, однако, ни в коей мере не умаляет важного значения рассмотрения и изучения объекта и в данном плане. Нам хотелось лишь показать, что определение археологических памятни-

¹⁸ Борзая В. Н. Природа археологического источника., с. 8; Борзая В. Н. Методологические предпосылки., с. 201—202.

¹⁹ Захарук Ю. Н. Указ соч., с. 15.

ков как объекта науки археологии является, по-видимому, далеко не полным, вызывающим ряд противоречий.

Далее рассмотрим вопрос об ограничении исследовательской процедуры в археологии только операциями с собственно археологическими памятниками (полевые исследования, классификация, типология и т. д.). В данном случае, по-видимому, сторонники рассматриваемой концепции исходят всецело из определения объекта — если объектом изучения археологии как отдельной науки являются археологические памятники, то задача этой науки и должна ограничиваться оперированием только с археологическими материалами.

Так, В. С. Бочкарев считает, как и М. Мальмер, что у археологов есть только два объективно данных факта: «свойство артефактов и условия их нахождения», и именно на основе этого у автора складывается представление об объекте исследования археологии со своими специфическими закономерностями. Правда, в начале он акцентировал внимание на том, что без «историко-социологических представлений археология немыслима, и приходит к выводу о «диалектическом единстве обеих отраслей знаний (собственно археологии и палеоистории)»²⁰. Но в дальнейшем В. С. Бочкарев все больше принимает сторону «чистой археологии». «Любое определение предмета и объекта археологии,— пишет он,— так или иначе исходит из положения, что эта наука имеет дело только с теми ископаемыми материальными объектами, которые изготовлены или модифицированы человеком прошлого»²¹. Систему основных понятий археологии он ограничивает уровнем классификации археологических источников (артефактов), а «центральная задача археологии как автономной области знания» состоит в том, чтобы уловить изменчивость свойств и артефактов, «изучить закономерности археологического процесса»²² (?) и т. д. Не спасают в данном случае и его неоднократные ссылки на то, что «концепция культуры жизненно необходима археологии»²³, поскольку она не введена в систему основных понятий археологии, а присутствует как некий «взгляд извне».

По-видимому, исходя именно из такого определения объекта археологии — археологические памятники, Г. П. Григорьев считал исторические выводы вторичным использованием заключений археологии, а Л. С. Клейн и Г. С. Лебедев завершающие этапы археологического исследования ограничили подготовкой материала для исторической реконструкции или переводом источника из

²⁰ Бочкарев В. С. К вопросу о структуре археологического исследования. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР.— Ташкент, 1973, с. 58.

²¹ Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 35.

²² Там же, с. 40.

²³ Там же, с. 35.

вешной формы в общепринятую, пригодную для оперирования в науке (не археологии). Логика рассуждения этих авторов исходит, по-видимому, из следующего. Археологические памятники являются материализованной частью культуры. Но культура — это лишь компонент в системе общества (в широком смысле социума). Поэтому выход за пределы изучения культуры (археологических памятников) как объекта науки можно в известной мере достаточно обоснованно считать выходом за пределы объекта науки. Поясним эту мысль на примере другой науки. Если объектом науки геологии является Земля, и геология будет стремиться также к изучению космического пространства или, допустим, движения планет, то ясно, что геология как наука выходит за пределы своего объекта и «вторгается» в чужой объект, в другую науку. Конечно, между Землей и космосом существует взаимосвязь, но изучение этой взаимосвязи будет осуществляться уже не геологией, для которой объект науки — Земля, а наукой, у которой объектом будет, по-видимому, Галактика.

Действительно, археологические памятники являются остатками материализованной части культуры, которая как часть целостности входит в единую систему социума (общество в широком смысле), необходимыми и достаточными компонентами которой являются общество, деятельность, культура²⁴.

Но если археология как наука ставит перед собой задачу всестороннего изучения истории отдельных обществ, а именно на этом и акцентируется внимание, когда указывается, что это наука, изучающая «историческое прошлое человечества по вещественным памятникам» (А. В. Арциховский), то, очевидно, нельзя в археологии в качестве объекта науки выделять только один из компонентов системы — культуру. Исторический процесс складывается в конечном итоге из взаимодействия и связей всех компонентов и в таком случае объектом науки должно быть общество в целом (социум).

Культура тоже может быть объектом рассмотрения отдельной науки, но тогда она должна изучаться как самостоятельный феномен, со своей спецификой и закономерностями развития, и тогда мы будем иметь историю культуры, а не историю развития отдельных обществ, прошлое человечества или культурологию, изучающую социологические аспекты культуры как системы.

И наконец, Ю. Н. Захарук, но уже совершенно с других позиций, также считает, что единственным и подлинным объектом познания исторических наук являются различного рода «следы прошлого». Особую категорию последних образуют вещественные находки, являющиеся специфическими объектами археологической науки²⁵.

²⁴ Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 64 и сл.

²⁵ Захарук Ю. Н. Указ. соч. В ряде более ранних работ автор также высказывался по этой проблеме достаточно определенно, что объектом археологии являются археологические источники. См.: Захарук Ю. Н. О методологии архео-

В специальной статье, посвященной проблеме объекта и предмета археологии, Ю. Н. Захарук подверг критике целый ряд положений об объекте археологии авторов, о которых мы писали выше, а защиту своей концепции объекта (археологические памятники) построил на критике взгляда, согласно которому объектом археологии является общество. «В отличие от большинства наук,— пишет Ю. Н. Захарук,— имеющих своим непосредственным объектом познания сами феномены объективной действительности, исторические науки исследуют в качестве объекта познания не сами феномены исторического прошлого, а только их следы, выступающие в качестве источников исторического познания. Именно эту чрезвычайно важную специфическую особенность объекта исторического познания недооценивают сторонники той концепции, что объектом познания археологии являются не археологические источники, а само общество, сам феномен, субъект исторической действительности»²⁶.

Следует сделать несколько необходимых замечаний по поводу вышеизложенного. Прежде всего, что понимает автор под понятием «само общество». Если верна последняя фраза в приведенной выше цитате — «субъект исторической действительности», то это всего лишь один из компонентов системы социума, что отмечалось выше, лишь носители общественных отношений, общество в смысле «совокупного человека как субъекта действия»²⁷. В дискуссии «...надо выяснить точно понятия»²⁸, ибо в таком узком содержании никто не определял общество как объект археологии.

Согласно концепции Ю. Н. Захарука универсальным, базовым объектом познания общественных наук является общество, в том числе, конечно, и в археологии. «Когда же речь идет об исторических науках,— подчеркивает автор,— возникает потребность в различении их универсального объекта (общества) и непосредственных объектов исследования (исторических источников). Поэтому, в данном случае, более правильно говорить о двух объектах: исходном и конечном, или непосредственном и целевом. Если исходным, непосредственным объектом исторического познания является исторический источник, то конечным, целевым объектом выступает уже прошлая историческая действительность, причем не реальная, а реконструируемая. Поэтому вполне правомерно именовать конечные, целевые объекты «реконструктивными объектами»²⁹. Далее Ю. Н. Захарук отмечает, что реконструктивный объект не «отвечает общепринятому методологическому понятию объекта

логической науки и ее проблемах.— СА, 1969, № 3, с. 11—12; Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 9—10.

²⁶ Захарук Ю. Н. Спорные вопросы..., с. 9.

²⁷ Перфильев М. Н. Общественные отношения. Л., 1974, с. 71.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

²⁹ Захарук Ю. Н. Спорные вопросы..., с. 9.

познания, так как лишен его важнейших онтологических и гносеологических качеств: объективного существования и непосредственной доступности исследованию. Вот почему, в данном случае, применение термина «объект» нельзя признать уместным. Во избежание терминологической путаницы... представляется целесообразным сохранить наименование объекта познания только за «следами прошлого», то есть за «историческими источниками»³⁰.

Рассмотрим основные положения концепции Ю. Н. Захарука:

1. О двух объектах — базовом и непосредственном.
2. Объект науки и непосредственный объект исследования.
3. Об отсутствии онтологических и гносеологических качеств у реконструктивного объекта.
4. Об «археологических источниках, не подверженных развитию».
5. О целесообразности терминологии.

1. Вопрос о двух объектах в принципе не нов и затрагивает проблему классификации наук по формам движения материи³¹ и именно в этом плане общество может рассматриваться как всеобщий универсальный объект познания всех общественных наук. Когда же речь идет об определении непосредственного объекта конкретной науки, то здесь, как уже отмечалось выше, необходимо констатировать как можно более конкретно, какую же часть объективного мира (гораздо менее общую, чем формы движения материи) изучает данная конкретная наука. Ю. Н. Захарук считает такой частью археологические источники.

Еще одно частное замечание. В приведенной нами выдержке из статьи Ю. Н. Захарука автора не смущает то, что он пишет о двух объектах, но несколько дальше, разбирая концепцию В. Ф. Генинга, это вызывает у него почему-то возражение. Суть этой концепции сводилась к следующему. Автор разбирал проблему объекта и предмета археологии в свете соотношения эмпирического и теоретического уровней исследования. «В археологии,— писалось в этой статье,— объектом науки на эмпирическом уровне, безусловно, является вся совокупность свойств, связей и отношений археологических памятников — лишь они существуют как объективная реальность в наше время, именно на них направлены наши познавательные операции»³².

Затем отмечалось, что в соответствии с задачами, стоящими перед марксистской археологией, археологические памятники используются «для реконструкции человеческой деятельности и воссоздания картины исторического развития древних обществ. Эти общества представляют собой теоретический объект археологии, в значительной степени «идеализированный, ненаблюдаемый», ибо

³⁰ Захарук Ю. Н. Спорные вопросы..., с. 9.

³¹ Кедров Б. М. Классификация наук, т. 1. М., 1961.

³² Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии (К вопросу о соотношении эмпирического и теоретического уровня знания в современной археологии).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, ч. 3. с. 15.

это только логическая реконструкция реального объекта прошлого — человеческого общества»³³.

Далее логически следовало, что так как в познании выявляются в известной мере различающиеся объекты, то должны различаться и предметы познания по своему содержанию, в первом случае связанные с сугубо эмпирическими операциями, а во втором — теоретическими.

Это положение и вызвало критические замечания Ю. Н. Захарука, так как, по его мнению, два специфических предмета, если «строго придерживаться методологического принципа, должны... указывать на наличие в археологии двух самостоятельных наук»³⁴. Тем более, очевидно, на две науки должны указывать два объекта. Но в данной статье, в отличие от утверждений Ю. Н. Захарука, шла речь не об отличии наук, а об уровнях познания в одной науке. Общепризнано, что уровни познания — эмпирический и теоретический — существенно различаются в каждой науке и, следовательно, различаются в какой-то мере и те познавательные операции, которые связаны с понятием объекта и предмета науки. Это и позволяет говорить об эмпирическом и теоретическом объектах в пределах данной науки.

2. Ю. Н. Захарук считает объектом археологии археологические источники, так как только они обладают важнейшими качествами: объективно существуют и непосредственно доступны для исследования. Концепция непосредственного объекта заимствована Ю. Н. Захаруком в логике А. И. Ракитова, который называет, однако, этот объект исходным, информационным³⁵.

В соответствии с задачами логики науки А. И. Ракитов анализирует структуру исторического исследования, а не проблему объекта и предмета науки. Автор формулирует исходные посылки своего исследования: «1. Будем называть *внутренними компонентами структуры исследования* постановку задачи, готовые знания и систему действий предпринимаемых для осуществления целей, зафиксированных в формулировке исследовательской задачи.

2. Будем называть *внешней* или онтологической системой исследования совокупность объектов исследования»³⁶. Разъясняя далее понимание объекта исследования, А. И. Ракитов ставит вопрос о природе исходных объектов исследования в исторической науке и пишет: «Объектами, образующими онтологическую систему исследования, являются феномены, с которыми исследователь непосредственно имеет дело в процессе решения исследовательской задачи»³⁷.

Напоминая о том, что объектом исторического исследования

³³ Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 15.

³⁴ Захарук Ю. Н. Спорные вопросы..., с. 14.

³⁵ Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с.175—176.

³⁶ Там же, с. 170.

³⁷ Там же, с. 174.

являются те или иные стороны развития общества, то есть феномены, не существующие в момент осуществления исследования, автор анализирует собственные (письменные) и не собственные (памятники материальной культуры) тексты и приходит к заключению: «Итак, исходным объектом исторического исследования во всех возможных случаях являются информационные объекты (собственные и не собственные тексты), представляющие собой системы знаний о явлениях, отсутствующих на всем протяжении исследования. Задача исторического исследования, в какой бы форме она ни ставилась, в конечном счете сводится к тому, чтобы на основании изучения и переработки исходных информационных объектов, фиксирующих некоторые знания о событиях прошлого, получить в качестве конечного объекта (результата) некоторые новые знания, относящиеся к этим событиям, их отдельным чертам или закономерностям. Сами эти события, следовательно, не являются (по определению) элементами онтологической системы процесса исследования. Их можно было бы назвать *реконструктивными объектами* исторического знания, так как в процессе исторического исследования свойства, связи и отношения, присущие этим событиям, реконструируются в виде некоторого реального процесса»³⁸.

Совершенно ясно, что в данном случае речь идет о логике научного исследования, а отнюдь не о структуре науки, поэтому перенести категории из одной системы в другую — не правомерно.

Возражая философу В. Н. Борязу, определяющему общество как объект науки археологии³⁹, Ю. Н. Захарук пишет, что эта концепция не учитывает «одного чрезвычайно важного существенного момента познавательной деятельности — условий познания»⁴⁰, к которым автор сводит положение о том, что непосредственно доступными феноменами исследований являются лишь «следы и останки» прошлого.

Исходным во всех построениях Ю. Н. Захарука об объекте археологии как науки служит тезис: «Как правило, археологи под объектом своей науки понимают все археологические памятники...»⁴¹, и все проводимые им рассуждения должны подкрепить именно этот тезис. Главное в нем, что неоднократно повторяется автором, это то, что археологические памятники обладают качеством реального существования и непосредственной доступности и что прошлое общество не обладает привилегией непосредственной доступности исследования.

Во-первых, ссылка на то, как понимают археологи свой объект, еще не есть аргумент или доказательство, ибо речь идет не об обыденном понимании, а о философском науковедческом понятии, и с этих позиций археологи еще не анализировали свою науку. А в этом от-

³⁸ *Ракитов А. И.* Указ. соч., с. 176—177.

³⁹ *Боряз В. Н.* Природа археологического источника.; *Боряз В. Н.* Методологические предпосылки..., с. 203 и сл.

⁴⁰ *Захарук Ю. Н.* Спорные вопросы..., с. 12.

⁴¹ Там же. с. 9.

ношении надо иметь в виду, что нередко к некоторым понятиям даже в философии «настолько привыкли, что значения их кажутся совершенно очевидными, не требующими особого анализа. Однако при переходе от очевидности «здорового смысла» к философскому осмыслению процессов эта интуитивная ясность оказывается мнимой»⁴².

В отношении объекта археологии, нам представляется, и сложилась именно такая ситуация. Археологические памятники — это действительно непосредственные, чувственно-воспринимаемые источники нашего познания, оказывающие непосредственное воздействие внешнего мира на наши органы чувств. Они непосредственно связаны с объективной реальностью. Так понимают археологи археологические памятники, называя их объектом науки. Это, на первый взгляд, и удовлетворяет одному из главных требований при определении объекта археологии — объективной реальности его. Однако воздействия внешнего мира — это всего лишь «исходный момент в отражении, *непосредственное условие познания*, но не само познание»⁴³ (курсив наш. — В. Г.).

Именно в смысле непосредственного условия познания, причем познания в эмпирических исследованиях, археологи говорят об археологических памятниках как объектах исследования, как об *источниках*, с которых должно начинаться всякое исследование. Но источник (тоже объект!) не есть еще объект отдельной науки в системе ее построения.

3. Общество, или прошлая историческая действительность, являясь «реконструктивным объектом», согласно мнению Ю. Н. Захарука, не может быть объектом науки, так как не отвечает общепринятому методологическому понятию объекта познания. Такой объект, по Ю. Н. Захаруку, лишен важнейших онтологических (объективно существовать) и гносеологических (быть непосредственно доступным) качеств.

Для того чтобы понять содержание объекта, необходимо обратиться к гносеологической проблеме *природы объекта*, исследуемого наукой, в частности археологией. Когда мы говорим, что наука изучает определенный фрагмент объективного мира и для археологии указываем, что таким фрагментом являются археологические памятники, — все как будто достаточно ясно. Но как понимать утверждение, что *объектом исследования являются отдельные общества древности* — феномены, фактически *не существующие* в момент нашего исследования? Здесь проблема объекта приобретает уже новый аспект, который заключается в том, является ли *все прошлое, исторический процесс объективной реальностью, фрагментом объективного мира?* А. В. Гулыга, затрагивая эту проблему в связи с историческими исследованиями, напомнил замечание К. Маркса в «Тези-

⁴² Хохлов Н. А. К вопросу о непосредственном и опосредственном в познании. — В кн.: Проблемы методологии и логики наук. Учен. зап. Том. гос. ун-та, 1965, № 61, вып. 2, с. 72.

⁴³ Там же, с. 73.

сах о Фейербахе» по поводу старого материализма: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берутся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»⁴⁴. В марксистской концепции историческая действительность стала рассматриваться не в форме натуралистического объекта, совершенно независимо от человека и его активной общественной деятельности, а как предметное воплощение его субъективной, то есть исходящей от человека как субъекта, деятельности. А. В. Гулыга далее пишет: «Окружающая человека действительность, которую он познает и одновременно преобразует, есть единство субъекта и объекта. В этом смысле общественные отношения и связи носят субъективно-объективный характер, причем под объектом понимают здесь предмет и результат деятельности, а под субъектом — ее носитель, общественный человек, коллектив, общество в целом. В этом смысле исторический процесс есть непрерывное взаимодействие объекта и субъекта.

Но понятие «субъект» мы можем брать и в старом традиционном смысле индивида, «созерцающего», *познающего* противостоящий ему объект. В этом смысле общественные отношения объективны и объективна реальность прошлого. *Разумеется, эта реальность не дана человеку в его ощущениях, не является материальной* (курсив наш.— В. Г.). Отражение исторической действительности есть ее реконструкция, воспроизведение»⁴⁵.

Парадоксальность, на первый взгляд, объекта исследования, не существующего в момент процесса исследования, отмечает и А. И. Ракитов, анализируя структуру исторического исследования с точки зрения логики науки. На первом этапе объектом наших исследований действительно выступают лишь археологические памятники, но это всего лишь исходные информационные объекты, которые, однако, представляют для нас интерес не как физические феномены, а как феномены, несущие некую дополнительную информацию о различных сторонах жизни общества, хозяйства, социальной структуре, экономических и культурных связях и т. д., поскольку они являлись основными элементами в системе жизни общества. Для археологического исследования эти феномены представляют интерес «в основном как источники информации о других объектах, не данных в непосредственном восприятии и не могущих быть воспринятыми»⁴⁶ (курсив наш.— В. Г.).

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1; См. также по этой проблеме: Межуев В. М. Культура и история. Актуальные проблемы исторического материализма. М., 1977, с. 66 и сл.

⁴⁵ Гулыга А. В. История как наука.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 12.

⁴⁶ Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 176. Проблема информационного потенциала археологических источников разбирается также

Таким образом, информационные объекты уже содержат и дают нам систему знаний об объектах, отсутствующих на всем протяжении наших исследований, которые являются *«реконструктивными объектами* исторического знания, так как в процессе исторического исследования свойства, связи и отношения, присущие этим событиям, реконструируются в виде некоторого реального процесса»⁴⁷. В этом отношении, когда, например, химик или физик использует в исследовании описание какого-либо процесса, отличается лишь тем, что он может экспериментально воспроизвести данный процесс, а историк, археолог проводит свой «эксперимент» мысленно, поскольку имеет дело с прошлым, которое само было «историческим неповторимым экспериментом».

Историческое прошлое — объективная реальность, подтверждение тому — «остатки и следы» этой реальности, и она бесспорно обладает важнейшими онтологическими и гносеологическими качествами. Поэтому нет никаких оснований отрицать возможность определения в качестве объекта любой исторической науки, в том числе археологии, «прошлое общество».

4. Согласно одной из главных посылок концепции Ю. Н. Захарука, «археологические источники как объект познания не подвержены закономерностям развития».

Как известно, одно из основных положений марксистской методологии гласит, что объект науки должен рассматриваться как развивающийся, что он находится в полном соответствии с диалектикой и ее утверждением о движении, развитии как всеобщей формы бытия⁴⁸.

Именно исходя из этого положения методология и определяет главное звено в предмете науки — изучение законов развития объекта. Этот тезис отмечает и Ю. Н. Захарук, но далее излагает свое отношение к нему, согласно которому «возможности его применения определяются прежде всего природой самого исследуемого объекта. Как быть, когда объект, в данном случае археологические источники, не подвержен закономерностям развития?»⁴⁹ «Факт», конечно, совершенно невероятный — в природе существуют объекты неразвивающиеся, «абсолютно мертвые...» Как же быть с категорией диалектики?

Конечно, диалектика здесь ни при чем, ибо археологические источники как объекты материального мира бесспорно также подвержены развитию, но какому? Именно здесь и проявляется двойственная природа данного феномена. Если рассматривать археологические памятники с точки зрения настоящего существования,

в статьях В. Н. Боряза «Природа исторического источника», с. 10, и «Методологические предпосылки...», с. 207.

⁴⁷ *Ракитов А. И.* Указ. соч., с. 177.

⁴⁸ См. некоторые аспекты проблемы понятия «развитие» в сб.: «Диалектика и логика научного познания». М., 1966, статья А. П. Шантулина, Е. Ф. Малевича, М. Н. Руткевича, В. И. Свищерского и др.

⁴⁹ *Захарук Ю. Н.* Спорные вопросы..., с. 15.

то они, после того как выпали из сферы живого общения, из сферы функционального общества, «в силу своей материально-субстратной природы они сразу же попали под действие законов движения собственного материального мира, войдя в общий круговорот материального движения»⁵⁰. В системе природы развитие археологических источников характеризует степень их физической сохранности.

Двойственный характер носят закономерности накопления культурного слоя со всеми присущими ему особенностями как по структуре, так и предметному содержанию. Здесь влияют факторы как природные (изменение структуры слоя, природное разрушение и т. д.), так и социальные. Причем последние должны быть подразделены на две группы: одни — связанные с функционированием общества, оставившего после себя данный слой, и другие — связанные с действиями современного общества⁵¹. Данное развитие археологических источников относится к эмпирическому объекту археологии.

Но главное заключается, очевидно, в том, что археологические источники должны быть рассмотрены как остатки компонента «культуры» в функционировавшей системе общества прошлого, которое и является объектом науки — археологии. Лишь в этой системе археологические источники, реконструируемые как материализованная часть культуры функционирующего общества, несомненно являются объектами развивающейся социальной структуры.

Б. И последнее, о целесообразности терминологии, а именно о сохранении наименования объекта познания только за «следами прошлого», то есть за «историческими источниками».

С этим доводом Ю. Н. Захарука можно вполне согласиться, но только в том плане, что археологические источники — это эмпирический объект археологии и именно он объективно существует и непосредственно доступен для исследования, то есть обладает качествами, которые характеризуют эмпирический объект любой науки. Если же рассматривать это в другом плане, то, как мы попытались показать, речь идет совсем не о целесообразности сохранения терминологии, а различном толковании структуры науки.

* * *

Исходным объектом исследования в археологии, безусловно, являются археологические памятники или источники. Источниками эти памятники становятся лишь тогда, когда их включают в процесс познания, поэтому более правильным и точным будет объединение остатков культуры древних обществ (часть объективного мира), которые потенциально могут быть в сфере интересов археологии, в

⁵⁰ Борзя В. Н. Методологические предпосылки..., с. 207.

⁵¹ Клейн Л. С. К разработке процедуры археологического исследования.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 43.

понятие «археологические памятники» или «археологические объекты». Представляется вполне целесообразным ограничить термин «*археологические памятники*» именно таким, наиболее общим значением.

Какое же место занимает эта категория в общей системе археологической науки?

Для решения этой проблемы мы должны исходить из того, что археологические памятники являются одним из неизменных компонентов объекта археологии, и именно наличие их служит исходным моментом отражения, *непосредственным условием познания*.

Процесс познания в большинстве наук начинается с получения эмпирических знаний, и этот процесс связан с операциями с конкретно-чувственными объектами. В качестве таких объектов и выступают археологические памятники любой категории.

А. И. Ракитов, исследуя природу эмпирического знания, отмечает, что процесс получения его включает несколько этапов, связанных с фиксацией объекта исследования, выбором средств и способов наблюдения, получением данных о нем, и только тогда, когда непосредственный объект исследования переведен в определенную знаковую форму, появляется некоторое эмпирическое знание — *факт*, которое после оценки включается в научное знание⁵².

Исходя из этого положения, мы и можем сделать заключение, что археологические памятники являются в науке исходными объектами предметно-орудийного типа, источниками для формирования *фактов эмпирического уровня* археологического знания.

В логике науки именно эти объекты выступают как объекты нулевого уровня, от которых в процессе абстракции формируются знаковые объекты научного знания различного уровня⁵³. Для этого необходимо не только выбрать исходный объект — какую-либо категорию археологических памятников или отдельный предмет, но и выделить в нем объективный предмет исследования — какие именно специфические особенности представляют для нас конкретный интерес, а также установить все оперативные средства и последовательность их применения для получения объекта определенного уровня. Именно в этом процессе археологические источники, как остатки опредмеченной деятельности людей, и превращаются в источники по изучению истории прошлой исторической действительности.

На эмпирическом уровне исследования специфическим объектом археологического исследования являются артефакты — те свойства и качества археологических памятников — различных вещей, остатков и следов сооружений, захоронений, кухонных отбросов и т. д., которые обнаруживают непосредственно в ходе практических исследований, в их конкретно-чувственной воспринимаемости, что является характерной особенностью эмпирического объекта.

⁵² Ракитов А. И. О природе эмпирического знания. — В кн.: Логическая структура научного знания. М., 1965, с. 126—127.

⁵³ Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки. М., 1971, с. 43.

Артефакт — термин, который широко употребляется в последнее время в западноевропейской археологии и постепенно начинает внедряться и у нас. В. С. Бочкарев предлагает следующее определение этого понятия: «артефакт» — любой материальный объект, изготовленный или модифицированный человеком прошлого и выполнивший * определенную культурную функцию. Функция берется в системном понимании — «такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает существование или какую-либо форму проявления целого» (М. И. Сетров). В таком виде функция шире ее традиционного технико-технологического значения. Культура вслед за Э. С. Маркаряном трактуется как специфическая функция общественной жизни людей. Артефактами могут считаться отдельные черты объекта (например, орнаментация горшка), целый объект (например, горшок), монумент (например, кафедральный собор), структура (например, планировка могильника) и т. д. Артефакты обладают множеством функций. Каждый имеет их несколько — производственную, социальную, эстетическую и т. д. Артефакты составляют материал археологии, ее эмпирическую базу⁶⁴.

Нам представляется, что в подобной трактовке понятие «артефакт» не только вполне приемлемо, но и достаточно удобно в археологии, так как оттеняет специфический характер исходного материала — источника данной науки. Фактически этот термин призван заменить такие термины, как «археологический источник», «памятник», «культурные остатки», «материал», «древности», «остатки и следы» и некоторые другие «приспособленные» термины, которые не имели достаточно ясного определения и употреблялись весьма неопределенно. Принятие термина «артефакт» не только вводит единообразие в терминологию, но и четко определяет эмпирическую базу объекта данной науки.

Выделение понятия «артефакт» как особой категории фактов настоящей действительности имеет для археологии и большое методологическое значение. Известно, что одним из важнейших принципов марксистской теории познания является объективность объекта изучения каждой конкретной науки. Понятие «артефакт» и должно отражать то положение, что исходным источником археологического познания (исходным объектом) является объективная реальность, а в конечном счете, учитывая происхождение этой реальности — ископаемых остатков, — объективно протекавший вне зависимости от сознания познающего субъекта исторический процесс.

На это в археологии обратил внимание Ю. Н. Захарук, указав, что отрицание объективного предмета исторического исследования является отправным пунктом идеалистических концепций истори-

* Я заменяю здесь слово «выполняющий» — настоящее время, прошедшим «выполнившим», считая, что это более правильно.

⁶⁴ Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 35—36.

ческого познания, в котором объективную историческую действительность отождествляют с познанием этой действительности — фактами науки⁵⁵. В качестве объекта познания в артефактах рассматриваются те объективные свойства, связи и отношения, которые включены в процесс нашего познания. Артефакты обладают конкретно-чувственной восприимчивостью и выступают как объекты познания на эмпирическом уровне. Эта особенность эмпирического объекта обуславливает, с одной стороны, методы изучения — наблюдения, измерения, частично описания и с другой, — конкретно-чувственную форму самих познавательных операций — раскопки, сбор вещевых материалов, фиксации остатка сооружений, первичную классификацию материалов и т. п.

Специфическую категорию древностей в археологии составляют «остатки природы». В структуре системы «человеческое общество» одним из важнейших отношений является взаимодействие человека и природы. Огромное значение, а точнее, зависимость первобытного человека от природы и особенно окружающей среды общеизвестны. Именно эти «следы и остатки окружающей среды» того времени, когда функционировало то или иное общество, и фиксируются в археологических памятниках — это пыльца растений, кости животных, минеральные источники, географический ландшафт и т. п. — все то, что позволяет получить представление об окружающей природной среде. Все факты этого рода хотя и входят в комплекс археологических памятников, но не являются артефактами, поскольку они не порождены человеческой деятельностью. Природные факты включаются в объекты других наук, а использование их данных по реконструкции окружающей природной среды является результатом взаимосвязи археологии с другими науками.

Структура объекта включает основные составные элементы, в результате взаимодействия которых возникают различные свойства, связи и закономерности функционирования объекта.

Структура эмпирического объекта археологии представляет собой взаимосвязь артефактов — различных категорий материальных остатков как предметов, так и остатков сооружений в пределах археологических памятников — и взаимосвязь последних между собой: определенную закономерность распределения этих остатков в пространстве, определенную закономерность сочетания типов предметов и остатков сооружений.

Основными компонентами структуры эмпирического объекта археологии являются артефакты с их свойствами и современное положение артефактов в пространстве⁵⁶. Свойства артефактов — это отдельные черты, элементы, составляющие артефакт, которые

⁵⁵ Захарук Ю. Н. О понятии «факт» в археологической науке. — СА, 1977, № 4, с. 36.

⁵⁶ Бочкарев В. С. поддерживает точку зрения М. Мальмера, который считает, что в археологии существует «только два объективно данных факта: свойства артефактов и условия их нахождения». Бочкарев В. О. К вопросу о структуре археологического исследования., с. 57.

могут быть учтены, зафиксированы путем непосредственного наблюдения, измерения, анализа и т. д. Взаимосвязь их в одном объекте — артефакте — не простая сумма свойств, это порождение нового качества — целостности⁵⁷. Так, топор имеет материал, определенную форму, вес, которые в совокупности дают рубящее орудие. Котлован определенной формы со следами очагов и другими конструктивными деталями представляет собой остатки жилища. Взаимосвязь артефактов как целостности с их местоположением в пространстве порождает новые свойства — информацию, значимость которой вытекает из онтологической природы системы ископаемой культуры. Эта система статичная, источником развития ее являются только факторы внешнего воздействия, компоненты системы характеризуются изолированностью и связь между ними суммативная, агрегативная. Эта система не имеет непосредственно определяемого временного статуса⁵⁸. В какой-то степени эту ущербность, недостаточность в системе ископаемой культуры компенсирует компонент пространственного положения артефактов. В качестве элементов пространства выступают не только географическое местонахождение, но и культурный слой как целостное образование, взаимоположение культурных и природных слоев, наконец отдельные целостные артефакты — остатки сооружений — жилищ, погребений и т. д.

Именно пространственное взаимоположение артефактов порождает такие объективные свойства, как временной статус (через связь со слоем — относительной хронологии, синхронность и диахронность артефактов), свойства диагностичности (расположение вещей в погребении, характер находок орудий в жилище и др.). И наконец, условия внешней среды, взаимодействие с ней определяют степень сохранности остатков прошлого, с одной стороны, в прямом понимании — физической сохранности остатков, и с другой — сохранности их в археологическом смысле — в первоначальном или переотложенном состоянии.

Археологические исследования, однако, не ограничиваются описаниями археологических источников и определением их пространственно-временных параметров. Перед археологической наукой стоит главная задача — реконструирование социально-исторического развития конкретных обществ прошлого. Эта задача может быть осуществлена только на теоретическом уровне, когда основная познавательная задача состоит в теоретическом анализе эмпирических данных, что в конечном итоге должно привести к раскрытию и обоснованию сущности явлений, зафиксированных на эмпириче-

⁵⁷ Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий, с. 36.

⁵⁸ Захарук Ю. Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 4—6; Захарук Ю. Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 3—10.

ском уровне. На теоретическом уровне познания объектом археологии становится уже прошлое общество в «идеализированном» — мысленно представленном виде, как оно функционировало в реальности.

Это вытекает из самой сущности изучаемых археологией объектов, которые являются остатками и следами результатов жизнедеятельности конкретных обществ прошлого. В этих остатках и следах сохранилась сама материализованная деятельная сущность человека как социального феномена, в них материализовано общество прошлого.

Интересен в отношении определения объекта археологии подход с точки зрения общего науковедения, предложенный философом В. Н. Борязом, давшим обстоятельный философский анализ проблемы объекта в археологии. Автор отмечает, что археологические источники принадлежат эмпирическому уровню науки и при формировании наиболее общих теоретических понятий археологии, а понятие объекта несомненно принадлежит именно к таким понятиям, нельзя ставить их в зависимость от эмпирического понятия, весьма одно-стороннего и трактуемого в различном плане. Именно поэтому В. Н. Боряз предложил другой путь определения — «сверху», от общего к частному. «Наиболее общим объектом наук,— пишет автор,— изучающих объективную действительность, являются природа, общество, мышление. История становления археологии свидетельствует, что она не изучает закономерности развития природы, не исследует мышление, следовательно, ее объект — общество. Однако общество — сложная многокомпонентная система. Для конкретизации представлений об объекте археологии важно ответить на вопрос, изучает ли археология (принципиально отвлекаясь от количественной характеристики познания) все разнообразие присущих общественной структуре элементов или только некоторую часть из них. Ответ археологов однозначен: да, археология изучает все стороны жизни общества, стремится к полному и всестороннему его познанию»⁵⁹.

В. Н. Боряз поставил интересно также вопрос о природе археологического источника. Действительно, формально артефакты как материальные объекты, изготовленные людьми, в принципе создаются всегда, в том числе и в современную эпоху. В таком случае, где тот рубеж, когда материальные объекты, изготовленные людьми, становятся артефактами? В. Н. Боряз считает, что этот вопрос может быть решен с учетом информационного потенциала источника об обществе, его создавшем. Мерилом при этом «может быть лишь соответствующее общество, взятое в его функции генератора информации о своей собственной структуре, законах своего функционирования и развития, о своей деятельности в ее материальных и идеальных формах»⁶⁰. Если сохранилось достаточно информации об обществе не в вещных формах (артефактах), последние не

⁵⁹ Боряз В. Н. Природа археологического источника и объект археологии как науки, с. 9; Боряз В. Н. Методологические предпосылки..., с. 202—204.

⁶⁰ Боряз В. Н. Природа археологического источника..., с. 10.

приобретают функции артефактов — источников археологии, и наоборот. Это в свою очередь зависит от уровня развития самого общества, которое и может рассматриваться с этой точки зрения как развивающаяся система объекта, проходящего ряд стадий развития. Чем дальше вглубь мы спускаемся, тем меньше информации, вначале «не вещной», а затем и «вещной» — артефактов — обнаруживается в объекте.

Структура теоретического объекта археологии в определенной степени близка структуре объекта истории, так как в обоих случаях объектом изучения являются конкретные человеческие общества. Но исходя из специфики источников и познавательных возможностей определяется и своеобразная структура теоретического объекта археологии. Основными составными элементами объекта — общества древности — следует считать различные сферы его жизнедеятельности: производственную, социальную, бытовую, этническую, духовную, которые находятся в сложном взаимодействии и взаимосвязи, развиваются по своим законам. Определяющей сферой марксизм считает материальное производство, которое и детерминирует все отдельные сферы.

Таким образом, в методологическом аспекте объектом археологии как науки должно быть признано общество, поскольку именно эту часть объективного мира она познает. Этим самым снимается целый ряд дискуссионных вопросов, которые затрагивались в предыдущих разделах.

1. Если объектом изучения археологии является общество, то вполне правомерна и постановка задач по исследованию всего разнообразия элементов, присущих общественной структуре (В. Н. Боярз).

2. Главной задачей отдельной науки является обнаружение и исследование законов развития объекта. Закономерности, исследуемые археологией, должны лежать не в области происхождения и развития собственно археологических памятников (Г. П. Григорьев, В. С. Бочкарев), а в сфере общественного развития, отраженного в этих памятниках.

3. Археология ни в коей мере не может ограничивать свои исследования операциями только с собственно археологическими источниками, так как это всего лишь информационные объекты. Она должна подниматься до уровня операций с категориями общественной структуры, которые дают возможность исследовать исторический процесс и тем самым осуществлять в практической работе изучение истории отдельных древних обществ во всей многогранности их социального развития.

Приведенная здесь концепция объекта науки в археологии отнюдь не означает наличие двух объектов в данной науке *. По-видимому, следует провести *разграничение* объекта науки как такового, как объективного всеобщего объекта науки археологии,

* См. выше п. 1. Замечания по поводу концепции Ю. Н. Захарука.

в качестве которого рассматривается общество (социум) или прошлая историческая действительность, и объектов исследования археологии, обусловленных эмпирическим и теоретическим уровнями познания.

Объект науки представлен единством ее эмпирического и теоретического уровней познания. Эмпирический объект — это исходный, непосредственный объект, включающий в археологию сохранившуюся часть материализованной культуры древних обществ. Исследование этих остатков в их непосредственно чувственно-воспринимаемой форме дает возможность познать объект ограниченно, частичным образом, адекватно его вещно-предметной природе, то есть только в пределах тех предметных остатков, которые зафиксированы в процессе исследования эмпирического объекта. Для того чтобы понять генетическую сущность предметных остатков, необходимо подняться выше, на теоретический уровень познания, а это возможно лишь тогда, когда данная материализованная субстанция общества будет рассмотрена в системе целого, в котором эта субстанция — предметный мир, культура — будет «функционировать» во взаимодействии и связи с другими компонентами — деятельностью и обществом, компонентами, необходимыми и достаточными для существования целостности — общества (социума). Именно эта целостность — общество — и будет являться на теоретическом уровне познания в археологии объектом исследования. Но данный объект — общество (социум) — гораздо шире по содержанию, чем эмпирический объект — культура (в археологии — сохранившаяся материализованная часть культуры). Поэтому теоретический объект археологии включает как составной органический элемент и эмпирический объект.

И поскольку в современном познании ведущую роль несомненно играет теоретический уровень, который позволяет постигать объект всеобщим, теоретически — конкретным способом, постольку всеобщий объект науки в археологии — общество — и находит отражение именно на теоретическом, а не эмпирическом уровне познания.

Естественно, что данная проблема объекта археологии может быть всесторонне раскрыта при рассмотрении вопросов о предмете науки, ибо главная сторона заключена все же в процессе познания объекта, раскрытия его сущности, которая фиксируется в предмете науки.

* * *

Остановимся далее на рассмотрении еще одной проблемы — в чем же все-таки специфика археологии как самостоятельной науки и как это обусловлено объектом науки. Это потребует уже анализа археологии в логическом аспекте, с точки зрения логики науки ⁶¹.

⁶¹ О гносеологических и логических аспектах рассмотрения науки. См.: *Раки-тов А. И.* Курс лекций по логике науки, с. 16—23.

Объективная реальность и наука, изучающая эту реальность, — явления различного плана. Наука, в которой концентрируются наши значения, связана с научно-познавательной, теоретической деятельностью людей. «Каждая отдельная наука или совокупность наук в целом представляют собой знания, выраженные в виде системы объективно фиксированных предложений»⁶². Наука в целом как и каждая отдельная наука, будучи самостоятельной сферой деятельности, в свою очередь представляет собой также объект знания и достаточно сложный, имеющий свою структуру и строение, в котором выделяется в качестве одного из компонентов объект знания⁶³.

Концепция объекта в логике науки, представляющая значительный интерес и для археологических исследований, в более широком плане сводится к следующему.

Различают два вида объектов: O^* — объекты предметно-орудийной деятельности и O^{**} — объекты, регистрируемые и функционирующие в знаковой форме (абстрактные объекты). Сущность различия между ними состоит не в том, что первые являются чувственно воспринимаемыми, как это абсолютизируется в утверждениях концепции радикального эмпиризма, а вторые — чувственно не воспринимаемыми объектами (идеализированные объекты по концепции реализма). Сущность различия заключается в средствах регистрации и фиксации объектов. Для первых это предметно-орудийные средства, для вторых — знаковые средства, которые, однако, регистрируются также определенными чувственными рецепторами. И главная проблема здесь сводится к установлению генетической связи этих двух видов объектов знания.

Учитывая, что наука представляет собой систему знаний, фиксированных посредством знаков (языка, слов, символов), вполне логично, что *объекты, вводимые в научные знания*, также должны выступать в *знаковой форме*. Поэтому любая система знаний не может обойтись без объектов, существующих в знаковой форме, — слов или их сочетаний. Но слова и их сочетания (понятия, термины и т. п.) есть результат и средство абстракции, поэтому наука, рассматриваемая как система знаний, имеет дело *не с непосредственно чувственно данными* индивидуальными объектами, а с некоторыми абстрактными или идеализированными объектами, особенность которых состоит в том, что они фиксируются лишь в знаковой форме. Но при этом, однако, всегда имеется в виду, что исходным материалом в конструировании абстрактных объектов являются чувственно воспринимаемые феномены. Основным положением этой концепции является признание того, что идеализированные объекты генетически связаны с объектами предметно-орудийной деятельности, а средством перехода от объектов первого типа O^* к объектам

⁶² О гносеологических и логических аспектах рассмотрения науки. См.: Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки, с. 5.

⁶³ Там же, с. 34.

второго типа О является процесс абстракции, который подробно исследован и описан Д. П. Горским⁶⁴.

Далее в логике науки введено понятие уровня объектов исследования, которые различаются прежде всего по уровню своей абстракции и определяются операциями абстрагирования.

Уровень объекта «есть операциональная характеристика объекта, не говорящая о том, какие именно и сколько операций необходимо для его построения, но указывающая, что различия в уровнях детерминируются различием в числе или качестве операций или тем и другим одновременно, и что сам уровень не есть физическое, химическое и т. п. свойство, имманентно присущее объекту, но является результатом оперирования с объектом»⁶⁵.

При выделении объектов различного уровня в качестве исходных могут быть как объекты предметно-орудийного типа, так и идеализированные объекты. Конечным же объектом всегда будут выступать *знаковые, идеализированные объекты*. Приведенные выше описания системы исторического исследования, данные А. И. Ракитовым, как перехода от информационных объектов к реконструктивным представляет собой пример выделения объектов и перехода от одного уровня к другому.

Объект отдельной науки, соотношенный с объективной реальностью, всегда намного шире, чем те свойства, связи и отношения объекта, которые рассматриваются данной отдельной наукой, поэтому когда ставится проблема специфики археологии как науки исторического цикла, по-видимому, в первую очередь и следует выяснить, что же именно в объекте археологии — обществе — лежит в основе изучения данной науки и при помощи каких операций она это осуществляет.

Научная деятельность включает как предметно-орудийную (экспериментальную, эмпирическую) деятельность, так и оперирование готовыми накопленными знаниями. Именно поэтому «наука рассматривает все свои объекты через призму опосредующих операций, включая и знаковые. Поэтому объекты научного знания нельзя отождествлять с объектами, непосредственно данными, фиксируемыми предметно-орудийными средствами»⁶⁶. Каждая наука выделяет в общем объекте, каким является для всех общественных наук общество, те стороны, свойства и отношения, которые представляют для нее специальный интерес и могут быть рассмотрены доступными ей средствами. Фиксированная и выделенная таким образом сторона базисного объекта образует объективный предмет исследования * данной дисциплины⁶⁷.

⁶⁴ Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961.

⁶⁵ Ракитов А. И. Курс лекций..., с. 51.

⁶⁶ Там же, с. 53.

* Ю. Н. Захарук в тезисах «К вопросу о содержании и структуре теории археологии» (Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 44) пишет, ссылаясь на терминологию, введенную А. И. Ракитовым: «Объективный предмет исследова-

Археологические памятники любой категории — остатки поселений, вещей и другие — несомненно материальные объекты, и добываем мы их в процессе предметно-орудийной деятельности (раскопки, фиксация, измерение, описание). Сами эти объекты принадлежат генетически также к объектам предметно-орудийного типа. Для того чтобы эти феномены были введены в науку, стали объективными предметами знания, «они должны быть реконструированы в виде абстрактных объектов»⁶⁸ различного типа, например остатки материальной культуры, орудия труда и земледелия, орудия пахоты и т. д.

При наличии двух объектов смежного уровня объект более низкого уровня выступает как базисный по отношению к объекту более высокого уровня, который будет «объективным предметом знания, если 1) он фиксирован в знаковой форме и 2) указаны операции, посредством которых он выделен или построен из объектов предыдущего уровня»⁶⁹.

Соотношение между объектом и объективным предметом знания может быть различное⁷⁰, особенно при вычленении отдельных наук. При этом понятие объективный предмет знания призвано выделить в объекте те специфические, предельно общие свойства, связи, отношения или общие элементы, которыми характеризуется объект как в целом, так и во всех своих проявлениях. Выделив это *специфическое* в качестве главного объекта изучения и исследуя закономерности развития базисного объекта в его специфичности, тем самым наиболее полно раскрывается одна из сторон объекта, а в конечном итоге в результате усилий различных наук освещаются вся многогранность и богатство сущностей данного базисного объекта.

Отметим, кроме того, что одним из оснований для классификации наук является соотношение объекта науки, объективного предмета знания и совокупности задач и проблем, которые она перед собой ставит⁷¹. Для нас это имеет существенное значение, так как в определении объекта археологии одним из моментов было как раз выяснение той задачи, которую ставит перед собой археология — всестороннее изучение общества.

ний /П/1/ рассматривается как определенный фрагмент изучаемой наукой объективной реальности... П/1 оказывается понятием онтологическим». Но у Ракитова значение терминов несколько иное — П/1 это объективный предмет знания, то есть фиксированная в абстрациях определенная сторона объекта, а П/2 — совокупность предложений, в которых формулируются задачи относительно П/1 и объекта в целом. (См.: Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки, с. 75).

⁶⁷ Там же, с. 70.

⁶⁸ Захарук Ю. Н. К вопросу о содержании и структуре теории археологии..., с. 54; Ракитов А. И. О природе эмпирического знания. — В кн.: Логическая структура научного знания. М., 1965, с. 123—125.

⁶⁹ Захарук Ю. Н. К вопросу о содержании и структуре теории археологии..., с. 54.

⁷⁰ Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки, с. 56.

⁷¹ Ракитов А. И. О природе эмпирического знания, с. 126.

При классификации наук в одном случае один и тот же базисный объект может дать несколько различных объектов одного и того же уровня. Таким, например, является базисный объект Земля как объект геологии, географии, геофизики; общество — при выделении таких наук, как политэкономия, социология, гражданская (политическая) история, этнография. Но в ряду последних, по-видимому, невозможно поместить археологию, так как археология интересуется и изучает, конечно, в силу познавательных возможностей своих источников все эти аспекты как экономического и социального, так и политического и этнического характера и многие другие стороны, характеризующие специфику человеческого общества.

В другой системе отношений объекта и объективного предмета знания для различных базисных объектов, обнаруживающих некоторые общие элементы, свойства, связи или отношения при применении идентичных операций абстрагирования, возможно выделить и сформулировать один объективный предмет знания. Таковы, например, теплота — абстракция, являющаяся объективным предметом знания термодинамики; электропроводимость — как особое свойство, абстракция, образующая объективный предмет знания науки об электричестве, и т. д. К этому же классу относится, очевидно, и археология. Действительно, если общество — базисный объект для археологии, но она не исследует какую-то определенную структурную сторону общественных отношений, а изучает все стороны жизни общества, стремится к полному и всестороннему его познанию (однако это все же не обществоведение), то, по-видимому, и в изучаемом ею базисном объекте — обществе — имеются какие-то такие общие элементы, свойства и отношения, исследование которых с применением специфического подхода, свойственного только археологии, позволяет решать эту глобальную задачу всестороннего изучения общества. В первую очередь археологи подчеркивают, что они изучают вещи, остатки материальной культуры. Однако если в качестве объекта и объективного предмета знания будет выступать только материальная культура, то, вероятно, это будет история материальной культуры, а не история общества. Следовательно, не эта сторона является главной в определении объективного предмета знания для археологии. При этом, однако, ни в какой мере не игнорируется то обстоятельство, что археология имеет исходным, непосредственным источником своих исследований исключительно материальные остатки, в той или иной мере бывшие включенными в систему функционировавшего общества. Вероятно, плодотворным будет поиск в направлении генетической стороны образования (появления) материальных остатков, происхождение вещной субстанции в общественной жизни. Исходным при этом будет тезис о том, что вещи, материальные остатки являются результатом, продуктом человеческой деятельности.

Для этого рассмотрим общество как целостную систему, компонентами которой являются социум, деятельность, культура

и взаимосвязь которых хорошо выражена в тезисе, сформулированном М. С. Каганом: «Культура — продукт деятельности общества, общество — субъект этой деятельности»⁷².

Э. С. Маркарян, исследуя эту систему, пишет, что если попытаться «представить себе общество в качестве реально функционирующей и развивающейся целостной системы, то нетрудно будет убедиться, что общественная жизнь людей есть не что иное, как постоянный непрекращающийся процесс деятельности множества объединенных социальными связями индивидов. В своей совокупности действия человеческих индивидов представляют собой процесс координированной, многопланово осуществляемой социокультурно направленной активности, иначе говоря, деятельности»⁷³. «Для понимания этого феномена в качестве целостного образования его нужно рассмотреть прежде всего с трех различных точек зрения: 1) с точки зрения *субъектов деятельности*, отвечающей на вопрос, *кто* действует; 2) с точки зрения участников *приложения деятельности*, позволяющей установить, *на что* направлена человеческая деятельность, *где* она осуществляется и 3) с точки зрения *способа деятельности*, призванной ответить на вопросы, *как, каким образом* осуществляется человеческая деятельность и образуется ее совокупный эффект — феномен общественной жизни людей»⁷⁴.

Рассмотрение общества с точки зрения *способа деятельности* позволяет вскрыть в системе целого те *средства и механизмы*, которые обеспечивают функционирование системы, и установить назначение и роль этих механизмов и средств в пределах системы. По отношению к обществу под средствами и механизмами понимают те элементы, которые приводят его в действие, все то, что выработано людьми в процессе удовлетворения своих материальных и духовных потребностей, весь тот мир «второй природы», который объединяется в широкое понятие культуры.

Что же касается рассмотрения в этом плане деятельности, то здесь Э. С. Маркарян считает необходимым абстрагировать два качественно разных аспекта:

1. Для выполнения какой-либо *конкретной задачи* (производственной, духовной, бытовой и т. д.) люди включают в действие многочисленные *механизмы* деятельности (орудийные, речевые, физиологические и т. д.). Это аспект *актуализации* механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется и осуществляется активность субъектов действия»⁷⁵.

2. Активность людей, их деятельность всегда социально направлены на выполнение конкретных задач в *определенных сферах* общественной жизни (производственной, бытовой, духовной, и т. д.). Это позволяет выделить определенные участки приложения активности — *сферы человеческой деятельности*.

⁷² Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. 184.

⁷³ Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности..., с. 57.

⁷⁴ Там же, с. 66.

⁷⁵ Там же, с. 59.

Таким образом, в процессе общественной жизни люди, объединенные общественными связями (что в свою очередь также является объективной потребностью общества), при помощи различных механизмов деятельности (в том числе орудийных) прилагают свою деятельность в различных участках общественной жизни (сферах) для выполнения определенных задач по удовлетворению своих потребностей. Именно в этом процессе и происходит переход человеческой деятельности в вещную, материальную сторону, происходит материализация, овеществление человеческой деятельности. А так как деятельность присуща всем формам общественной жизни, то во всех сферах с той или иной полнотой совершается ее опредмечивание. Здесь, по-видимому, мы и подходим к той наиболее общей абстракции — *опредмечиванию, которое позволяет археологии исследовать самые различные стороны человеческой жизни*. Действительно, почему мы можем по археологическим источникам судить о хозяйстве, допустим, земледелии, или об этнических параметрах каких-то групп древнего населения? И что вообще имеет возможность изучать археология? Только то, что в той или иной мере воплотилось в предметную форму, где деятельность сопровождалась опредмечиванием, овеществлением и сохранились те или иные остатки, только там и о том мы и можем что-либо сказать.

По-видимому, необходимо будет также уточнить, в каком аспекте археология изучает общество как особый феномен объективной реальности. Поскольку в процессе исследования в качестве источников используются остатки опредмеченной деятельности, характеризующие всесторонне жизнь человеческих коллективов, постольку археология ставит перед собой задачу *реконструкции образа жизни древних обществ*. Именно в этом, очевидно, главная специфика археологии как исторической науки — исторический процесс она рассматривает сквозь призму изменения образа жизни людей. В связи с этим вспомним известное положение, сформулированное классиками марксизма: «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни... это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят»⁷⁶. Именно эта объективная взаимосвязь основных факторов, определяющих общественное развитие, и позволяет в процессе познания подняться от изучения образа жизни к изучению исторических закономерностей развития общества.

В плане рассматриваемой здесь проблемы исходным, базисным объектом археологии как науки исторического цикла будет выступать человеческое общество. В этом объекте выделяются различные объекты одного, но уже более низкого уровня — сферы челове-

⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, §, 19.

ской деятельности: производственной, социальной, политической, духовной, бытовой, этнической и т. д. Каждая такая сфера достаточно обширна и самостоятельна, что и привело к тому, что многие из них являются объектами изучения отдельных наук. В археологии же, которая ставит задачу глобального всестороннего изучения человеческого общества, каждая такая сфера будет выступать в качестве базисного объекта. Общим свойством, характеризующим все эти сферы, является то, что при выполнении конкретных задач, связанных с функционированием определенной сферы, происходит процесс, аналогичный труду, который, по словам К. Маркса, «... постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности»⁷⁷.

Именно эта абстракция — опредмечивание — и будет тем общим элементом для различных базисных объектов (сфер человеческой деятельности), которая позволяет выделить ее в качестве объективного предмета исследования особой науки — археологии.

Вторым условием выделения объективного предмета знания определенной науки является указание на «операции, посредством которых он выделен или построен из объекта предыдущего уровня»⁷⁸. В данном случае такой операцией является абстрагирование от того, кто конкретно осуществляет деятельность, в какой конкретно сфере она осуществляется и какими конкретно способами деятельности. Фиксируется лишь одно свойство — в процессе взаимодействия различных компонентов в этих сферах осуществляются опредмечивание, материализация человеческой деятельности, превращение ее в предметную форму*.

Итак, если при рассмотрении отдельной науки в гносеологическом аспекте исходным в построении ее является определение объекта, то в логическом аспекте эту функцию выполняет объективный предмет знания, который в свою очередь детерминирует основное теоретическое и методологическое содержание данной отдельной науки. Но это уже проблема предмета науки, рассмотрение науки как функционирующей системы научного знания.

С. В. СМЕРНОВ

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

В комплексе важнейших научных задач социогенеза важное значение имеет проблема становления производства. Это объясняется тем, что в основе социального развития лежит производственная деятельность людей. «Мы должны прежде всего констатиро-

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 200.

⁷⁸ Ракитов А. И. О природе эмпирического знания..., с. 54.

* Мы акцентировали внимание на том, что в археологии проблема опредмечивания, овеществления должна стать в центре внимания и что в методологическом аспекте закономерности овеществления являются специфическим предметом

вать,— писал К. Маркс,— первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт — это производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом, это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысяча лет назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить»¹. То, что производство является фундаментальным отличием общества от животного мира, основным условием его существования, К. Маркс подчеркивал многократно. Ф. Энгельс указывал, что эти выводы К. Маркса являются законом развития человеческой истории². «Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* произведением и его действительностью»³. В основном в процессе производственной деятельности накапливается социальный опыт человека, за счет передачи которого от одного поколения к другому осуществляется прогресс человеческого общества.

Проблема становления производства достаточно сложна. Эта сложность объясняется тем, что изучаемые процессы относятся к самым ранним этапам исторического развития. Они происходили на протяжении по меньшей мере двух с половиной миллионов лет, в то время как производство в его сложившемся, готовом виде существует и развивается только с эпохи позднего палеолита, то есть не более 35—38 тыс. лет. Современная наука располагает незначительным количеством источников, сохранившихся от этой глубокой древности до наших дней. В основном это инструменты формирующегося человека и сопровождающие их находки, обнаруженные в процессе исследований древнейших археологических памятников,

археологии (Генинг В. Ф. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии.— ВАН, 1975, вып. 13, с. 12—13). Может быть, освещение этого вопроса (доклад прочитан в 1972 г.) и было недостаточно точным и конкретным, но возражения, которые высказал по этому поводу Ю. Н. Захарук, едва ли приемлемы. «Возможно ли,— пишет Ю. Н. Захарук,— изучение «процесса овеществления» средствами и методами археологической науки? Каким образом археология, имеющая дело с мертвыми следами и остатками результатов деятельности общества прошлого, может изучать сам процесс овеществления и его закономерность?» (Захарук Ю. Н. Спорные вопросы...). Но каким образом Ю. Н. Захарук мыслит по тем же самым мертвым следам и останкам изучение процесса исторического развития отдельных обществ и закономерности этого развития? Это ведь совершенно иной аспект построения системы научного исследования, и никаких непреодолимых препятствий в изучении процесса овеществления нет.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 26.

² Там же, т. 19, с. 350.

³ Там же, т. 42, с. 94.

а также данные об условиях их обнаружения в наслоениях земли. Научная интерпретация этих археологических материалов с целью раскрытия закономерностей становления производства требует очень четких философско-методологических позиций.

Общезвестно, что наиболее полно и всесторонне общественное производство изучено К. Марксом в «Капитале». Методологические приемы, использованные К. Марксом при написании этого труда, имеют огромное научное значение и на современном этапе развития науки. Воздавая должное К. Марксу, Ф. Энгельс писал: «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению»⁴.

Правильность методологических позиций К. Маркса подтверждена всем ходом развития науки и общественно-исторической практикой. Выявление использованных К. Марксом методологических приемов системного исследования общества обогащает арсенал методологических средств, открывает путь таким методам исследования, которые до сих пор отчетливо не осознавались и не могли в полной мере использоваться в исследовательской практике⁵.

Исследователи философско-методологического наследия К. Маркса отмечают две линии в марксовом анализе производительных сил общества.

Первая линия посвящена раскрытию социально-экономической истории. Итогом разработки этой линии исследования производительных сил явилось учение К. Маркса о социально-экономических формациях и диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Другая линия анализа производительных сил основывается на изучении их эндогенной истории, то есть на раскрытии закономерностей развития материально-технических элементов производства. В систематическом виде она К. Марксом изложена не была и существует в виде отдельных фрагментов и высказываний⁶. Следует подчеркнуть, что методологический принцип такого подхода к исследованию истории производительных сил сформулирован им достаточно четко как необходимость исследовать производство само по себе «в его односторонней форме». К. Маркс следующим образом объясняет эту необходимость: «Дарвин интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации»⁷. К. Маркс неоднократно указывал, что изучение материально-технических

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., ст. 13, с. 497.

⁵ Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 245.

⁶ Там же, с. 176.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.

элементов производительных сил имеет огромное значение для раскрытия закономерностей развития человеческого общества. «Экономические эпохи,— писал он,— различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»⁸.

Для специалистов, изучающих древнейшие периоды истории человечества на основании археологических материалов, это указание К. Маркса является одним из основных методологических принципов, определяющих направление исследовательских усилий в деле исторической интерпретации вещественных источников, основу которых составляют дошедшие до современности древние орудия труда. При этом чрезвычайно важно учесть следующее обстоятельство. Изучение самих орудий труда как таковых не может раскрыть в полной мере закономерности функционирования материально-технических элементов производства изучаемых исторических эпох, ибо, как неоднократно подчеркивал К. Маркс, процесс труда, каким бы он ни был, угасает в своем результате⁹. Методологическую ценность этих выводов трудно переоценить, ибо они ориентируют исследователя на изучение процесса изготовления производственного инвентаря и использования орудия труда в работе, следовательно, всего комплекса находок, имеющих отношение к изготовлению и использованию орудий,— от запасов сырья до отходов производства. Об этом приходится говорить по той причине, что в литературе, посвященной проблемам антропогенеза, весьма часто преобладает односторонний подход при изучении археологических комплексов — основное внимание уделяется тому, «какими средствами труда» производится; то «как производится», остается при этом в тени.

Всесторонний подход к изучению материально-технических средств производства, в том числе производства древнейших исторических периодов, основанных на последовательном соблюдении указанных выше методологических принципов, позволяет рассмотреть орудия труда в динамической системе производства, то есть изучить их с точки зрения технологии производства. Только путем изучения материально-технических средств древности в их технологическом использовании можно решить вопросы эффективности трудовых затрат, следовательно, и вопросы уровня развития древнейших форм производства.

Прогресс производительных сил общества как наиболее революционного элемента производства, воплощающего в себе все передовые достижения человечества, является первопричиной смены общественно-экономических формаций. Поэтому история развития производительных сил, раскрываемая на основе изучения их составной части — материально-технической базы, приобретает вид «технологической» истории. При этом в фокусе рассмотрения оказывается не господствующий тип общественных отношений в

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23 с. 191.

⁹ Там же, т. 13, с. 71; т. 23, с. 191—192; т. 24, с. 434.

производстве, а господствующий тип «технологии» производства¹⁰. Вот почему изучение проблемы становления производства под углом зрения становления его материально-технической базы может рассматриваться как специфическая научная задача, в центре которой — становление основных технологических принципов организации производства, прежде всего в сфере производства орудий производства.

Такая постановка проблемы выдвигает на первый план рассмотрение археологических материалов второй половины раннепалеолитической эпохи — времени, непосредственно предшествующего позднему палеолиту, где древнейшие формы общественного производства уже существуют в сложившемся виде. Среди частных проблем археологической науки, касающихся второй половины раннего палеолита и имеющих первостепенное значение для раскрытия поставленных задач, представляет интерес проблема так называемой леваллуазской техники обработки камня.

Термин «леваллуазская техника» происходит от наименования пригорода Парижа Леваллуа-Перре, где еще в конце прошлого века в береговых отложениях р. Сены были обнаружены изделия из камня, резко отличавшиеся от всех известных до того времени нижнепалеолитических находок.

Сущность техники леваллуа раскрыл Ф. Борд¹¹. Она заключается в получении сколов, форма которых predeterminedena специальной подготовкой нуклеуса до их скалывания¹². По существу в этой краткой формулировке раскрывается важнейший технологический принцип — получение сколов, качественно отличающихся от мустьерских сколов случайных форм. Леваллуазские сколы, подчеркивает Ф. Борд, могли использоваться без дополнительной обработки в качестве готовых инструментов или требовали незначительных усилий, чтобы дооформить их при помощи вторичной обработки и получить таким образом готовый к работе инструмент.

По Ф. Борду, имеется три типа нуклеусов, использование которых давало возможность получать леваллуазские заготовки — нуклеусы леваллуа для отщепов (*nucleus levallois à éclat*), нуклеусы леваллуа для острий (*nucleus levallois à pointes*) и нуклеусы леваллуа для пластин (*nucleus levallois à lames*).

Нуклеусы леваллуа для отщепов — это черепаховидные ядрища, предназначенные для получения одного крупного овального скола. Для их изготовления подбирался желвак круглой или овальной формы (рис. 1, I). На первом этапе по всей окружности в направлении сверху вниз, то есть перпендикулярно к верхней уплощен-

¹⁰ Кузьмин В. П. Указ. соч., с. 177.

¹¹ Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. — МИА, 1965, № 131, с. 75.

¹² Bordes F. Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du paléolithique ancien et mouen. L'Antropologie, 1950, t. 54, n. 1-2; Bordes F. Typologie du paléolithique ancien et mouen. Mémoire, 1961, n. 1, Bordeaux.

ной поверхности желвака, наносился ряд мелких сколов (рис. 1, 2). Затем на полученные гладкие поверхности в направлении от периметра к центру наносились сколы, формировавшие верхнюю поверхность изготавливаемого нуклеуса, которая в результате такой обработки получила сходство с панцирем черепахи (рис. 1, 3, 4). Следующий этап состоял в подготовке при помощи одного или многих сколов ударной площадки. Она располагалась по краю нуклеуса перпендикулярно к верхней, то есть рабочей поверхности нуклеуса. Нанесение на ударную площадку точно рассчитанного по

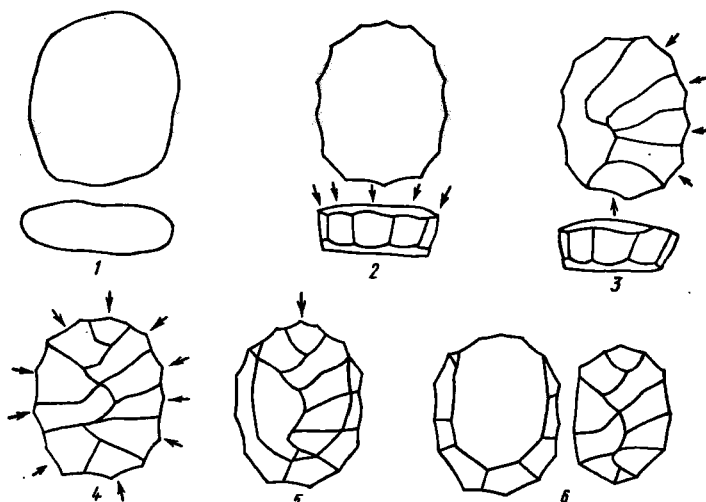

Рис. 1. Схема подготовки и использования черепаховидного нуклеуса (по Ф. Борду):

1 — необработанная галька; 2 — подготовка ударной площадки нуклеуса; 3, 4 — подготовка рабочей поверхности нуклеуса; 5, 6 — скалывание отщипа заготовки овальной формы.

направлению и силе удара давало возможность получить один большой скол овальной формы, в целом соответствующий размерам и форме нуклеуса (рис. 1, 5, 6). От того, насколько тщательно обработана рабочая поверхность нуклеуса и ударная площадка, зависело качество скалываемой заготовки. Чаще всего скалывание производилось вдоль длинной оси нуклеуса, имеются, однако, случаи скалывания заготовки вдоль короткой, поперечной оси.

Нуклеусы леваллуа для острий готовились иначе. Их рабочая поверхность обрабатывалась сколами, направленными не от окружности к центру, а от края нуклеуса в одном направлении. Это давало возможность оформлять не черепаховидную, а двускатную рабочую поверхность, то есть поверхность с резко выступающим по середине межфасеточным ребром (рис. 2, 1). Ударная площадка оформлялась на краю нуклеуса, перпендикулярно по отношению к этому ребру. Скалывание заготовки производилось ударом, направленным вдоль межфасеточного ребра, причем с одного такого нук-

леуса можно было получить не только один, но и второй треугольный скол — сколы первого и второго снятий (рис. 2, 2, 3).

Нуклеусы леваллуа для пластин готовились, как и в случае с нуклеусами для леваллуазских острий, при помощи сколов, направленных параллельно с одного или двух противоположащих концов (рис. 3, 1—3). Рабочая поверхность таких нуклеусов не дву-

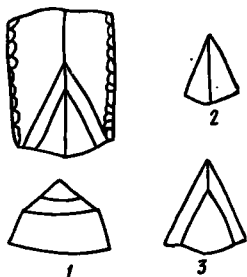

Рис. 2. Схема подготовки и использования нуклеуса для получения треугольных сколов — леваллуазских острий (по Ф. Борду):

1 — нуклеус для получения треугольных сколов; 2 — треугольный скол — леваллуазское острие первого снятия; 3 — треугольный скол — леваллуазское острие второго снятия.

скатная, а многоскатная. В отличие от нуклеусов леваллуа для отщепов и нуклеусов леваллуа для острий эта форма нуклеусов в процессе использования позволяла получить не одну-две заготовки, а целую серию (рис. 3, 4, 5). Скальвание могло производиться

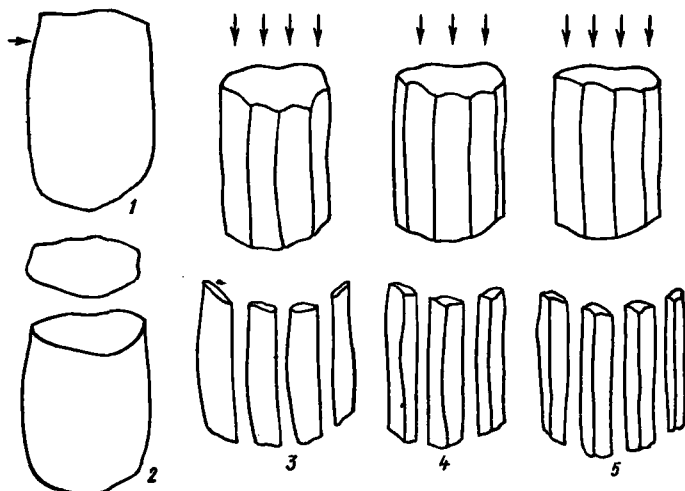

Рис. 3. Схема подготовки и использования нуклеуса для получения пластин — нуклеуса параллельного скальвания:

1 — необработанная галька; 2 — подготовка ударной площадки нуклеуса; 3 — подготовка рабочей поверхности нуклеуса; 4, 5 — скальвание пластин-заготовок удлиненных форм.

в одном или двух встречных направлениях в зависимости от количества подготовленных ударных площадок.

Кроме этих трех основных типов леваллуазских нуклеусов, Ф. Борд допускает наличие переходных форм. В зависимости от того, в какой степени использовались леваллуазские приемы рас-

кальвания, Ф. Борд раннепалеолитическую технику обработки камня расчленяет на две важнейшие категории — технику леваллуа и технику нелеваллуа. Первая характеризуется получением сколов определенных свойств, вторая — сколов случайных размеров и форм. Основываясь на том, что получение леваллуазской заготовки требует предварительного скальвания значительного количества нелеваллуазских сколов оформления нуклеусов, Ф. Борд приходит к выводу, что леваллуазским может считаться памятник, имеющий в своем составе не менее 20% заготовок леваллуазского типа. Если доля леваллуазских заготовок в комплексе занимает до 5% общего количества заготовок, можно говорить о том, что приемы леваллуазской техники обработки камня в рассматриваемом комплексе не получили развития и эти заготовки могут иметь случайное происхождение.

Взгляды Ф. Борда на технику леваллуа получили широкое распространение среди специалистов по палеолиту, в том числе и среди советских исследователей. Наряду с общей положительной оценкой построений Ф. Борда в нашей литературе были высказаны критические замечания и уточнения по тем или иным частным вопросам, разработанным Ф. Бордом, в большинстве случаев весьма резонные. В последнее время, однако, появились высказывания, ставящие под сомнение сам принцип выделения леваллуазской техники. Наиболее четко эта позиция сформулирована в монографическом исследовании В. Н. Гладиллина¹³.

По его мнению, леваллуазскую технику следует ограничить приемами получения черепаховидных и треугольных сколов, то есть приемами получения одного — максимум двух сколов запланированных форм. Приемы параллельного скальвания в силу этого должны рассматриваться за пределами леваллуазской техники.

На чем же строится аргументация В. Н. Гладиллина? Он утверждает, что нуклеусы леваллуа для пластин в отличие от черепаховидных нуклеусов и нуклеусов для леваллуазских сколов не требовали специальной предварительной подготовки рабочей поверхности, что является, по Ф. Борду, обязательным леваллуазским признаком. Иными словами, он считает, что включение Ф. Бордом нуклеусов параллельного скальвания в ранг леваллуазских противоречит требованиям самого Ф. Борда¹⁴.

Здесь В. Н. Гладиллин допускает явную ошибку, ибо ни в раннем палеолите, ни в более позднее время, как правило, не было нуклеусов, не требовавших специальной подготовки. Каждый нуклеус готовился тем или иным способом, и именно это является одним из объективных условий расчленения их на типы. Готовился при помощи параллельных сколов оформления и нуклеус параллельного скальвания. Использование таких нуклеусов характеризовалось двумя главными показателями. Во-первых, каждый удачный

¹³ Гладиллин В. Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.

¹⁴ Там же, с. 8, 9, 21.

скол давал человеку требуемую заготовку. Во-вторых, скалывание каждой предыдущей заготовки в той или иной мере предопределяло форму последующей заготовки. Об этом пишет В. Н. Гладилин¹⁵, хотя и допускает бросающуюся в глаза непоследовательность, когда соглашается с Н. Д. Прасловым, что при параллельном скалывании предусмотреть форму скалываемой заготовки невозможно¹⁶. В. Н. Гладилин не учел то важное обстоятельство, что в системе параллельного скалывания получение каждой предыдущей заготовки по существу одновременно означало подготовку рабочей поверхности для последующего скола*. Таким образом, отмеченного В. Н. Гладилиным противоречия фактически не существует.

Стремление к сужению термина «леваллуазская техника» у некоторых сторонников концепции «узкого леваллуа» подкрепляется следующим соображением. Поскольку в определении Ф. Борда нет достаточно четких морфологических критериев выделения леваллуазских типов, указывают они, следует использовать этот термин в понимании его предшественников — прежде всего А. Брейля. По их мнению, это вернет термину «леваллуазская техника» ясность и четкость, то есть устранил двусмысленность, допущенную Ф. Бордом.

Чтобы правильно оценить научные достижения Ф. Борда в разработке леваллуазской проблематики, необходимо остановиться на эволюции термина «леваллуа». Как уже отмечалось, термин «леваллуа» происходит от названия пригорода Парижа Леваллуа-Перре. После того как обнаруженные там в конце XIX в. находки получили широкую известность, за ними закрепился термин леваллуазские пластины или леваллуазские ножи. Взгляды археологов начала XX в. на эти находки достаточно полно изложены в работах крупнейшего западноевропейского археолога этого периода Г. Обермайера. Для примера можно обратиться к его обобщающему труду «Доисторический человек», вышедшему у нас в русском переводе, и к его статьям, опубликованным в многотомном Толковом

¹⁵ Гладилин В. Н. Указ. соч, с. 9.

¹⁶ Там же, с. 18.

* По признаку многократности использования нуклеусы параллельного скалывания близки к нуклеусам нелеваллуазского типа: и в том и в другом случаях каждый предыдущий скол в той или иной мере предопределял форму последующего скола. Однако многократность использования для леваллуазских нуклеусов и нуклеусов нелеваллуазских имела различное значение. У леваллуазских нуклеусов скалывание предыдущей заготовки запланированной формы в необходимой мере предопределяло искомую форму последующей заготовки. У нелеваллуазских нуклеусов, напротив, скалывание заготовки случайной формы предопределяло случайную форму последующей заготовки. Иными словами, предопределение формы последующей заготовки за счет скалывания предыдущей в технике нелеваллуа в отличие от леваллуазской техники находилось в рамках получения заготовок непредусмотренных, случайных свойств. Поэтому признак многократности использования нуклеуса не может служить критерием для расчленения нуклеусов на леваллуазские и нелеваллуазские, на чем настаивает В. Н. Гладилин.

словаре по доистории, изданном в Берлине. «Нож леваллуа, — писал Г. Обермайер, — это очень крупный, широкий ножеобразный обломок правильной формы и относительно тонкого поперечного сечения. Спинная сторона его является плоской и обнаруживает ударную поверхность типичной формы. В качестве основной формы могут считаться заостренные каменные орудия, но нередко попадаются и овальные типы, иногда такой тип оканчивается наверху поперечным лезвием, подобно тому, как у ручных топоров»¹⁷. Оценивая значение этих орудий. Г. Обермайер в одном случае писал об особом производстве¹⁸, в другом — о специальной индустрии¹⁹, в третьем — о леваллуазской технике²⁰. Ни в одном из перечисленных выше случаев сущность этого технического явления он не раскрывает. Оно лишь фиксируется наличием орудий определенного типа и только.

В советской литературе взгляды Г. Обермайера наиболее полное отражение нашли в обобщающем труде П. П. Ефименко «Первобытное общество». Вот как он описывал леваллуазские пластины: «Они имеют вид широких массивных пластин, иногда овальной формы, с гладкой отбивной стороной и с очень характерным ограничением спинки. У типичных экземпляров леваллуа эта особенность бывает хорошо выражена, их спинка представляет ряд фасеток, следов скалывания, сходящихся от окружности к центру»²¹. Полученные таким образом пластины напоминают расколотые вдоль ручные рубила и «являются продуктом относительно высокой техники обработки камня»²². Свое описание П. П. Ефименко сопровождает рисунком, взятым у Г. Обермайера. Интересно, что в цитированных работах описание леваллуазских типов Г. Обермайер иллюстрирует двумя рисунками. На одном из них изображен пластинчатый отщеп, сколотый с черепаховидного нуклеуса²³, который воспроизводит П. П. Ефименко, а на втором — пластинчатый отщеп, полученный с нуклеуса параллельного скалывания²⁴. Особенности раскалывания камня П. П. Ефименко не раскрывает, он даже термин «леваллуазская техника» не использует. Следует отметить, что взгляды П. П. Ефименко на леваллуазские изделия за длительный период между временем подготовки указанного труда и выходом его в свет третьим изданием, то есть между началом 30-х и началом 50-х годов, несколько не изменились.

Термин «леваллуазская техника» нашел широкое применение в науке благодаря разработкам А. Брейля. Для анализа его взглядов на леваллуазскую технику целесообразно остановиться в первую

¹⁷ Обермайер Э. Доисторический человек. Спб., 1913, с. 146.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1924, Bd. 1, S. 8.

²⁰ Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1928, Bd. 8, S. 318.

²¹ Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953, с. 178.

²² Там же.

²³ Обермайер Г. Указ. соч., с. 145, рис. 72. 1.

²⁴ Там же, с. 145, рис. 72.2.

очередь на двух работах, отражающих его последние научные достижения. Первая из них, написанная в соавторстве с Г. Келли в связи с пятидесятилетием преисторического общества Франции, имеет специальный раздел, посвященный проблеме леваллуа²⁵. Вторая, подготовленная совместно с Р. Лантье, представляет собой обобщающую монографию о человеке древнекаменного века²⁶. Она вышла в свет незадолго до смерти А. Брейля.

Опираясь на находки, обнаруженные в Леваллуа-Перре, А. Брейль указывал, что в основе леваллуазской техники лежит скалывание относительно тонкого отщепы, который мог быть использован в качестве готового орудия. Это достигалось путем специальной подготовки нуклеуса. Его верхняя лицевая сторона предварительно обрабатывалась уплощающими сколами, направленными к центру, что означало подготовку верхней поверхности будущего отщепы. Требовалась также подготовка ударной площадки нуклеуса с целью получения прямого угла между ней и плоскостью скалывания. Готовилась ударная площадка не обязательно при помощи ретуши. Имеется большое количество леваллуазских сколов, у которых ударная площадка не имеет многочисленных мелких граней — следов подправки.

«Леваллуазские нуклеусы,— писал А. Брейль, — бывают различны по форме и размерам, иногда овальные, широкие или округлые, иногда треугольные, позже часто прямоугольные и меньше удлинённые»²⁷. Позднее А. Брейль уточнил свои взгляды на нуклеусы леваллуазского типа. «В группе леваллуазских нуклеусов,— подчеркивал он,— есть округлые или овальные широкие, приготовленные на широких сколах и обитые по периферийному краю, за исключением основания. Иные — треугольные, заостренные отщепы этой формы с двойным острым краем. Еще иные, предназначенные для получения узких пластин,— прямоугольные либо немного вытянутые с ударными площадками на двух концах»²⁸.

Немаловажное значение имеет также позиция Г. Келли, поскольку он, как уже отмечалось, в вопросах леваллуа выступал в качестве соавтора А. Брейля. По его мнению, подготовка рабочих поверхностей леваллуазских нуклеусов осуществлялась путем скалывания «либо по направлению к центру, либо параллельно, следовательно, от одного или двух краев, либо нередко по направлению на край в одну точку»²⁹. Показательно, что при этом Г. Келли ссылается в равной мере на работы А. Брейля и Ф. Борда. Как указывает Г. Келли, фасетирование ударной площадки — важный,

²⁵ Breuil H., Kelley H. Le paléolithique ancien. Abbevillien. Clactonien. Acheulien. Levalloisien.— BSPF, 1954, t. 51, f. 8.

²⁶ Breuil H., Lantier R. Les hommes de la pierre ancienne (paléolithique et mésolithique). Paris, 1959.

²⁷ Breuil H., Kelley H. Op. cit., p. 14.

²⁸ Breuil H., Lantier R. Op. cit., p. 74.

²⁹ Kelley H. Contribution à l'étude de la technique de la taille levalloisienne.— BSPF, 1954, t. 51, f. 3—4, p. 150.

но не обязательный элемент леваллуазской техники; более важное значение имеет прямой угол между ударной площадкой и плоскостью скалывания.

Таким образом, из изложенного выше вытекает, что А. Брейль, во-первых, леваллуазские ядрища не ограничивал треугольными и черепаховидными нуклеусами, во-вторых, включал в них четырехугольные нуклеусы параллельного скалывания с одной или двумя ударными площадками. Оценивая взгляды А. Брейля, необходимо подчеркнуть, что если черепаховидные нуклеусы А. Брейль описывал достаточно подробно, то нуклеусы параллельного скалывания в цитированных работах практически не описывал. Это обстоятельство, по-видимому, можно объяснить тем, что нуклеусы параллельного скалывания — форма весьма распространенная и хорошо описанная в литературе, в том числе и в работах А. Брейля.

Простого сопоставления изложенных выше взглядов на технику леваллуа достаточно для вывода, что в основе взглядов Ф. Борда лежат научные достижения А. Брейля. Это касается как определения сути леваллуазской техники, так и перечня нуклеусов леваллуазского типа. Даже недочеты А. Брейля в вопросах выделения леваллуазских нуклеусов в полной мере сказались на выводах Ф. Борда. Он ни в коей мере не отрицает и не пересматривает выводы своего предшественника. Напротив, он их последовательно развивает, уточняет и более четко формулирует.

Разработки А. Брейля и Ф. Борда имеют не только непосредственную историографическую связь; они являются различными уровнями развития одних и тех же научных взглядов*. Если предшественники Ф. Борда за выделенными ими леваллуазскими формами сумели увидеть новое явление в технике обработки камня и дать ему общую характеристику, то Ф. Борд сумел сформулировать сущность этого явления и тем самым подняться до понимания технологического принципа, лежащего в его основе. Именно благодаря Ф. Борду в науке о палеолите окончательно оформилась проблема леваллуа.

Отмечая заслуги Ф. Борда в разработке леваллуазской проблематики, нельзя обойти некоторые слабые стороны и недочеты его разработок. Они касаются прежде всего перечня нуклеусов, относимых им к нуклеусам леваллуазских форм. Как отмечалось выше, односторонние нуклеусы параллельного скалывания Ф. Борд зачисляет в ранг леваллуазских под наименованием «нуклеусы леваллуа для пластин». В то же время нуклеусы призматических и пирамидальных форм и соответствующие заготовки оцениваются им в качестве нелеваллуазских. С технологической точки зрения такое расчленение нельзя считать правомерным, поскольку нуклеусы леваллуа для пластин Ф. Борда, призматические и пирамидальные нуклеусы демонстрируют не разные, а один и тот же прием

* В этой связи можно напомнить, что в своей последней монографии А. Брейль ссылается на мнение Ф. Борда относительно расчленения треугольных отщепов на леваллуазские и псевдолеваллуазские.

раскалывания камня³⁰. При этом следует подчеркнуть следующее обстоятельство. Отдельные ошибки и недочеты Ф. Борда в определении конкретных типов нуклеусов, удовлетворяющих леваллуазскому технологическому принципу, нисколько не означают, что этот принцип неверен. Ибо определение леваллуазского технологического принципа, составляющего сущность леваллуазской техники, и выявление соответствующих ему конкретных морфологических признаков и типов изделий представляют собой задачи различного познавательного уровня.

Заканчивая обзор мнений о сущности леваллуазской техники и внутреннем содержании термина «леваллуа», следует подчеркнуть то общее положение, что понятийный аппарат науки изменяется в соответствии с ее развитием, что по мере усложнения научного знания не только вводятся в научный оборот новые термины и понятия, но также видоизменяются в сторону уточнения и наполнения новым смыслом старые термины и понятия. Поэтому стремление некоторых археологов к использованию термина «леваллуа» в его первоначальном смысле нельзя считать правомерным, точно так же, как нельзя считать правомерным использование в современной физике термина «атом» в его первоначальном смысле, то есть в понимании мыслителей древней Греции.

Проблема леваллуа достаточно сложна и имеет несколько уровней исследования — от формально-типологического изучения леваллуазских форм до решения вопроса о значении леваллуазской техники в становлении производства. Для успешного решения леваллуазской проблемы необходима разработка всех ее уровней, поскольку лишь при таких условиях появляется возможность взаимной проверки правильности отдельных выводов и положений, полученных на различных уровнях ее исследования. Важнейшей предпосылкой для продвижения вперед в этом направлении является последовательное соблюдение основного принципа Ф. Борда, ибо в нем отражена важнейшая технологическая особенность обработки камня. Приходится констатировать, что Ф. Борда, обосновав суть леваллуазской техники, фактически не предпринял шагов для всесторонней исторической оценки этого технического явления.

Первую попытку раскрыть историческое значение леваллуазской техники осуществил В. П. Любин. По его заключению, появление леваллуазской техники «явилось актом всемирно-исторического значения, крупнейшим техническим достижением, под знаком которого происходил дальнейший технический прогресс не только во второй половине нижнего палеолита, но и в палеолите верхнем»³¹. Это, по мнению В. П. Любина, привело к существенному сдвигу в развитии производительных сил, в способах производства материальных благ и, следовательно, к изменению всего общественного строя. К сожалению, эти выводы не были должным образом аргу-

³⁰ Любин В. П. Указ. соч., с. 18; Гладиллин В. Н. Указ. соч., с. 9, 19.

³¹ Любин В. П. Указ. соч., с. 38.

ментированы. Его указание о том, что именно леваллуазская техника дала возможность массового изготовления стереотипных, «стандартизованных» заготовок, еще ни о чем не говорит. К тому же значимость этих выводов В. П. Любина была в значительной мере ослаблена его замечанием, что люди раннего палеолита в зависимости от конкретных условий могли свободно переключаться в производстве инвентаря с леваллуазской техники на мустьерскую и наоборот³².

С мнением В. П. Любина не соглашается Г. П. Григорьев. Его выводы сводятся к отрицанию прогрессивности леваллуазской техники на том основании, что ее появление на разных территориях происходило не в одно и то же время и что большинство позднепалеолитических культур сложилось на основе нелеваллуазского пути развития раннепалеолитической техники³³. Несмотря на то что после опубликования этих взаимоисключающих выводов прошло немало времени, в решении вопроса об исторической роли леваллуазской техники ничего существенно нового сказано не было. Спрашивается, почему так случилось, что дискуссия по такому важному вопросу, имеющему отнюдь не частное, а общетеоретическое значение, была фактически прекращена? Основная причина этого заключается в том, что во-первых, леваллуазская техника оценивалась изолированно, без учета технических достижений последующего времени, во-вторых, не рассматривались внутренние различия в ее границах, в-третьих, не учитывался такой важный фактор, как эффективность использования леваллуазских приемов обработки камня.

Чтобы правильно оценить все то новое, что было вызвано внедрением в обработку камня леваллуазского технологического принципа, нужно рассмотреть реализацию этого принципа применительно к двум ее основным этапам — к ее первичной и вторичной обработке. Иными словами, необходимо показать, как этот новый технологический принцип видоизменил этапы получения заготовки для орудий и превращения этой заготовки в готовое к использованию орудие труда, то есть как он повлиял на всю технологию получения производственного инвентаря.

Первый этап обработки камня в ашело-мустьерской технике означал получение заготовок случайных размеров и форм. Ашело-мустьерские заготовки по качеству существенным образом отличались от изготавливаемых орудий труда. Чтобы такую заготовку довести до уровня готового орудия труда, требовалось затратить много сил и времени. Вторичная обработка в ашело-мустьерской технике получила широкое распространение. Именно в процессе вторичной обработки оформлялись рабочие участки орудия, ему придавались необходимые размеры и форма. Очень часто вторичная обработка совершенно видоизменяла заготовку, выбранную

³² Любин В. П. Указ. соч., с. 20.

³³ Григорьев Г. П. Проблемы леваллуа.— МИА, 1972, № 185, с. 74.

для изготовления орудия. Можно говорить, что в ашело-мустьерской технике вторичная обработка камня своей развитостью и разнообразием компенсировала недостатки первичной обработки. Оба этапа — и первичная и вторичная обработки — были достаточно трудоемки. Лишь некоторые из полученных отщепов могли быть использованы для изготовления орудий. Основная масса скальваемых отщепов имела настолько низкое качество, что должна рассматриваться в качестве неизбежных отходов.

Первый этап обработки камня в леваллуазской технике характеризовался получением заготовок определенных размеров и форм. Чтобы достичь этого, требовалось специальным образом подготовить нуклеус. Поскольку основная цель обработки камня заключалась в изготовлении производственного инвентаря, получение заготовок определенных форм фактически означало получение заготовок, максимально близких к изготавливаемым инструментам труда. При таких условиях основные трудовые и временные затраты использовались именно на этапе первичной обработки камня, то есть на этапе его раскалывания. Получение заготовок определенных качеств, максимально близких к изготавливаемому инструменту труда, сделало излишним широкое распространение приемов вторичной обработки. В леваллуазской технике она играет явно подчиненную роль. Леваллуазские инструменты имеют лишь незначительную подправку края. Многие из них вообще не подвергались ретушированию.

Таким образом, леваллуазская технологическая цепь от подготовки нуклеуса до готового инструмента сделала простой и логически строгой. По существу именно в леваллуазской технике впервые были выработаны приемы получения заготовок, обладающих всеми признаками полуфабриката, то есть заготовки, не требующей значительных трудовых и временных затрат на завершающем этапе ее превращения в готовое изделие необходимого качества.

Как свидетельствуют многочисленные факты, реализация леваллуазского технологического принципа могла иметь различные практические результаты. Чтобы сделать конкретные выводы в этом направлении, необходимо проанализировать внутренние различия в рамках леваллуазской техники в плане эффективности производственных затрат. Задача эта не из легких, однако определенные результаты могут быть получены уже сегодня. В леваллуазской технической традиции выделяются две основные разновидности, которые основываются соответственно на подготовке и использовании черепиховидных нуклеусов и нуклеусов параллельного скалывания. Использование нуклеусов для треугольных острий занимает промежуточное место. Черепиховидный нуклеус, требовавший значительных трудовых затрат в процессе его подготовки при помощи многочисленных сколов, давал одну требуемую заготовку. Нуклеус параллельного снятия, напротив, обеспечивал получение серии требуемых заготовок. В отличие от черепиховидных нуклеу-

сов, которые после скалывания заготовки исключались из производственного употребления или требовали повторной подготовки, нуклеусы параллельного скалывания могли использоваться многократно, до крайнего истощения.

Использование черепашковидных нуклеусов по сравнению с нуклеусами леваллуазских типов давало ощутимый выигрыш в качестве получаемых заготовок, однако проигрывало в отношении их количества. Использование нуклеусов параллельного скалывания для получения отщепов давало высокие как качественные, так и количественные показатели. Это означает, что в системе параллельного скалывания леваллуазский технологический принцип самым выгодным образом сочетался с экономным использованием труда, рабочего времени и сырья. Иными словами, система параллельного скалывания являлась наиболее эффективным направлением в леваллуазской технике обработки камня.

Прогресс общественного развития всегда осуществлялся за счет наиболее эффективной организации материального производства, прежде всего в сфере производства орудий производства. Вероятно, что система параллельного скалывания как наиболее эффективная разновидность изготовления нижнепалеолитических инструментов имела огромные внутренние возможности для своего развития. Следовательно, эта система должна была развиваться опережающими темпами.

Совершенно очевидно, что определить динамику развития системы параллельного скалывания можно лишь при анализе явлений, представленных несколькими памятниками, генетически связанными между собой и являющимися различными его хронологическими этапами.

Наиболее полным показателем уровня развития системы параллельного скалывания является удельный вес всех заготовок, полученных с нуклеусов параллельного скалывания. Поскольку таких показателей в литературе нет, представляется целесообразным использовать показатель пластин — ведущей формы заготовок, полученных при параллельном скалывании. Показатель пластин ни в коей мере не противоречит общему показателю, учитывающему как пластины, так и отщепы, сколотые с нуклеусов параллельного скалывания.

В мустьерских слоях многослойной стоянки Молодово V общий показатель удельного веса леваллуазских заготовок от 12-го к 11-му слою возрос с 36,9 до 37,4%, то есть всего на 0,5%. За это же время доля пластин возросла с 13,9 до 17,1%, то есть на 3,2%³⁴. Темпы возрастания пластинчатости в данном случае превосходят темпы развития леваллуазских приемов в 1,2 раза. В крымском гроте Шайтан-Коба показатель техники леваллуа от нижнего горизонта к верхнему возрос с 40,1 до 60,2%, то есть на 20,1%. Показатель пластинчатости изменился в этом промежутке времени

³⁴ Смирнов С. В. Палеолит дніпровського Надпоріжжя. К., 1973, с. 60.

с 9 до 16,4%, то есть почти в два раза ³⁵. И здесь темпы возрастания пластинчатости в 1,2 раза превосходят темпы развития леваллуазских приемов обработки камня. Для антоновских памятников, на основании данных В. Н. Гладиллина, можно привести такие зависимости. От времени существования Антоновки I до времени существования Антоновки II показатель леваллуа изменился с 18,9 до 38,7%, а показатель пластинчатости — с 4,7 до 9,5%, то есть в обоих случаях отмечается возрастание в два раза ³⁶. Леваллуазские заготовки черепаховидных форм в антоновских памятниках представлены единичными находками. Следовательно, практически вся группа леваллуазских заготовок получена от нуклеусов параллельного скалывания.

После того как наукой о палеолите были получены бесспорные доказательства существования во второй половине раннего палеолита глубоких различий в приемах первичной обработки камня, на повестку дня были поставлены два важных вопроса: чем объяснить эти различия и почему они исчезают в позднепалеолитическое время, где безраздельно господствует система параллельного скалывания. Обоснование того факта, что параллельное скалывание является наиболее эффективным технологическим направлением в изготовлении инструментов труда раннепалеолитической эпохи, дает хорошую основу для получения ответа на эти вопросы. С точки зрения становления производства вторая половина ашеля и мустье могут рассматриваться как время широкого распространения нового, более эффективного технологического направления, определившего дальнейший прогресс материального производства. Имеющиеся факты свидетельствуют, что различные коллективы людей, оставившие раннепалеолитические памятники, достигли различного уровня в развитии этого нового технологического направления. Это должно оцениваться как свидетельство неравномерности развития, которое могло протекать лишь в условиях относительной замкнутости, изолированности существования коллективов, ибо более эффективная технология, какой является система параллельного скалывания, при постоянных контактах неизбежно должна была бы привести к вытеснению менее эффективных технологических приемов и в конечном счете к нивелированию уровня развития обработки камня. Таким образом, различия в материальной культуре ашело-мустьерского времени связаны с неравномерностью развития формирующегося производства и относительной изолированностью существования отдельных коллективов формирующихся людей.

Система параллельного скалывания как наиболее эффективное технологическое направление в производстве нижнепалеолитических орудий труда по мере своего развития сначала отодвинула на задний план, а затем вовсе упразднила другие, менее эффектив-

³⁵ Колосов Ю. Г. Шайтан-Коба — мустьерська стоянка Криму. К., 1972, с. 130.

³⁶ Гладиллин В. Н. Указ. соч., с. 55—57.

ные технологические приемы. Так, на определенном этапе своего развития система параллельного скалывания становится единой технической и технологической основой в производстве орудий труда. Достижение этого уровня означало окончательную победу новой, более прогрессивной технологии обработки камня, конец периода становления первобытного производства, следовательно, формирования человеческого общества и его других социальных институтов. Опережающее развитие системы параллельного скалывания может быть оценено как количественные накопления, приведшие на этапе ее всеобщего распространения к новому качеству — производству позднепалеолитической эпохи. Итак, исчезновение в позднем палеолите глубоких различий в технике раскалывания камня, свойственных раннепалеолитической эпохе, объясняется окончательной победой новой, более эффективной технологии изготовления орудий труда из камня. Поздний палеолит является, таким образом, временем господства леваллуазского технологического принципа в наиболее эффективном его применении, логическим завершением растянутых на многие тысячелетия интенсивных поисков более эффективных приемов организации труда. Именно более высокая эффективность труда является основным фактором, раскрывающим причинно-следственную связь между изобретением в недрах раннепалеолитической обработки камня отдельных приемов параллельного скалывания и позднепалеолитическим производством, где принцип параллельного скалывания становится всеобщим условием обработки камня и, следовательно, изготовления производственного инвентаря.

Распространение леваллуазского технологического принципа имело для раннепалеолитической обработки камня такое же значение, как для современной металлургии распространение технологических приемов прямого восстановления железа из руды, то есть без предварительного получения чугуна и его последующей переработки в железо. В отличие от современной металлургии, которая находится лишь на пути поиска оптимальных условий для реализации этой новой технологической схемы получения железа, в каменном веке система параллельного скалывания оказалась весьма удобной и эффективной формой реализации нового технологического принципа обработки камня.

Если под углом зрения леваллуазского технологического принципа проанализировать всю последующую технологию обработки камня, а затем металла и других материалов, то можно прийти к весьма интересным выводам. На чем в сущности строится современная технология обработки металла и пластмасс? На получении отливок с минимальными допусками, то есть отливок-полуфабрикатов, не требующих значительных трудовых и временных затрат для доведения их до состояния готового изделия. Кроме экономного использования рабочего времени и труда при этом, естественно, учитывается задача экономии сырьевого материала. Наиболее яркое выражение современные технологические тенденции нашли

в технологии точного литья, дающей заготовки, практически не требующие доработки и имеющие основные качественные показатели готового изделия. Совершенно очевидно, что указанные технологические особенности современного производства являются не чем иным, как леваллуазским технологическим принципом, используемым для обработки совершенно новых материалов, неизвестных в древнекаменном веке. Использование в современном производстве технологического принципа, выработанного в условиях глубочайшей древности, еще на этапе становления человечества, и просуществовавшего до настоящего времени, является важнейшим показателем единства материально-технического развития человеческого общества.

Настоящая статья посвящена заключительному этапу становления общественного производства. Полученные в ней выводы со всей очевидностью свидетельствуют о плодотворности использования при разработке этой проблемы методологического принципа К. Маркса, сформулированного и описанного им как необходимость изучения производства «в его односторонней форме», то есть на основе анализа его материально-технических средств — этих, по его выражению, «производительных органов общественного человека».

По современным научным данным, полученным на основании последних сенсационных палеоантропологических и археологических открытий в Африке, древность человеческого рода определяется возрастом в 2 млн. 600 тыс. лет³⁷. Человек современного физического типа существует 35—38 тыс. лет. Таким образом, процесс становления человечества и, следовательно, производства по продолжительности более чем в 70 раз превосходит время существования человечества в его сложившемся виде. Это был не только самый длительный период человеческой истории. Это был период, в ходе которого усилиями многих сотен тысяч поколений предшественников современного человека были заложены основы того прогресса, которого сформировавшееся человечество достигло за 35 тыс. лет своего развития. На заключительном этапе этого огромного по хронологическому охвату периода становления человека и были осуществлены рассматриваемые здесь важнейшие сдвиги в технической и технологической оснащенности формирующегося производства. Создание новых материально-технических элементов на основе опережающего развития и победы системы параллельного скалывания означало завершение процесса создания материально-технической базы общественного производства в его древнейшей первобытной форме. Эти процессы заняли во времени не менее 200 тыс. лет.

Раскрываемые в настоящей статье процессы наиболее четко проявились на территории Европы и Ближнего Востока. В других частях ойкумены они имели некоторые особенности.

³⁷ Борисковский П. И. Происхождение человека в свете новейших открытий. — Вести. АН СССР, 1975. № 3, с. 51.

Специалисты по палеолиту Африки уже давно отмечали, что одним из главных отличий африканского палеолита является более длительное по сравнению с Европой и Ближним Востоком существование леваллуазской традиции в обработке камня, которая на этой территории доживает до времени появления вкладышевой техники, то есть до геологической современности. Второе отличие состоит в том, что здесь мустьерские формы орудий быстро, как в Европе и на Ближнем Востоке, не исчезают, а продолжают существовать, постепенно уменьшаясь в количестве, вплоть до появления орудий вкладышевого типа. В связи с этим для характеристики исторического отрезка, сменяющего мустьерскую эпоху на территории Африки и Азии, некоторые исследователи вводят понятие «постмустье»³⁸.

Установление того бесспорного факта, что позднепалеолитическая техника является дальнейшим развитием леваллуазской традиции в изготовлении инструментов из камня, позволяет с новых позиций оценить степень различий между палеолитом Европы и Ближнего Востока, с одной стороны, и Африкой и Азией — с другой. Уже сейчас совершенно ясно, что констатируемые ныне различия в значительной степени должны быть смягчены, ибо и в одном и в другом случаях фиксируются одни и те же закономерности становления и развития технологических принципов изготовления инвентаря. Отсутствие в Африке и Азии достаточно резких изменений в приемах обработки камня и типологии орудий, столь характерных для палеолита Европы и Ближнего Востока, и несколько более замедленные темпы этого процесса несколько не меняют того факта, что на всей территории Старого Света развитие в каменном веке идет в направлении распространения, утверждения и совершенствования системы параллельного скальвания. В соответствии с этим распространяются и утверждаются формы орудий, типологически связанные с использованием заготовок, полученных при параллельном скальвании. Вот почему отсутствие резких границ в развитии каменного века афро-азиатской территории должно оцениваться как отличие второстепенного характера. По этой причине мы не можем разделить мнение Г. П. Григорьева, что «кажется резонным, что здесь (в Африке. — С. С.) не отделяют палеолит от мезолита и тем более не выделяют неолит (исключая Египет), поскольку плавный переход между плейстоценовыми и постплейстоценовыми памятниками в Африке нельзя сравнивать с синхронным резким переходом на территории Европы или Ближнего Востока»³⁹.

³⁸ Григорьев Г. П., Раков В. А. О характере палеолита Средней Азии. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973; Григорьев Г. П. Заселение человеком Азии. — В кн.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. Л., 1977, с. 60; Григорьев Г. П. Палеолит Африки. — В кн.: Борисковский П. И., Григорьев Г. П. Становление человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977, с. 53.

³⁹ Григорьев Г. П. Палеолит Африки, с. 57, 58.

Коль перед нами стоит задача раскрытия закономерностей становления и развития общества, то выделение позднепалеолитической эпохи, характеризующейся существованием древнейших форм производства в его сложившемся виде, превращается в задачу первостепенной научной важности. Столь же необходимо выделение неолита, ибо речь идет не о формально выбранном отрезке древней истории, а об эпохе, в хозяйстве которой впервые главенствующую роль играют воспроизводящие формы производственной деятельности людей.

За каждой из этих эпох стоят важнейшие качественные сдвиги в развитии древнейших производительных сил общества. Отказ от выделения этих эпох в афро-азиатской части ойкумены по сути означает отказ от исторического осмысления процессов, характеризующих развитие первобытного производства, следовательно, первобытного общества в этом регионе.

Если на заключительном этапе становления человеческого общества существовала отмеченная выше неравномерность развития, то нет ничего неожиданного в том, что переход к новой эпохе — эпохе существования общества в его сложившихся древнейших формах — осуществлялся неравномерно и не в одно и то же время. Тем более, что речь идет о территориях, огромных по протяженности и в значительной степени изолированных друг от друга. Отсутствие синхронности с европейскими темпами развития, нечеткость, расплывчатость границ между отдельными эпохами афро-азиатского палеолита только подтверждают сложность и неоднозначность проявлений одних и тех же закономерностей исторического развития.

А. О. ДОБРОЛЮБСКИЙ

О ПРИНЦИПАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Проблема классификации в археологической науке в настоящее время представляется одной из наиболее важных. Она порождена спецификой развития археологии, интенсивное накопление материала в которой принимает экспонентный характер. В этой связи вопрос об осмыслении всей массы этого материала в русле единой функционирующей системы, характеризующей структуру археологической науки, встает с необычайной остротой. Трудности, возникающие перед подобным осмыслением, заключены прежде всего в особенностях археологического материала как исторического источника¹.

¹ *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.*

Вопрос о природе археологического источника рассматривался в разное время по-разному, что обусловлено как уровнем развития самой науки на определенных этапах, так и часто особыми мнениями и традициями, сохранившимися вплоть до наших дней². Последнее обстоятельство проявляется в определении таких категорий, как объект и предмет археологии, в понимании которых ученые не пришли к единому мнению.

Относительно объекта археологической науки как основы классификационных построений большинство исследователей придерживаются мнения, что это материализованное предметное воплощение различных сторон деятельности человеческих обществ различных эпох³, которое содержит в себе объективные свойства, связи и отношения процесса, включенные в познание в ходе изучения археологических материалов⁴. Некоторая обобщенность этого в целом методологически верного определения породила и разноплановое понимание объекта археологической науки, что вызвало два подхода к нему. Один из них выражается в логическом движении от понятия «вещественный археологический источник» как исходного пункта к общим теоретическим построениям. Другой проявляется в стремлении развить теоретический базис археологии в качестве основы для решения ее общих теоретических проблем и на этой основе определять смысл эмпирических понятий⁵. Разница в подходах породила и различный уровень проведения интерпретационных процедур многими исследователями.

Действительно, если в естественных науках работы, даже носящие сугубо прикладной характер, в целом должны укладываться в рамки общей логической структуры этих наук, то в археологии можно наблюдать разнообразный подход к материалу. С одной стороны — это море «вещеведческих публикаций» с целью «введения в научный оборот» новых материалов, где произвольно используются те или иные классификации. С другой стороны — это наличие ряда классификационных работ самого различного плана, для различных эпох и на разном уровне обобщения, принципы которого часто бывают условны и случайны. Разумеется, такая случайность обусловлена исторически неравномерным характером накопления и крайней разнородностью археологического материала,

² Борзя В. Н. Природа археологического источника и объект археологии как науки. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 7; Борзя В. Н. Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки. — В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1976, с. 185—214.

³ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 5—11.

⁴ Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, посвященной 250-летию АН СССР, ч. III. Киев, 1975, с. 14—17; Генинг В. Ф. Деяки питания розвитку археологічної науки. — Археологія, 1976, № 19, с. 5.

⁵ Борзя В. Н. Природа археологического источника..., с. 7—11.

свойственными эмпирическому этапу развития археологии⁶. Поэтому естественно, что по мере увеличения репрезентативности археологического материала многие типологические классификации, сыгравшие несомненно положительную роль в археологии, ныне сохраняются лишь в виде терминологических анахронизмов, то есть не отражают увеличившейся информативности изучаемых объектов. Выявление все большего числа локальных вариантов различных культур ставит под сомнение эталонность ранее найденных и изученных памятников. Общая тенденция подобных классификационных попыток — стремление унифицировать максимальное число объектов путем произвольного игнорирования «нетипичных» свойств⁷. Методическую значимость таких группировок, однако, не следует недооценивать, ибо они играют важную роль в первичной обработке информации⁸. Позитивным же их смыслом является выработка специфического археологического языка терминов и понятий как одного из важных разделов предмета археологии⁹.

Описанное положение привело к тому, что огромная масса археологического материала опубликована крайне неравномерно, в соответствии со вкусами и склонностями исследователя, ибо для археологической науки не выработана единообразная и научно обусловленная систематизация¹⁰. Ее состояние в настоящее время можно сравнить с состоянием неорганической химии до открытия периодического закона Менделеева.

Таким образом, можно утверждать, что осмысление огромного вещеведческого материала на типологическом уровне по мере развития археологии становится все более и более затруднительным. Это обстоятельство хорошо осознано большинством исследователей, а поэтому породило и необходимость формализации объектов непосредственного исследования в археологии¹¹. Ее задачи заключаются в усвоении и обобщении нарастающей археологической ин-

⁶ Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 7—8.

⁷ Ср.: Грязнов М. П. Классификация, тип, культура.— В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969, с. 18—19.

⁸ Шер Я. Е. Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 9—11.

⁹ Генинг В. Ф. Объект и предмет археологии..., с. 16.

¹⁰ Массон В. М. Системный анализ в археологических исследованиях.— В кн.: Предмет и объект археологии..., с. 53—56; Шер Я. А. Методологические вопросы археологии.— ВФ, 1976, № 10, с. 77—78.

¹¹ Шер Я. А. О создании кибернетического фонда археологических источников с автоматическим поиском информации.— МИА, № 129, с. 326; Колчин Б. А., Маршак Б. И., Шер Я. А. Археология и математика.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы..., с. 3—7; Ковалевская В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965; Семенов С. А. О математизации археологии.— В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973.

формации при разработке закономерно функционирующей системы с тем, чтобы эта информация находила свое закономерное место в общей структуре — иными словами, в создании теории классификации¹². Такие требования, порожденные наступлением нового, синтетического этапа развития археологии, основным содержанием которого является творческая разработка теоретических основ предмета и методов познания¹³, вызвали попытки наиболее точного определения археологического источника¹⁴, сочетающиеся с разработкой теоретических основ процедуры археологического исследования¹⁵.

Однако необходимость создания новой системы вызвала в свою очередь и различные подходы к проблеме. Они направлены на решение одной задачи, но осуществляются по-разному. С одной стороны, в нашей науке появилось множество работ, касающихся разработки основных теоретических и методологических проблем археологии¹⁶. С другой стороны, не в меньшем количестве выходят в свет труды, основанные на статистико-комбинаторных методах обработки археологического материала¹⁷. Позитивный смысл обоих направлений переоценить трудно, но они характеризуют различные аспекты рассмотрения источника. Если в первом случае авторы оперируют философскими и общенаучными категориями на высоком уровне обобщения, часто этим ограничиваясь, то во втором мы видим стремление тщательно и однозначно выделить различные свойства объекта изучения. Такое стремление выражается на практике в вычлениении максимального числа признаков объектов, укладываемых в формализованные классификации. При этом полученное количество признаков часто рассматривается как равнозначные факторы, из которых наиболее значимые выделяются путем факторного математического анализа¹⁸ либо иерархия признаков произвольно предопределена¹⁹.

В этой связи можно заметить, что, несмотря на успешную разработку общих методологических принципов советской археоло-

¹² См.: Шер Я. А. Методологические вопросы археологии..., с. 74—77. Ирония автора относительно системного подхода к археологии на уровне исторической интерпретации (с. 76) вряд ли уместна, ибо разработка методологических принципов исследования системы является одной из важнейших задач методологии истории (см., например: Крупнов Е. И. Об историческом аспекте в изучении материальной культуры.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории..., с. 17—22).

¹³ Захарук Ю. Н. Указ. соч., с. 8.

¹⁴ Викторова В. Д. Археологический факт.— Вопросы археологии Урала, 1975, вып. 13.

¹⁵ Клейн Л. С. К разработке процедуры археологического исследования.— В кн.: Предмет и объект археологии..., с. 42—44.

¹⁶ См. библиографию: Генинг В. Ф. Деякі питання..., с. 7—10.

¹⁷ См. библиографию: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

¹⁸ Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1.

¹⁹ Деоник Д. В. Соотношение статистических методов классификаций и культурно-стратиграфических характеристик в археологическом исследовании.— КСИА АН СССР, 1977, № 148, с. 3—9.

гической науки, введение методов формального анализа встречается на своем пути немалые трудности, которые вызваны упованием исследователей на «всесильность» статистических закономерностей в решении как источниковедческих, так и обществоведческих задач. Однако неразрешенность вопроса о гносеологическом статусе статистических закономерностей пока еще не дает оснований для подобных заключений²⁰. Кроме того, недостаточная полнота наших сведений об объекте изучения наряду со слабой разработкой понятийного языка науки часто порождает случайность в выборе признаков и недостаточную обусловленность их специфики²¹. Основания для выделения количественных и качественных показателей, сводимых для анализа в единый список, бывают одинаковыми²². При этом не всегда установимы как пределы дробления признаков, так и, наоборот, пределы их обобщения. В результате формально поставленная задача приводит и к формальному ее решению, которое выглядит, как правило, наукообразной иллюстрацией эмпирически и интуитивно осознанных археологами свойств объекта и не дает качественно нового знания.

Таким образом, можно резюмировать, что, несмотря на хорошо осознанную необходимость формализации большинством исследователей, практика пока еще редко дает те качественно новые результаты, которые в полной мере ознаменовали бы наступление синтетического этапа в развитии археологии. Указанное несоответствие вызвано, видимо, недостаточным пониманием задач формализации в методологическом аспекте. Бесспорное мнение о математическом аппарате как особом и едином логическом языке науки, отражающем реальные явления внешнего мира²³, часто осуществляется в применении формального квантитативного подхода. Однако для того чтобы «...выведение математических величин друг из друга» выражало «их рациональную взаимную связь»²⁴, необходима теоретическая интерпретация различных признаков объекта. Вместе с тем обратный подход, базирующийся на «непредвзятом» отношении к источнику, а поэтому трактуемый как «объективный», встречается в практике археологического исследования²⁵. В методологическом плане он фактически сводится к объективизму, являющемуся разновидностью субъективного идеализма²⁶. Сейчас

²⁰ *Купцов В. И.* Детерминизм и вероятность. М., 1976, с. 240—251.

²¹ *Шер Я. А.* Методологические вопросы археологии..., с. 68—69, 75.

²² *Брайчевский М. Ю.* Методы формализованного представления археологической информации.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы..., с. 53—58.

²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 50—51.

²⁴ Там же, с. 37.

²⁵ Несмотря на многократную критику такого подхода в зарубежной археологии, он проник и в нашу науку. Его частным выражением может служить, например, метод перечисления признаков (см.: *Шер Я. А.* О создании кибернетического фонда...); *Устинов В. А.* Применение электронных вычислительных машин в археологии.— В кн.: Методы естественных и технических наук в археологии. М., 1963.

²⁶ *Францов Г. П.* Философия и социология. М., 1971, с. 163—169.

представляется даже неуместным доказывать, что смысл и значение каждого исследования раскрываются не столько регистрацией совокупности свойств источников самих по себе, сколько предварительными методологией и систематикой, которые акцентирует определенные черты источника и дают творческое направление работе. Обратное мнение — суть концепции всякого рода «*Quellenforschung*», сводящиеся к противопоставлению «усидчивого» анализа «поверхностному» синтезу и позволяющие лишь в будущем какому-либо далекому, избранному поколению пожинать плоды исторического синтеза — мнение, порожденное позитивизмом и отрицанием социальной суггестии ²⁷.

Естественно, что сама постановка вопросов тем или иным ученым, направление его интересов и исследования предполагают определенное мировоззрение и конкретные взгляды на явления общественной жизни. Поэтому, если вплоть до настоящего времени буржуазные историки и археологи применяют математический аппарат к материалу случайному или произвольно подобранному, забывая историческую обусловленность тех или иных общественных явлений ²⁸, то для археолога-марксиста лишь пристальное внимание к методологическим проблемам позволит выработать такие теоретические концепции, которые приведут к качественному подъему археологических исследований ²⁹.

Таким образом, исторический материализм, который является теоретической основой советской исторической науки, играет в осмыслении археологического материала интегрирующую роль, которая увеличивается по мере дифференциации различных отраслей археологии. Однако существование в научной практике двух уровней исследования — эмпирического и теоретического ³⁰ не всегда верно размещает акценты и направления в процессе познания и осмысления материала. Часто это ведет к дезинтеграции, прикрывающейся «*фиговым листком формализованных операций*» ³¹. В результате происходит смещение в понимании соответствующих обоим уровням областей интерпретации источников (по мнению В. М. Массона, этнокультурной и социологической), когда на основе sporadических эмпирических наблюдений делаются широкие исторические выводы. Это естественно, ибо задачей археологической науки как исторической является изучение закономерности развития и функционирования человеческого общества. При этом с точки зрения исторического материализма эти закономерности должны отражаться в развитии и объективных взаимосвязях объектов материальной культуры ³². Однако восстановление этих зако-

²⁷ Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история.— В кн.: История и психология. М., 1971.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 354.

²⁹ Генинг В. Ф. Деякі питання..., с. 7.

³⁰ Массон В. М. Экономика и социальный строй..., с. 11—12; Методологические основы научного познания. М., 1972, с. 124—153.

³¹ Там же с. 12.

³² Генинг В. Ф. Деякі питання..., с. 5.

номерностей возможно лишь на уровне социологической интерпретации, включающей вопросы реконструкций экономических, социальных и идеологических структур древних обществ³³. Надо полагать, что лишь на социологическом уровне возможна разработка тех основных критериев формализации объекта археологии, которые позволят создать закономерную структуру этой науки, соответствующую в целом принципам исторического материализма как социологической теории.

Перечисленные сферы реконструкции — экономическая, социальная, идеологическая, а также этническая — отражены в одних и тех же источниках, ибо невозможно однозначно расчленить набор артефактов согласно их источниковедческой значимости для каждой сферы в отдельности. Именно поэтому необходим должный методологический аспект, который пронизывает оба уровня познания в археологии и позволяет одновременно увидеть ту необходимую, но специфичную совокупность свойств и отношений, которая относится к каждой отдельной сфере. Рассуждая подобным образом, мы вынуждены сформулировать, какими именно свойствами обладает каждая из сфер. Сфера экономики отражена в материальном производстве и исследуется на обоих уровнях познания, что предполагает реконструкцию древних хозяйственных систем как технологических комплексов в тесной связи с производственными отношениями³⁴. Сферы социальная и идеологическая в большей мере подвержены социологическому уровню интерпретации. Поэтому выявление аспекта рассмотрения именно для сферы общественных отношений представляется существеннейшей теоретической задачей, которую следует решать в методологическом плане.

Если учитывать, что социальная структура любого общества является материальной, целостной и саморазвивающейся системой³⁵, то эта категория носит такой же всеобщий характер, как и другие категории исторического материализма. При этом важнейшей чертой системности, как атрибута материи, является ее иерархичность. Каждая целостная система всегда, с одной стороны, выступает в качестве компонента более сложной системы, а с другой — является средоточием систем низшего порядка, или подсистем³⁶. Изучая с этой точки зрения социальную структуру любого общества, необходимо стремиться к выявлению степени и специфичности социальной дифференциации, в классовых обществах — классового и сословного расслоения, учитывая, что человеческое общество никогда не представляло собой однородного целого и всегда было расчленено на более или менее значительные совокупности людей, находившихся между собой в известном иерархическом отноше-

³³ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй..., с. 12—13.

³⁴ Там же, с. 96—98.

³⁵ *Селезнев М. А.* Социальная революция. М., 1971, с. 152.

³⁶ *Фурман А. Е.* Материалистическая диалектика.— В кн.: Основные категории и законы. М., 1969, с. 14.

нии³⁷. Иерархичность эта в свою очередь являлась отражением иерархичности в распределении материальных благ, всегда выражавшимся в распределении трудовых затрат между членами общества, ибо труд одинаково присущ всем формам общественной жизни³⁸. Иными словами, труд является объективной и независимой категорией, которая закономерно присуща всем формам жизни общества в течение всей истории человечества. Формы же распределения материальных благ, выраженные в трудовых затратах, указывают на определенное отношение общества к своим членам, то есть на их социальный статус.

Таким образом, с точки зрения марксистской методологии труд является тем объективным критерием, который позволяет судить о количестве усилий общества, приложенных к созданию любого объекта его деятельности. Этот критерий диалектически включает как количественные, так и качественные показатели, которые, взаимодействуя, обуславливают те или иные свойства объектов, изготавливаемых и используемых обществом в процессе его функционирования. Путем учета количественных затрат труда на создание различных свойств объектов мы можем судить об их определенных качественных функциях. Это означает, что, несмотря на сложную материальную природу археологического источника, можно применять этот критерий для обоих уровней познания, ибо трудовые затраты, непосредственно отражаясь в любых артефактах, позволяют выделить методологически обусловленную иерархию признаков как на эмпирическом, так и благодаря своей общественной природе на синтетическом (социологическом) уровнях.

Основными археологическими источниками, на основании которых анализируются общественные отношения, являются жилища и поселения, а также погребения и могильники³⁹. Социальная сфера в каждом из видов этих источников отражена в различной степени, что обусловлено количеством факторов, породивших эти разновидности. Если в жилище «социальный заказ с учетом экологического фактора реализуется через архитектурное решение, которое принимается в соответствии с возможностями экономического потенциала, поскольку воплощается это решение через строительную технику»⁴⁰, то в погребении взаимодействие этнического и социального моментов, отраженных в идеологии, формирует традиции погребального обряда, реализуемые в способе захоронения, устройстве могильного сооружения и в погребальном инвентаре⁴¹.

³⁷ Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— ВИ, 1966, № 8.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188—189.

³⁹ Масгон В. М. Экономика и социальный строй..., с. 20.

⁴⁰ Там же, с. 110—111.

⁴¹ Там же, с. 149—150; Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формального анализа.— КСИА АН СССР, вып. 148, с. 16—23; Коренько В. А. Погребальная обрядность как система.— В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 5—7.

Для ряда культур погребения являются основным и важнейшим археологическим источником для социологических реконструкций. В структурном отношении погребение представляет собой комплекс, состоящий из набора артефактов и позволяющий усматривать в нем взаимодействие этнического и социального факторов, скорректированных через идеологические представления⁴². Это означает, что источниковедческий анализ погребения возможен как на эмпирическом, так и на синтетическом уровнях. При этом решение социологических вопросов, связанных с внутренним анализом общественных структур, возможно лишь при наличии достоверных данных в этнокультурной области.

Выявив методологический аспект, следует перейти к постановке методических вопросов. Их общий смысл заключается в установлении степени репрезентативности каждого из трех перечисленных компонентов погребального обряда для различных уровней исследования. Рассмотрим их по порядку.

Погребальный инвентарь, выражающий, как правило, материальные критерии бедности и богатства, позволяет нам судить об имущественном положении погребенного. Многочисленные примеры резкой дисгармонии между характером погребального обряда и наличием инвентаря свидетельствуют о том, что об общественном положении погребенного следует судить прежде всего по тем трудовым затратам, которые были приложены к созданию определенного погребального сооружения⁴³. Поэтому мы пока воздерживаемся от интерпретации инвентаря на социологическом уровне исследования.

Характеристика способа захоронения и устройства погребального сооружения, как взаимосвязанных компонентов, предусматривает выделение их определяющих отличительных признаков. Исследование способа захоронения связано с изучением положения погребенного и умозрительным воспроизведением погребального ритуала на основании инвентаря, остатков тризны, останков животных и т. д. Устройство могилы включает ее форму, размеры, конструктивную сложность. С точки зрения трудовых затрат представляется, что именно устройство погребального сооружения в первую очередь определяет для археолога общественный статус погребенного. Различные компоненты способа захоронения его могут лишь корректировать в ту или иную сторону, и меру этой коррекции следует определять в каждом конкретном случае.

Высказанные здесь суждения уместно проиллюстрировать примером социологической реконструкции, применив при этом формализацию на основе изложенных методических и методологических принципов. Позитивная сущность такой формализации должна, по нашему мнению, выразиться в обретении того качественно нового знания, получение которого невозможно путем лишь умозри-

⁴² Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий.— В кн.: Предмет и объект археологии, с. 38.

⁴³ Массон В. М. Экономика и социальный строй..., с. 152, 166—167.

тельных построений. Смысл же ее — в однозначной доказуемости определенного уровня обобщения, который по достоверности приравнивался бы к реально наблюдаемому факту⁴⁴.

Для соблюдения чистоты условий подобного эксперимента в качестве примера избирается такое общество, социологическая реконструкция которого может производиться лишь на основе одной разновидности археологических источников — погребениях. Такому требованию отвечают многочисленные кочевнические общественные структуры. Необходимой предпосылкой этой реконструкции должно быть наличие достоверных данных, полученных в этнокультурной области. Критерием же правильности должна послужить возможность ее проверки другим, независимым от археологии путем — нарративными источниками. Критерий должен подтвердить или опровергнуть действительность избранной методики. В случае совпадения двух независимых закономерностей возникает возможность применять подобную методику и для дописьменных периодов истории, представленных лишь археологическими памятниками.

Перечисленным условиям отвечает в нашем случае общество кочевников, обитавших в южно-русских степях с конца IX по XIV в., для которого погребения являются основным археологическим источником. Кроме того, для них выработана типологическая периодизация, позволяющая относить различные погребальные комплексы к определенным группам кочевого населения⁴⁵. Попытаемся, абстрагируясь от письменных сведений, установить степень социальной стратификации этих групп, руководствуясь избранными критериями.

Прежде всего необходимо зафиксировать различную трудоемкость создания погребальных сооружений. Такую фиксацию, которая выражается для археолога в различной конструктивной сложности этих сооружений, следует гарантировать от возможных вариаций в трудовых затратах, которые могут олицетворять различные этнокультурные модификации. Поэтому по степени затраты труда, то есть по количеству вынимаемой сходными орудиями земли, допустимо в среднем приравнять уступ к подбою, уступ и подбой или два уступа — к отдельной яме для лошади и т. д. Трудовые затраты на возведение могильной насыпи не учитываются, в источниках в силу различных объективных и субъективных причин не зафиксированы достаточно четко размеры и конструкции могильных насыпей. Кроме того, часто могильные ямы довольно сложных конструкций (даже захоронения с повозками) оказываются впускными в насыпь более древних курганов⁴⁶.

⁴⁴ Вернадский В. И. Биосфера.— Избранные сочинения. М.— Л., 1960, т. 5, с. 19.

⁴⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 93.

⁴⁶ Там же, с. 92; Болдин Я. И. О решетчатых гробовищах в погребениях кочевников юга Украины.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины, ч. 2. Киев, 1976, с. 26—28.

Категория	Могиль -		
Тип	без перекрытия		
Отдел	Простая яма	Яма с уступом или подбоем	Яма с двумя уступами, уступом и подбоем или с отдельной ямой для лошади

Таким образом, регистрируя различную конструктивную сложность погребений, отражающих реальную разницу в трудовых затратах, строим иерархический ряд могильных ям (табл. I).

Типологическая реконструкция Г. А. Федорова-Давыдова дает основание разделить все учтенные кочевнические погребения X—XIV вв. на четыре периода⁴⁷ и тем самым проследить степень дифференцированности погребального обряда как в среде кочевников в целом, так и внутри отдельных этнокультурных типов. Так как нашей задачей является выяснение степени социального расслоения общества в целом, то мы не производим половозрастного подразделения захоронений — оно не влияет ни на один из выделяемых признаков. Формы могил однотипны, останки коня и богатый инвентарь встречаются как в мужских и женских⁴⁸, так и в детских захоронениях⁴⁹.

Итак, если общее количество погребений в I—IV периоды рассматривать как генеральную совокупность (и независимую переменную), то типы погребений каждого периода в отдельности представляются выборками из нее (зависимыми переменными)⁵⁰. Каждая из выборок ограничена временными рамками, генеральную совокупность связывает лишь единство территории. В виде отдельной выборки есть смысл выделить погребения IV периода, не вхо-

⁴⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч., с. 9, 124—163. I период датируется автором концом IX—XI в., II и III — последней четвертью XI — началом XIII в., IV — второй половиной XIII—XIV в. Они соответственно связываются с печенежско-торческим, половецким населением в домонгольское время и половецким населением в золотоордынский период. Ввиду малочисленности погребений III периода можно по этнокультурному принципу объединить захоронения II и III периодов в общую выборку.

⁴⁸ Там же, с. 116—119. Распределение погребений с частями коня подтверждает мнение о том, что в кочевом обществе лошадь была непременным атрибутом практически всех его членов. Это означает, что наличие в погребениях частей коня было проявлением определенных идеологических традиций, но не указывало на социальный статус погребенного (см.: Массон В. М. Экономика и социальный строй..., с. 176).

⁴⁹ Станко В. Н. Детское захоронение кочевника.— ЗОАО. Одесса, 1960, т. 1 (34).

⁵⁰ Гранков В. П. Выборочное наблюдение. М., 1963.

Таблица I

ных ям кочевнических погребений

ная яма				
с перекрытием				
Простая яма	Яма с уступом или подбоем	Яма с двумя уступами, уступом и подбоем или с отдельной ямой для лошади	Погребение в каменном или кирпичном ящике	Погребения с перекрытием частями повозки

дащие ни в одну из совокупностей, кроме генеральной, что может показать меру и качественную сущность трансформации погребальных обрядов.

Сопоставим имеющийся иерархический ряд могильных ям (табл. I) с выделенными обрядами захоронений (табл. II). Все четыре вариации связаны с постепенно усложняющимися погребальными комплексами. Посмотрим, в какой мере зависимые переменные соответствуют независимой. Определяя меру корреляции как соотношение между средней квадратичной ошибкой переменной (выборки) и ее средним квадратичным отклонением⁵¹, получаем в каждом случае:

- 1) мера сопряженности между переменными А и В равна 0,93;
- 2) мера сопряженности между переменными А и С равна 0,98;
- 3) между переменными А и Д отсутствует какая-либо сопряженность.

Отсутствие сопряженности между переменной (выборкой) и генеральной совокупностью связано, как правило, с наличием в выборке искажающих признаков⁵². В данном случае в переменной Д наиболее высокие показатели средней квадратичной ошибки расположены в той части таблицы, где находятся простейшие по конструкции погребальные сооружения. Если понизить число наблюдений (N), отбрасывая простейшие конструкции, то мера сопряженности между вариациями А и Д увеличивается. Так, при $N = 12$ она равна 0,22, при $N = 10$ — уже 0,76 и т. д. Типы захоронений в переменной Д обусловлены прежде всего наиболее сложными по конструкции погребальными комплексами.

Выше уже отмечалось, что смысл любых формализованных операций в археологическом исследовании заключается в получении нового комплекса сведений, недоступного иным путем. Мы видим, что иерархический ряд погребений, составленный по принципу возрастания трудовых затрат, отражает прежде всего социальную дифференциацию кочевого общества. Этнические изменения этот

⁵¹ Миллс Ф. Статистические методы. М., 1958, с. 258—261.

⁵² Гранков В. П. Указ. соч., с. 22—24.

ряд зафиксировать не может, так как они должны выражаться не в сложности погребальных конструкций, а в многочисленных модификациях погребального ритуала (ориентировка и положение погребенного, особенности захоронения животных, специфика ин-

Таблица II
Статистическое распределение погребений кочевников по типологическим группам и периодам

Категория	Тип	Отдел	Группа	Вариация								Число наблюдений
				Общее число погребений		Погребения I периода		Погребения II и III периодов		Специфические погребения IV периода		
				А		В		С		D		
				Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	
Могильные ямы	без перекрытия	I	а	408	50,7	368	66,3	368	60,0	40	24,5	1
			б	196	24,4	128	23,0	172	28,0	24	14,7	2
		II	а	28	3,5	—	—	8	1,3	24	14,7	3
			б	25	3,1	2	0,4	—	—	20	12,3	4
		III	а	24	3,0	13	3,2	—	—	6	3,7	5
			б	26	3,2	—	—	16	2,5	12	7,4	6
	с перекрытием	I	а	24	3,0	24	4,3	20	3,3	—	—	7
			б	13	1,6	9	1,6	10	1,6	3	1,8	8
		II	а	16	2,0	—	—	4	0,7	17	10,4	9
			б	5	0,6	3	0,5	—	—	2	1,2	10
		III	а	9	1,1	3	0,5	—	—	—	—	11
			б	6	0,2	—	—	—	—	6	3,7	12
			в	18	2,2	—	—	15	2,5	3	1,8	13
			г	6	0,7	—	—	—	—	6	3,7	14
Итого		804	100	555	100	613	100	163	100			

Примечания: I — простая яма; II — яма с уступом или подбоем; III — яма с двумя уступами, уступом и подбоем или с отдельной ямой для лошади. а — погребение без частей коня; б — погребение с конем или частями коня; в — погребение в каменном или кирпичном ящике; г — погребение с перекрытием частями повозки.

вентаря и пр.). Это означает, что этнокультурные влияния могут проявляться во всех разновидностях погребальных комплексов независимо от их конструктивной сложности. Однако ожидать их следует прежде всего в простейших по конструкции погребениях, которые представляют большинство населения, нежели в сложных, представляющих верхушку общества. Процесс этнокультурной диффузии всегда начинается в массе населения и насильственно невозможен (табл. II).

Сравнивая по степени связи переменные В и С с независимой переменной А, фиксирующей определенное социальное расслоение общества, можно заключить не только то, что половецкое общество больше продвинулось вперед в своем социальном развитии по сравнению с печенежско-торческим (0,98 по сравнению с 0,93), но и свидетельствует о проходящем в среде кочевников X—XIV вв. процессе классовобразования. Переменная Д для нас является корректировочной. Она позволяет судить, что относящиеся к ней типы захоронений обусловлены в значительной мере разновидностями наиболее сложных конструкций могильных ям. Однако степень связи между А и Д не превышает такую же с предыдущими выборками. Это является косвенным доказательством того, что этнокультурная диффузия практически не усложнила социальную структуру. Эту диффузию нужно искать в верхней части табл. II, где она никак не может себя проявить на социологическом уровне исследования. Значит, она происходила между общностями, находившимися на сопоставимом уровне общественного развития. Поэтому можно предположить, что процесс классовобразования в обществе кочевников X—XIV вв. являлся прежде всего следствием его внутреннего развития, нежели проявлением внешних заимствований. В данном случае это означает, что в рассматриваемый период времени культурный контакт кочевников с населением оседло-земледельческих областей не развился еще до такой степени, чтобы кардинально деформировать самостоятельно складывающуюся социальную структуру.

Таким образом, в результате методологически обосновываемой формализации выводы получены качественно новым способом. Они еще раз опровергают мнение о том, что кочевое общество как исторический феномен не имело внутренних потенций для саморазвития, что до сих пор остается одной из самых наболевших проблем нomaдизма⁵³. Эти выводы в данном случае проверяются и удостоверяются данными письменных источников, соответствующий анализ которых уже проведен⁵⁴. Позитивный же их смысл заключается в том, что по археологическим источникам они никак не могли быть получены другим путем.

Надо полагать, что дальнейшее теоретическое источниковедческое исследование погребальных памятников позволит приобщить к нуждам социологической интерпретации, помимо конструктивной сложности, и другие их компоненты. Поэтому полученные здесь выводы на основе методологического и методического вычленения лишь одной стороны погребального обряда не могут претендовать на законченность. Однако цель настоящей работы состоит не в получении законченных выводов по какой-либо конкретной проблеме, а в попытке осмыслить с методологической точки зрения процедуру археологического исследования в ее прикладном

⁵³ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 32—35; 127—130.

⁵⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч.. с. 218—227.

применении. Путем поиска и разработки универсальных методологических принципов, носящих закономерный характер, можно решить проблему классификации в археологической науке и на эмпирическом, и на синтетическом уровнях исследования.

В. Ф. ГЕНИНГ

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 20-х ГОДОВ [новое археологическое направление]

Становление советской археологии, как и всей исторической науки, на марксистско-ленинских методологических основах было длительным и сложным процессом, связанным с совершившимся в стране революционным переворотом в науке. Борьба на историческом фронте была органической частью общей борьбы с буржуазией, направленной на утверждение нового социалистического общества.

Большинство представителей гуманитарных наук дореволюционной России оставалось в плену буржуазного мировоззрения и в новых условиях не понимало тех грандиозных задач, которые ставила перед наукой советская власть. Судьбы отдельных ученых в годы революционных потрясений складывались по-разному. «Часть перейдет на нашу сторону, — писал в те годы В. И. Ленин, — часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам»¹.

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма», специально написанной в 1922 г. для журнала «Под знаменем марксизма», наметил содержание и программу становления новой науки, в которой очень четко была изложена идея осуществления союза марксистской философии и частных наук. На базе этого союза должно было формироваться новое научное мировоззрение деятелей советской науки.

Платформой для осуществления этого союза В. И. Ленин считал идеи материализма, которые, с одной стороны, составляют стержень марксистской философии, а с другой — не чужды были представителям научного мира и имели в России давние и глубокие традиции. В. И. Ленин отмечал, что «в России есть еще — и довольно долго, несомненно, будут — материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества»².

В. И. Ленин выдвигает задачу философского обоснования достижений естественных наук, без чего «никакой материализм не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 193.

² Там же т. 45, с. 24.

может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом»³. Хотя это замечание было сделано В. И. Лениным в адрес естественников, то в той же и даже большей мере оно относится также к представителям гуманитарных наук, и в первую очередь истории.

Современный материализм — это диалектический материализм Маркса, и только он может противостоять буржуазному мирозерцанию, и, следовательно, процесс формирования и становления новой советской науки мог быть успешно осуществлен только в результате формирования нового мировоззрения ученых на базе марксистской философии.

Этот тезис ленинской программы был положен в основу формирования советских научных кадров⁴.

Буржуазно-дворянская русская археология в основном осталась на вещеведческо-идеалистических позициях и переживала в предреволюционные годы тяжелый кризис.

Становление советской археологии необходимо рассматривать как неотъемлемое звено формирования советской исторической науки⁵. Это наиболее ярко получило свое отражение уже в названии первого археологического учреждения страны — Российской Академии истории материальной культуры, перед которой была поставлена задача осуществления широких исторических исследований по ранним периодам общественного развития на основе археологических, этнографических, антропологических и иных источников. Этот переход к новым исследованиям в свете тех задач, которые были поставлены перед советской наукой, мог быть осуществлен лишь на почве марксистского подхода к изучению исторического процесса, на основе материалистического понимания истории, которое зиждется на Марксовом учении об общественно-экономических формациях. Следовательно, успехи в становлении и формировании советской марксистской археологии зависели прежде всего от того, в какой мере археологи будут исходить в объяснении исторических закономерностей общественного развития, выявленных по археологическим источникам, из учения об общественно-экономических формациях, из марксистской общесоциологической теории общественного развития теории исторического материализма.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 29—30.

⁴ Борзя В. Н. Методологические семинары. Предпосылки, факторы и этапы развития. Л., 1978, с. 74—84.

⁵ Вайнштейн О. Л. Становление советской исторической науки (20-е годы). — Вопросы истории, 1966, № 7, с. 41; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4; Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. М., 1975, с. 17 и сл.; Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии. — История СССР, 1963, № 4.

Археология в дореволюционное время не была представлена в Российской академии наук.

После Великой Октябрьской социалистической революции центральным археологическим учреждением страны стала Российская Академия истории материальной культуры, декрет о создании которой был издан Советским правительством 18 апреля 1919 г.

В отличие от многих других научных учреждений РАИМК (позднее Государственная Академия — ГАИМК), созданная на базе императорской археологической комиссии и Русского археологического общества в Петрограде, унаследовала довольно значительный штат как ученых, так и обслуживающего персонала. Кроме археологов в состав Академии были включены кадры искусствоведов, архитекторов, языковедов, этнографов и фольклористов. ГАИМК представляла организацию, где должны были осуществляться новые комплексные исследования исторической проблематики докапиталистических обществ.

В первые годы Советской власти большевистские кадры историков были заняты в основном организационной деятельностью. Грандиозный переворот, осуществлявшийся во всех сферах жизни, в том числе в науке, требовал больших усилий, а кадры историков-марксистов были еще немногочисленны. Кроме того, основное внимание партия уделяла, естественно, наиболее актуальным разделам общественных наук: философии, социологии, истории нового и новейшего времени, поэтому «разработки истории докапиталистических формаций и подготовка соответствующих специалистов... до начала 30-х годов... оставались как бы монополией учреждений, руководимых старыми учеными — не марксистами»⁶.

Не составляла исключения и ГАИМК, хотя во главе ее и стоял уже с августа 1919 г. Николай Яковлевич Марр — один из немногих ученых старой школы, с энтузиазмом встретивший новую власть и отдавший всю свою энергию деятельности по организации советской науки.

В 1919—1929 гг. было проведено несколько мероприятий по перестройке центральных археологических учреждений страны, но исследовательская работа в них, особенно теоретико-методологические основы научного поиска и тематика, мало чем отличалась от дореволюционных традиций. Конечно, продолжались полевые работы, приносившие новые, иногда чрезвычайно интересные материалы, которые, как обычно, обрабатывались, но сам стиль научного исследования и задачи оставались по-прежнему в большинстве случаев вещеведческими. В публикациях этого времени, как и раньше, масса отчетов о полевых работах, разработки частных вопросов по хронологии или интерпретации отдельных вещей или комплексов. Достаточно наглядно это видно по изданным центральным учреждением страны за эти годы пяти томам «Известий ГАИМК» и двум томам «Сообщений ГАИМК» (1926, 1929), в которых содер-

⁶ Вайнштейн О. Л. Становление советской исторической науки..., с. 40.

жание статей выдержано в духе традиционно-вещеведческих и источноковедческих публикаций. Основная причина этого крылась в том, что работали в этих учреждениях кадры, воспитанные в старой школе, мировоззрение которых отражало идеологию буржуазного общества и его потребности, весьма далекие от марксистского понимания исторического процесса.

Следует также отметить, что в исторических исследованиях философско-методологические концепции в абсолютном большинстве оставались еще идеалистическими. «Все научные издания ГАИМК до 1929 г. включительно... — писал В. И. Равдоникас, — свидетельствуют, что работа велась именно старым методом. «Прежнее мировоззрение» оказалось более живучим и более цепким, чем можно было бы предполагать и чем хотелось бы энтузиастам нового способа мышления. Нередко оно крепко держало в плену тех, кто искренне пытался стать на новый путь»⁷.

Пытаясь нарисовать состояние археологии в стране к началу 30-х годов, А. Я. Брюсов, например, писал: «Как бы ни было у нас трудно положение с опубликованием археологических работ, все же за 11 лет напечатано немало; но напрасно стали бы мы искать в этих работах хотя бы слабой попытки со стороны старых археологов и очень многих их молодых учеников подвести под археологию твердую базу диалектического материализма. Эта численно наиболее значительная группа русских археологов ограничивает свои работы отчетами, описаниями и типологическими статьями, но не решается даже вступить на путь хотя бы формальных обобщений относительно древних общественно-экономических формаций»⁸. Эта оценка подтверждается признанием и самих археологов того времени. Так, В. И. Равдоникас писал, что до 1929 г. «объективно я плыл по течению и подчинялся господствовавшему тогда взгляду на археологию и на ее задачи»⁹. Но именно осознание того, что на общем фоне революционной перестройки как общества, так и науки, причем исторической науки в наибольшей мере, археология продолжает пребывать в лоне старых академических традиций так называемой нейтральности к социальной проблематике, привело определенную часть археологов сравнительно молодого поколения к постановке новых задач в науке.

В условиях весьма бурного становления нового общественного строя в стране и общей перестройки науки, перед которой были поставлены новые актуальные задачи, в археологии, как и в других общественных науках, рано или поздно должна была возникнуть конфликтная ситуация, в которой новое вступает в борьбу со старым, отживающим. В археологии, как уже отмечалось, до революции не было

⁷ Равдоникас В. И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества. — СГАИМК, 1931, № 9-10, с. 6.

⁸ Брюсов А. Я. К вопросу об археологии и археологических исследованиях по доистории северо-запада СССР. — Советская Карелия, 1930, № 1, с. 126.

⁹ Равдоникас В. И. На новый этап. — СГАИМК, 1932, № 1-2, с. 49.

ни одного деятеля, который хотя бы в малейшей степени интересовался марксизмом, не появились они и в первые годы после революции. Такие ученые, как В. А. Городцов, Б. С. Жуков и другие, занимавшие в археологии наиболее «левые позиции», находились под сильным влиянием передовых для своего времени западноевропейских буржуазных учений и после революции не проявили особого интереса к теоретическим концепциям общественного развития, изложенным в марксистской литературе. Поэтому объективно все зависело от того, когда в археологии появятся люди с новой подготовкой, с иным мировоззрением, полученным за пределами традиционных археологических учреждений. Естественно, что это зависело и от того, как вообще в стране, и в частности в университетах, осуществлялось внедрение основ марксистского мировоззрения. Собрание сочинений В. И. Ленина по решению IX съезда партии начало издаваться в 1920 г. (1-е издание завершилось в 1926 г.). Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса издавались уже в первые годы после революции: в 1922 г. вышли в свет два первых тома их сочинений и «Капитал» К. Маркса. В 1924 г. было принято решение об издании сочинений Маркса и Энгельса. В 1922 г. были изданы «Очерки по истории материализма» А. И. Тюменева, ставшего впоследствии сотрудником ГАИМК, в последующие годы публиковались подобные же работы В. И. Горева, В. Сарабьянова, С. Я. Вольфсона, И. П. Разумовского и др. Для своего времени это были весьма актуальные и интересные публикации, способствовавшие становлению марксистского понимания социально-исторического процесса, хотя некоторые из них и не были лишены ошибок. Но наряду с этим выходило немало публикаций, вульгаризировавших марксистские концепции (К. М. Тахтарев, Э. А. Энгель, Н. А. Гредескул и др.) или выхолащивавших и извращавших марксизм (Б. Богданов и др.) и, наконец, открыто враждебных марксизму (С. А. Франк, Л. П. Карсавин, П. А. Сорокин и др.)¹⁰.

Особое место среди изданий по социологии занимала книга Н. Бухарина вышедшая в свет тогда, когда на книжном рынке отсутствовали произведения, в которых в систематизированном виде был бы изложен исторический материализм. Поэтому она стала широко распространенным пособием¹¹, хотя и вызвала с самого момента появления резкую критику многих авторов. Книга Н. Бухарина была написана с последовательных механистических позиций, истоки которых лежали в теориях А. Богданова. Н. Бухарин вульгаризировал важнейшие проблемы материалистического понимания истории. В. И. Ленин отмечал, что теоретические воззрения Н. Бухарина «...очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть

¹⁰ Чагин Б. А., Клушин В. И. Указ соч., с. 130, 179, 229 и др.; Чагин Б. А. Очерки истории социологической мысли в СССР (1917—1969). Л., 1971, с. 74 и др.

¹¹ Чагин Б. А. Очерки истории социологической мысли в СССР..., с. 75; Чагин Б. А., Клушин В. И. Указ. соч., с. 91, 209, 345 и сл.

нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»¹².

В эти же годы появляются журналы, широко пропагандировавшие марксизм и публиковавшие исследовательские статьи по социальной истории. Наиболее крупными из них были «Большевик», «Под знаменем марксизма», «Вестник Социалистической Академии» и др.

Уже за первое десятилетие существования Советской власти была создана материальная база для обеспечения марксистско-ленинской идейно-теоретической подготовки кадров, в том числе научных.

С 1921 г. в университетах страны были введены курсы о развитии общественных форм, затем также курс исторического материализма, с 1924 г. — курсы по истории партии и основам ленинизма.

Конечно, первоначально высококвалифицированных кадров было недостаточно, но организация уже в 1918 г. Социалистической (с 1923 — Коммунистической) Академии, а в 1921 г. Института красной профессуры и ряда других учреждений быстро восполнили этот пробел. Но естественно также, что результаты перестройки преподавания, направленные на получение студентами марксистско-ленинской теоретической подготовки, сказались не сразу.

В Московском и Ленинградском университетах с 1922 г. археология впервые в практике подготовки специалистов была введена в обязательный университетский курс и организована специальная подготовка археологов.

В 1924 г. была организована Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), в состав которой вошли все гуманитарные институты, в том числе созданный в 1924 г. в Москве Институт археологии и искусствознания. Руководил работой РАНИОН Президиум, который до 1927 г. возглавлял М. Н. Покровский, а затем вплоть до ликвидации в 1929 г. — В. М. Фриче.

Перед РАНИОН была поставлена задача «организации научных исследований в различных областях общественных наук, изучения с точки зрения науки вопросов, вызываемых государственными потребностями, подготовка кадров научных работников»¹³.

Особая роль в подготовке научных кадров отводилась специально введенному в 1925 г. Институту аспирантуры с трехлетним сроком обучения, причем главное внимание в процессе подготовки специалистов уделялось марксистской теории. В Ленинграде в 1925—1926 гг. в аспирантуре ГАИМК занимались А. А. Иессен, М. Г. Худяков, С. Н. Замятин, М. И. Артамонов, П. Н. Шульц, В. А. Богусевич и др.

В Институте археологии и искусствознания РАНИОН в Москве в эти годы в аспирантуре обучалась большая группа археологов,

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.

¹³ Очерки истории исторической науки в СССР, с. 233 и сл.

ставших в 30—60-е годы ведущими специалистами: А. В. Ардиховский, А. Я. Брюсов, В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков, П. Б. Дмитриев, А. Ф. Дубинин, С. В. Киселев, М. М. Кобылина, С. Г. Матвеев, А. П. Смирнов и др.

Большинство аспирантов-археологов было выпускниками Московского и Ленинградского университетов, в которых уже с начала 20-х годов на факультетах общественных наук большое внимание уделялось изучению марксистской теории диалектического и исторического материализма. Это привело к формированию у молодого поколения археологов диалектико-материалистического мировоззрения, которое заставило посмотреть на археологический материал с совершенно новых позиций — как на результат закономерного развития исторической деятельности людей. Поскольку «современный материализм видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса»¹⁴, такой подход означает серьезный шаг вперед.

В поисках новых путей исследования исторического процесса необходимо было опереться на марксистскую науку об обществе, основой которой является учение о социально-экономической формации. Теория Маркса, — как писал В. И. Ленин, — создала научную социологию, в которой показала, «что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»¹⁵.

В среде археологов начинает созревать понимание новых задач науки. «Материальное производство, общественные отношения между людьми, формы их духовной культуры, одним словом, все элементы общественной жизни в их единстве и развитии — вот что должен раскрывать исследователь, направляющий свой пытливый взор в отдаленное прошлое, если он хочет познать закономерности человеческой истории»¹⁶.

К концу 20-х годов марксистской теорией начинают овладевать широкие слои научной общественности, в том числе археологии, хотя этот процесс оказался далеко не легким. «Нет никакого сомнения, — писал А. Я. Брюсов, — что воспитанные в старых традициях и приемах археологического исследования, мы еще долго будем связаны ими. Еще долго многие «неоспоримые» положения будут скрывать от нас истину. Введение социально-экономического фактора как главного искомого и одновременно как критерия при изучении культур... вызовет в первое время много ошибок. Но не надо забывать, что прежние приемы исследования также нередко вели и ведут к многочисленным ошибкам, но не давали и не дают

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 24.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

¹⁶ Равдоникас В. И. Археология на Западе и в СССР.— СГАИМК, 1936, № 9-10, с. 21.

Наряду с этим много ценного, что должно быть использовано в полной мере»¹⁷.

Необходимость поисков новых путей исследования и постановки новых задач перед археологической наукой осознали раньше всего молодые московские археологи, близкие к В. А. Городцову. На общем фоне вещеведческих традиций старой археологии, продолжавших господствовать и в советское время вплоть до 1930 г., конечно, научные концепции В. А. Городцова были более передовыми и прогрессивными, хотя они не были до конца материалистическими, ни тем более марксистскими¹⁸. Для того чтобы перейти к марксистскому пониманию исторического процесса, необходимы были хотя бы исходные материалистические позиции. Сам В. А. Городцов сделать этот решительный шаг в сторону марксизма так и не смог, но занятия у столь крупного специалиста помогли его ученикам преодолеть данный рубеж.

В РАНИОН при Институте археологии и искусствознания в 1925 г. была организована специальная Социологическая секция (в дальнейшем — теории и методологии) «как некая надстройка над его двумя основными отделениями, которая давала бы занятиям в Институте соответствующее направление». Секция с самого начала делала ставку на молодых научных сотрудников, которые и являлись ее активными участниками¹⁹.

Социологическую секцию возглавлял М. В. Фриче²⁰. В этой секции аспиранты не только проходили общетеоретическую марксистскую подготовку, но и обязаны были представлять два доклада по своим научным темам с социологическими разработками²¹. Работа над докладами проходила в двух направлениях. Во-первых, по «теоретическим вопросам в плане приложения метода исторического материализма к принципиальным проблемам искусствознания и археологии» и, во-вторых, предпринималось «социологическое истолкование отдельных исторических явлений в области искусства и материальной культуры»²². Для решения второго вопроса каждый автор выбирал близкий ему археологический материал, на котором и демонстрировал «социологическое истолкование отдельных исторических явлений», а первая часть, общетеоретическая, мировоззренческая, формировалась,

¹⁷ Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа. — Труды секции теории и методологии РАНИОН, 1928, т. 2, с. 33.

¹⁸ Викторова В. Д. Археологическая теория в трудах В. А. Городцова. — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 7.

¹⁹ Труды социологической секции РАНИОН, 1927, т. 1, с. 3.

²⁰ Луначарский А. Фриче — искусствовед. — Вестник Коммунистической академии, 1929, кн. 35—36. с. 3—10; Нусинов И. Жизненный путь В. М. Фриче. — Там же, с. 24—37.

²¹ Обзор деятельности социологической секции научно-исследовательского института А. и И. — Труды социологической секции РАНИОН, 1927, т. 1, с. 148.

²² Там же.

по-видимому, в результате устных дискуссий, в некую общую «платформу». Уже в 1924/1925 учебном году на секции был заслушан доклад А. Я. Брюсова «Социологическая история жилища»²³, а следующем 1925/1926 году доклады А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий»²⁴, С. Г. Матвеева «Социологический очерк Боспорского государства по данным археологии» и М. М. Кобылиной «Греческий город».

В последующие годы круг докладчиков значительно расширился²⁵. В 1926/1927 гг. на секции выступали П. А. Дмитриев («Археология и социология») и А. Ф. Дубинин («Социальные основы Владимиро-Суздальского зодчества»). Три, по-видимому, наиболее значительных доклада А. Я. Брюсова²⁶, С. В. Киселева²⁷ и А. П. Смирнова²⁸, содержавших теоретико-методологические разработки, были опубликованы в сборнике, издаваемом секцией. Публикации докладов молодых аспирантов, несомненно, были признанием их достижений. В то же время в сборниках Секции археологии²⁹, выходящих в то же время под редакцией В. А. Городцова, публиковались сугубо археологические статьи, написанные в традиционном вещеведческом стиле, и лишь в статьях А. В. Арциховского³⁰ и А. Я. Брюсова³¹ к публикациям материалов из конкретных памятников были сделаны небольшие экскурсы в область освещения хозяйства и социальной структуры. Лишь в последнем сборнике секции Археологии РАНИОН помещены статьи, посвященные вопросам развития техники в различных хозяйственных сферах древнего населения³².

В эти годы группа наиболее активных молодых московских археологов — А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, С. В. Киселев и А. П. Смирнов — «тогдашние аспиранты и тогдашние студенты, — как они сами писали позднее, — делали первые попытки построения так называемой марксистской археологии»³³. В темах, взятых для

²³ Брюсов А. Я. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926, с. 127.

²⁴ Арциховский А. В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. — Труды социологической секции РАНИОН, 1927, т. 1, с. 123—135.

²⁵ Фриче В. М. Предисловие. — Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН, 1928, т. 2, с. 3—5.

²⁶ Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа, с. 9—34.

²⁷ Киселев С. В. Поселение. Социологический очерк. — Там же, с. 35—68.

²⁸ Смирнов А. П. Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв. нашей эры. — Там же, с. 69—90.

²⁹ Труды секции археологии РАНИОН, 1926, т. 1; 1928, т. 2, 3; 1928, т. 4.

³⁰ Арциховский А. В. Бородинское городище. — Труды секции археологии РАНИОН, 1928, т. 2, с. 81—87.

³¹ Брюсов А. Я. Федоровская стоянка. — Там же, с. 26—32.

³² Техника обработки камня и металла. — Труды секции археологии РАНИОН, 1930, т. 5. Критика содержания сборника дана у И. В. Равдоникаса в статье «О применении метода диалектического материализма...», с. 27—32.

³³ Арциховский А. В., Киселев О. В., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии». — СГАИМК, 1932, № 1-2, с. 46—48; Брюсов А. Я. Письмо в редакцию. — Там же, с. 76.

научной работы, сторонники «нового археологического направления», как иногда называли эту группу³⁴, пытались применить в исследовании метод исторического материализма. Кроме того, они активно выступали с докладами, участвовали в спорах, отстаивая свои позиции и призывали к организации большой методологической дискуссии.

Весной 1929 г. в Москве состоялся диспут между сторонниками «нового археологического направления» и палеоэтнологами, группировавшимися в основном в Московском университете на кафедре антропологии вокруг Б. С. Жукова. К сожалению, ход и содержание этой дискуссии пока не удалось восстановить, особенно выступления палеоэтнологов³⁵.

4 ноября 1929 г. А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов и С. В. Киселев выступили в Москве на заседании социологической секции Общества историков-марксистов с докладом «Новые методы в археологии»³⁶. В прениях их поддержал также П. А. Дмитриев. В обсуждении доклада выступали Никольский, Аптекарь, Дмитриев-Кельда и Кушнир, сделавшие ряд существенных замечаний по выдвинутым авторами положениям. По-видимому, сторонники «нового археологического направления» находились еще под впечатлением дискуссии с палеоэтнологами, поэтому основное внимание уделили в выступлении вопросу о том, что археология может быть самостоятельной наукой, «не зависимой» от истории, палеоэтнологии и этнологических концепций. А. Я. Брюсов пытался доказать, что археология, используя только свои средства, может восстановить социальную структуру и различные верования. В выступлении Кушнира было отмечено, что взгляды Брюсова — очень большая ошибка чисто методологического характера, так как история, археология и этнография — это только частицы большой исторической науки, которые различаются методами группировки исторического материала, и эти науки нельзя резко отделять друг от друга, они взаимно дополняют создание общесторической картины³⁷. К сожалению, основная тема — применение нового «метода восхождения» и социологические основы исследования археологических источников — остались почти вне внимания. Но в целом этот опыт весьма примечателен и поучителен, поэтому необходимо его проанализировать более детально.

Что же касается «марксистской археологии», то в данном случае многими это было воспринято как противопоставление официально принятому термину «история материальной культуры» и подверг-

³⁴ Мещанинов И. И. Теория миграций и археология.— СГАИМК, 1931, № 9-10, с. 39.

³⁵ Арциховский А. В. Новые методы археологии.— Историк-марксист, 1929, т. 14, с. 139—140, 151.

³⁶ Там же, с. 136—155; Арциховский А. В. Новые методы в археологии.— Вестник Коммунистической академии, 1929, № 35—36, с. 322—325.

³⁷ Арциховский А. В. Новые методы археологии., с. 141—143.

лось суровой критике, в которой были отмечены и недостатки в теоретических построениях, естественно, имевшие место в первых работах подобного типа. Все это привело к тому, что авторы «марксистской археологии» опубликовали письмо с самокритикой своих ошибок и отказом от некоторых положений, выдвинутых ранее. В частности, они писали: «При диалектико-материалистическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная и даже вспомогательная наука. Она подлежит упразднению...»³⁸. В этой статье молодые археологи, к сожалению, увлекаясь самокритикой, а возможно, и еще недостаточно осознавая свои позиции, не попытались даже отстаивать основные принципы социологического подхода к анализу археологических источников, выдвинутых ими ранее в своих методологических конструкциях.

Конкретные опыты «социологических истолкований отдельных исторических явлений», естественно, являлись частными вопросами и заслуживают рассмотрения при анализе специальной методики реконструкции отдельных отраслей деятельности по археологическим материалам. Что же касается общей «платформы» (такого термина у авторов не было!) «марксистской археологии», то она довольно интересна.

Сторонники «нового археологического направления» сознавали, что подойти к марксистскому пониманию исторического процесса можно только через понятие общественно-экономической формации. Именно эта проблема наиболее остро дебатировалась в исторической науке в конце 20-х годов³⁹, и надо полагать, что под прямым воздействием этих дискуссий формировалась теоретико-методологическая концепция «нового археологического направления».

«Археология имеет право на существование только лишь в том случае,— декларировали молодые археологи,— если ее задачей является восстановление по памятникам материальной культуры общественно-экономических формаций»⁴⁰. Археология должна разрабатывать материал для социологических обобщений. В связи с этим возникла главная задача — показать существование и содержание общественно-экономических формаций на конкретном археологическом материале для первобытной и раннеклассовой формаций. Разработки А. Я. Брюсова и С. В. Киселева были посвящены в основном проблемам первобытной формации, а А. В. Арциховского и А. П. Смирнова — раннеклассовым. Исходным материалом для исследования должны быть прежде всего орудия труда или остатки хозяйственного быта, находящиеся в прямой зависимости от них. Показательна в этом аспекте подборка материала: у А. Я. Брюсова — это широкий комплекс хозяйственных орудий труда и других изделий каменной индустрии, отражающие в основном ранний этап первобытности, а у С. В. Киселева только харак-

³⁸ Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Указ. соч., с. 48.

³⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4, с. 165 и сл.

⁴⁰ Арциховский А. В. Новые методы археологии... с. 137.

тер поселений и жилищ, которые, естественно, более показательны для позднейших эпох. А. В. Арциховский сужает тему до анализа одной категории орудий труда — земледельческих, а В. П. Смирнов берет опять весь спектр производственной деятельности для заключительной фазы первобытной формации и перехода к классовому обществу. При этом авторы считали, что археология накопила уже такое количество материала и настолько усовершенствовала методы полевых работ, что вполне может решать задачи социологического обобщения. Сделать такие обобщения можно на основании того, что среди археологических источников накопилось большое количество орудий труда и остатков, связанных с хозяйственным бытом и производственной деятельностью ⁴¹.

Основные теоретические принципы, на которые опирались сторонники «нового археологического направления», можно свести к следующему: 1) согласно марксистской диалектике, все явления объективного мира взаимосвязаны и взаимообусловлены, в том числе явления социальной жизни; 2) основной движущей силой исторического прогресса являются производительные силы общества ⁴²; 3) отсюда следует, что эволюция производительных сил обуславливает все остальные стороны общественной жизни.

Исходя из этих посылок сторонники «нового археологического направления» и выдвигают исследовательские тезисы — от базиса к надстройке ⁴³, от орудий производства к производственным отношениям ⁴⁴. Они считали, что рассмотрение «всякого общественного строя необходимо начинать с его основы, с его экономики» ⁴⁵. Изучение эволюции производительных сил «является основным для материалистического анализа общественных форм» ⁴⁶.

Общесоциологическая посылка концепции сторонников «нового археологического направления» была в принципе совершенно верной — экономика, производительные силы, несомненно, образуют тот фундамент, на котором развивается все здание общественной жизни. Но когда исследователи шли дальше по пути раскрытия, конкретизации общесоциологических категорий, то совершили ряд ошибок, основная из которых состояла в том, что категории «экономика» и «производительные силы» сводили в основном к орудиям труда.

Конкретно-научные концепции сторонников «нового археологического направления» формировались под влиянием идей В. А. Городцова, содержащих целый ряд элементов, близких марксистским. Приведем в качестве примера тезис В. А. Городцова, сыгравший не последнюю роль в формировании всей концепции участников плат-

⁴¹ Арциховский А. В. Новые методы археологии.

⁴² Арциховский А. В. Социологическое значение..., с. 124.

⁴³ Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций..., с. 11.

⁴⁴ Арциховский А. В. Социологическое значение..., с. 124.

⁴⁵ Смирнов А. П. Социально-экономический строй..., с. 72.

⁴⁶ Арциховский А. В. Социологическое значение..., с. 124.

формы. «Одну из видных ролей в развитии человеческой культуры всегда играли орудия труда. Совершенство их сначала способствует увеличению материальных средств, а затем и развитию духовных сил». Или еще один более пространственный тезис: «Орудия труда являются настоящими рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед, к большему совершенству. Чем разумнее соображены рычаги, тем выше поднимается культура. Отсюда можно сделать вывод, что улучшение форм орудий труда позднего времени является положительным признаком улучшения всего быта, улучшения в приготовлении жилищ, одежды и пищи, а все это вместе связывается с усовершенствованием разума и культивированием всей духовной деятельности вообще»⁴⁷. Эта концепция и оказала решающее влияние на формирования представления о том, что только орудия труда и являются производительными силами!

На основе этого положения сторонники «нового археологического направления» стали утверждать, что археология как наука уже давно базируется не только на материализме, но уже и на марксизме! «Археолог, имея все время дело с орудиями производства прежних культур, сознательно или бессознательно делается материалистом», — утверждал В. А. Арциховский⁴⁸. «Археология была и есть по существу и методам марксистской наукой. Почти все археологи невольно были принуждены исходить в конечном счете из производительных сил, от орудий труда, — вторил ему А. Я. Брюсов, идя еще дальше в оценке всей современной археологии, — От базиса к надстройке — всегда было бессознательным лозунгом археологов»⁴⁹. Эти декларативные выступления, когда желаемое выдавали за действительное, получили достаточно резкую критическую отповедь со стороны В. И. Равдоникаса, который совершенно правильно отмечал, что на данном этапе развития задача состоит в том, чтобы дать углубленный критический разбор всех концепций старой археологии, а не заниматься ее оправданием⁵⁰. А что касается орудий труда, то «старая археология изучала орудия не преимущественно, а лишь постольку они входят в состав вещей вообще. Правильнее сказать: старая археология изучала вещи, а не орудия труда. И мы знаем, что если не говорить о периоде камня, от которого археологам достались почти исключительно орудия труда, как раз менее всего изучены, даже формально, именно орудия труда. Мы много знаем о скифском золоте, но что мы знаем о производстве скифов, о скифских орудиях труда?»⁵¹.

⁴⁷ *Городцов В. А.* Археология, т. 1. Каменный век. М., 1923, с. 147—148. Последний тезис С. В. Киселев использовал в качестве эпиграфа к своей статье о поселениях.

⁴⁸ *Арциховский А. В.* Социологическое значение..., с. 124.

⁴⁹ *Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций..., с. 11—12.

⁵⁰ *Равдоникас В. И.* О применении метода диалектического материализма..., с. 6—7.

⁵¹ Там же, с. 8.

Рассматривая роль орудий труда в системе общественного производства и структуры общества, сторонники «нового археологического направления» исходили, несомненно, также из известного положения К. Маркса: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. В числе самих средств труда механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства гораздо больше, чем такие средства труда, которые служат только для хранения предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства...»⁵².

Но наряду с этим на сторонников «нового археологического направления» оказали большое влияние также бухаринские идеи о том, что орудия являются основными и определяющими производительными силами, и механистическая концепция о том, что в общественной структуре «первичным элементом являются средства производства», — концепция, которая позволяла, по мнению самих сторонников «нового археологического направления», «инкорпорировать в марксистское обществоведение если не всю старую археологию, то по крайней мере стройные по внешности узоры буржуазных формалистических построений». Эти концепции привели «к непосредственному перескакиванию от орудий труда к производственным отношениям, минуя работающих людей»⁵³, общей переоценке возможностей анализа только орудий труда без привлечения других факторов общественного развития. Здесь сторонники «нового археологического направления» находились под сильным влиянием механицистов, которые сводили производительные силы к совокупности средств производства, а иногда и просто к технике. У Н. Бухарина это вообще техническая категория.

Эта позиция достаточно хорошо видна по высказываниям самих участников «нового археологического направления»: у А. П. Смирнова, когда он утверждает, что экономика «определяется в конечном

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191. См. об использовании этих мест из соч. К. Маркса; Арциховский А. В. Социологическое значение... с. 124; Смирнов А. П. Социально-экономический строй..., с. 69; Киселев С. В. Поселение..., с. 35.

⁵³ Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Указ. соч., с. 47. Во второй половине 20-х годов в социологической литературе развернулась дискуссия о понимании общественных производительных сил. См.: Чагин Б. А. Очерки истории социологической мысли в СССР..., с. 118—127. Здесь же о позиции Н. Бухарина, с. 87.

счете орудиями труда»⁵⁴, у А. Я. Брюсова в тезисе: «Восхождение от орудий труда и вообще от материальных памятников к общественно-экономическим формациям»⁵⁵. Следует иметь в виду, что лишь включение в состав производительных сил человека делает их общественными, а производительные силы не технической категорией, а социологической⁵⁶. В. И. Равдоникас писал по поводу конкретных построений В. А. Арциховского: «Производственные отношения прямо и непосредственно выводятся даже не из уровня развития техники, а из орудий труда»⁵⁷. Красноречиво об этом свидетельствуют заявления самого автора: «Единственным методом социологических обобщений,— писал В. А. Арциховский,— которым работают современные археологи, есть метод восхождения от орудий производства к производственным отношениям и от производственных отношений к гражданскому быту, т. е. именно метод исторического материализма»⁵⁸. В этом высказывании В. А. Арциховский пытался, по-видимому, соединить два известных положения В. И. Ленина: первое относительно того, что марксизм показал, «что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»⁵⁹,— с другим, представляющим не меньший интерес для рассматриваемого вопроса. «Марксизм указал путь,— писал В. И. Ленин,— к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»⁶⁰.

Но именно эта сторона — «совокупность всех противоречивых тенденций», учет не только одних орудий труда — и оказалось наиболее слабым местом в концепции сторонников «нового археологического направления», которая подверглась всесторонней критике. Уже на дискуссии в Обществе историков-марксистов П. Кушнир в своем выступлении указал на слишком упрощенное толкование категории «общественная формация». «Общественно-экономическая формация — это не одни только орудия труда, это вовсе не методы,

⁵⁴ Смирнов А. П. Социально-экономический строй..., с. 72.

⁵⁵ Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций..., с. 14.

⁵⁶ Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм..., с. 345.

⁵⁷ Равдоникас В. И. О применении метода диалектического материализма..., с. 12.

⁵⁸ Арциховский А. В. Социологическое значение..., с. 124.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57—58.

при помощи которых человек работает, это даже не производительные силы в целом,— это более широкое понятие. Это — производственные отношения, и то, что мы называем гражданским обществом, и то, что мы называем идеологией»⁶¹.

Сторонники «нового археологического направления» попытались не только очертить круг конкретных задач, которые необходимо выяснить в археологическом материале для реконструкции общественно-экономической формации⁶², но и построить по этому принципу свои конкретные исследования. Среди этих задач первостепенное значение отводилось анализу характера поселений (постоянные или временные), жилищам и их конструктивно-планировочному решению, характеру состава и соотношения орудий труда, их распределению по функциональным категориям, выделению «инородных» вещей, определению степени влияния географических факторов на развитие экономики и даже такие показатели, как характер гибели поселения (в результате пожара или постепенно заброшено). Все это позволяло выйти на реконструкцию социальной организации и дать характеристику общественно-экономической формации данного конкретного общества.

Критику вызвало также увлечение молодых археологов многими модернистскими идеями и терминами, например: валовой доход, прибыль, мировое хозяйство, борьба за рынки сбыта, промышленные городки и т. д.— для эпохи первобытного и рабовладельческого обществ.

Наконец, необходимо рассмотреть «метод восхождения», который по мнению группы «нового археологического направления» должен был обеспечить выполнение социологических обобщений — главной задачи, поставленной перед археологами.

Сам термин метод восхождения был, по-видимому, заимствован из работ К. Маркса, который, говоря о путях нашего познания, писал: «...метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»⁶³. Встречается этот термин и в некоторых работах историков 20-х годов. Так, А. М. Тюменев, анализируя сравнительно-исторический метод в историко-социологических исследованиях, выделяет два основных пути его применения. Один из них — индуктивный, это путь восхождения «от выявления частных причин и следствий к причинам более общего характера, выделения индивидуальных и более общих черт в жизни отдельных народов»⁶⁴.

⁶¹ Выступление П. Кушнира, см.: *Арциховский А. В.* Новые методы археологии., с. 142.

⁶² Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций..., с. 25—32.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727.

⁶⁴ Тюменев А. М. Существовал ли капитализм в Древней Греции? Опыт сравнительного исторического исследования. М., 1923, с. 7.

Метод восхождения, использовавшийся группой «нового археологического направления», не был методом в узком понимании, а скорее являлся общенаучным принципом исследования археологического материала с позиций исторического материализма. Как известно, группа считала главной задачей археологии социологические обобщения и реконструкции общественно-экономических формаций обществ прошлого. Это можно было, по мнению сторонников «нового археологического направления», осуществить методами восхождения от орудий производства к производственным отношениям и от производственных отношений к гражданскому быту⁶⁵. В основу этой концепции сторонники «нового археологического направления» положили следующие слова К. Маркса: «Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса,— не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»⁶⁶.

Орудия труда, сохранившиеся в археологических материалах, сторонники «нового археологического направления» воспринимали как производительные силы (об ошибочности такого толкования см. выше), от которых можно было «восходить к системе производственных отношений». Это должно было дополняться другим «археологическим материалом, относящимся непосредственно к производственным отношениям. Сюда относятся, например, типы поселений, т. е. рефугиум, город, деревня, усадьба, заимка, промысловая стоянка, лагерь; типы жилищ: так называемых малых и больших семей, родовые жилища, жилища-мастерские, дворцы, места общественных собраний; типы погребений: индивидуальные, семейные, родовые, княжеские, купеческие, военные и т. д. Затем сравнение инвентаря отдельных жилищ, погребений; иностранные товары и пути их распространения; распространение предметов роскоши, дифференциация и развитие типов оружия. Часто наблюдаем явление самбиоза двух культур — господствующей и подчиненной. Даже для идеологии мы можем прямыми указаниями проверить данные восхождения от базиса. Сюда относятся храмы, ритуальные места, погребальные обряды, памятники искусства, памятники культа»⁶⁷.

Следует заметить, что в случае восхождения от производительных сил (или орудий труда) к производственным отношениям авторы метода восхождения практически не дают никаких указаний на то,

⁶⁵ Арциховский А. В. Социологическое значение.., с. 124.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.

⁶⁷ Арциховский А. В. Новые методы археологии.., с. 138.

каким способом должно совершаться это «восхождение». А когда речь идет о дополняющих археологических материалах, то в большинстве случаев перечисляется опять-таки уже готовая социологическая интерпретация археологических источников типа — родовое жилище, княжеское погребение и т. д. Но ведь задача как раз и состояла в том, чтобы указать методы социологической интерпретации археологических материалов, а их у авторов метода восхождения и не оказалось.

Общенаучный принцип подхода к анализу археологических источников, который был назван «методом восхождения», кроме уже перечисленного движения от производительных сил к производственным отношениям, предусматривал следующие конкретные установки:

1. За основу в исследовании необходимо брать «технику достаточно широких общественных групп, а не технику одного или нескольких совершенно однородных пунктов, часто неправильно определяемых термином «культура»⁶⁸. В современной терминологии это означает, что в основу исследования технологии следует положить памятники не одной археологической культуры, а больших культурно-хозяйственных зон.

2. Место развития техники такой зоны следует определять в общем ряду развития техники всего человечества, т. е. прежде всего найти, к какой ступени общечеловеческого, формационного развития она относится.

3. Следует обращать особое внимание на изучение «своеобразия окружающей среды, поскольку, конечно, на эту сферу человек может воздействовать при данном уровне производительных сил»⁶⁹.

4. Культуры должны изучаться не изолированно, а во взаимодействии, что даст возможность их хронологизации и синхронизации.

Несомненно, что в качестве общей стратегии подхода к исследованию археологического материала с точки зрения материалистического понимания процесса большинство установок «метода восхождения» были вполне приемлемыми, но они были не только нечетко сформулированы, но и настолько общими, что очень мало давали для практической работы археологов на начальном этапе изучения источников.

И все же в концепции сторонников «нового археологического направления» была одна, несомненно, положительная идея, которую в пылу дискуссий тех лет пропустили не только критики, но, кажется, и сами ее авторы. Если рассмотреть структуру всех работ этой группы археологов, то несомненно, у них есть одна общая черта, которая сводится к следующему. Опираясь на теорию развития первобытной и раннеклассовой формации в том виде, как она трактуется в социологии, т. е. на уровне общесоциологических

⁶⁸ Арциховский А. В. Новые методы археологии., с. 138.

⁶⁹ Там же, с. 139.

закономерностей, авторы пытались разместить в «возникновении и развитии» определенные археологические комплексы, используя «метод восхождения» именно в том духе, как о нем писал К. Маркс, двигаясь в познании «от абстрактного к конкретному». Для выполнения такой задачи требовался широкий хронологический и территориальный диапазон в исследовании с привлечением обширных и достаточно хорошо известных археологических комплексов. При сравнении подобных комплексов становится вполне очевидным как их хронологическое, так и социально-историческое соотношение. Действительно, А. Я. Брюсов анализирует культуры неолитического типа на предмет их формационной характеристики, используя материалы как Западной, так и Восточной Европы⁷⁰. Автор дает обзор инвентаря, выделенного в отдельные группы по «производственному признаку». А. Я. Брюсов считает, что для характеристики их хронологической типологии недостаточно, ее необходимо дополнить и скорректировать исследованиями по общественно-экономической формации. Для этого производится сравнительный анализ поселений (постоянные или временные), функций орудий труда, культурных связей и торговли. Широкие взгляды автора, привлечение большого материала позволяют спроецировать археологические комплексы на общественно-экономический каркас первобытной формации и с большей долей достоверности разместить исследуемый материал в общей системе исторического развития.

Аналогичный анализ предпринят А. П. Смирновым⁷¹, который, однако, более ограничен по масштабу, — он использует в основном материалы из поселений IX—XIII вв., исследованных в 1926 г. городищ Сабанчи-Кар (раскопки С. Г. Матвеева) и Донды-Кар (раскопки А. П. Смирнова), привлекая также богатые материалы из Верхнего Прикамья. Следует отметить, что этими раскопками было положено начало широкому целенаправленному исследованию поселений и изучению хозяйственной структуры древнего населения. В целом, однако, проблема эта разработана у А. П. Смирнова и менее оригинально и слабее аргументирована по привлекаемым источникам, которые, кстати, автор не сумел синтезировать и выйти на социальные отношения изучаемого общества.

С. В. Киселев анализирует эволюцию жилищ исходя из тезиса о том, что хозяйственный быт отражается на изменении характера и формы поселений вне зависимости от хронологических и этнографических границ. Единство типа поселений, по мнению С. В. Киселева, «может быть найдено лишь на основе сходства хозяйственной базы и вытекающей из ее строения общественной структуры»⁷². Автор использует большое количество археологических материалов Восточной и Западной Европы и ведет описание от палеолитических стоянок вплоть до раннефеодальных поселений начала II ты-

⁷⁰ Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций...

⁷¹ Смирнов А. П. Социально-экономический строй...

⁷² Киселев С. В. Поселения..., с. 36.

сячетлетия н. э. Подобный широкий охват и позволяет ему показать известную динамику и наложить археологические материалы на социальную структуру первобытной формации.

А. В. Арциховский, рассматривая эволюцию форм земледельческих орудий труда с древнейших времен до Римской империи, увязывает ее с ростом производительности труда и изменением социальных отношений. По мнению А. В. Арциховского, «изучение этой эволюции является основным для материалистического анализа общественных форм»⁷³. В этом тезисе сформулирован методологический подход сторонников «нового направления» — эволюция форм материальной культуры (орудия труда) отражает эволюцию системы общественных отношений — развитие общественно-экономической формации.

Безусловно, известная схематизация, модернизация и упрощенчество в этой схеме есть, но не будем очень строги — сторонники «нового археологического направления» были не только еще начинающими археологами, но и начинающими марксистами, а в возможности использования археологического материала для освещения прошлого не только сомневались, но и не верили. Так, один из бывших «экономистов», продолжавший активно выступать в печати еще в первые годы советской власти, — К. М. Тахтарев писал, например: «Первобытное человеческое общество, поскольку мы ограничиваемся данными археологии, остается для нас областью совершенно неразрешимых загадок. Остатки его материальной культуры не говорят нам ничего ни об его общественной организации, ни о формах семьи, ни о формах власти»⁷⁴.

Подобные мнения были широко распространены не только среди дилетантов в археологии, но и самих археологов, особенно старой школы, и с этим нельзя было не считаться. Молодые представители «марксистской археологии» сделали первый шаг, чтобы опровергнуть эти мнения и утвердить археологию как историческую науку.

Но этим отнюдь не ограничился их вклад в науку. Любой археологический комплекс, прежде чем быть включенным в систему познания, должен пройти предварительное диагностирование — определение во времени и пространстве. Обычно это производится в первом ориентировочном приближении, но именно это позволяет ограничить круг используемых в дальнейшем сравнительных аналогий. В старой археологии это «ориентирование комплекса» ограничивалось определением культурной принадлежности. Метод соотнесения комплексов со структурой формационного развития позволил ввести еще один «определитель» — социально-экономический. Теперь комплекс в таком же предварительном плане попадал в определенный круг социально-экономических сопоставлений, что, безусловно, давало весьма продуктивные результаты при исследовании.

⁷³ Арциховский А. В. Социологическое значение эволюции., с. 124.

⁷⁴ Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Л., 1924, ч. 1, с. 93.

Но, пожалуй, еще большее значение этот подход приобрел на заключительной стадии исследования.

Соотнесение результатов исследования того или иного археологического комплекса с общей картиной структуры общественно-экономической формации позволяет надежно корректировать все частные конкретно-исторические выводы по реконструкции таких конкретных обществ в соответствии с законами формационного и общественного развития. Это и является высшим, наиболее объективным критерием оценки результатов археологического исследования — конкретно-научного материала — археологических памятников любых категорий.

* * *

Итак, теперь, по прошествии полувека — времени, когда советская археология уже прошла этап своего первоначального становления, — оценивая попытки, предпринятые группой молодых советских археологов в борьбе за внедрение марксистских методов в археологии, мы можем с полным основанием сказать, что это были первые шаги в применении принципов исторического материализма в археологических исследованиях. Эти шаги означали коренную перестройку археологии как науки, перестройку ее на совершенно новых теоретических и методологических принципах, в основе которых лежит марксистское материалистическое понимание процесса социально-исторического развития, получившее свое наиболее законченное выражение в учении об общественно-экономических формациях как естественно-историческом процессе. Учение об общественно-экономических формациях легло в основу научно-мировоззренческих позиций советской исторической науки, в том числе археологической науки как ее органической составной части.

Выступление группы молодых археологов «нового археологического направления» не привело в те годы к общему повороту советской археологии в направлении историзации проблематики и широкого внедрения марксистских теоретико-методологических принципов в исследовательской практике. Такой поворот был совершен позднее, после большой дискуссии в начале 30-х годов. Но несомненно, что первые выступления группы «нового археологического направления» следует расценивать как положительный вклад в развитие советской археологии, содействовавший внедрению новых теоретических и методологических основ в исследования древних обществ на основе археологических источников.

Основная идея группы «нового археологического направления» о том, что весь облик материальной культуры, всей общественной структуры в конечном итоге зависит от развития экономики, материального производства, несомненно, была верна и позволила наметить пути анализа археологических источников, хотя в своих конкретных исследованиях молодые археологи и допускали ряд теоретико-методологических ошибок.

В научном методологическом аспекте развития археологического знания подход, осуществленный группой «нового археологического направления», позволил наметить ряд новых путей исследования археологических источников. В частности, исходным отправным пунктом для определения уровня развития конкретно-исторического общества должно стать изучение материальных остатков, наиболее тесно связанных с категорией производительных сил. Главной задачей археологических исследований следует считать социологический анализ источников и реконструирование общественной структуры, восстановление общественно-экономической формации данного конкретного общества.

Подобный анализ позволил выработать новый подход к археологическим комплексам на начальном этапе исследования — ориентировать их не только в конкретном культурно-хронологическом, но и общественно-экономическом, формационном плане. А на завершающем этапе соотнесение результатов реконструкции конкретного общества с общей структурой общественно-экономической формации, к которой принадлежит это общество, дает объективный критерий оценки правильности реконструкции общественной структуры и определения его места в системе исторического развития.

Ю. В. ПАВЛЕНКО

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ А. ДЖ. ТОЙНБИ

Тема предлагаемой статьи — критический анализ концепции зарождения цивилизации известного английского историка и философа Арнольда Дж. Тойнби, взгляды которого получили широкое распространение в 30—40-х годах нашего столетия и до сих пор не утратили своего значения в странах Запада. Но в полной мере понять теорию того или иного мыслителя можно лишь в контексте современной ему социальной и духовной среды, в данном случае — идейной атмосферы Западной Европы в период между двумя мировыми войнами. Поэтому прежде чем приступим к рассмотрению основной темы, коротко остановимся на некоторых специфических особенностях интеллектуальной атмосферы буржуазного мира первой половины XX в., оказавшей прямое воздействие на творчество А. Дж. Тойнби.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, европейская интеллигенция все более остро начинала ощущать шаткость и неустойчивость буржуазной цивилизации. Это отразилось уже в творчестве Ницше и Достоевского, поэтике декаданса, расцвете символизма и родственных ему литературных течений, в исканиях модернистской живописи, в растущей популярности учений Шопенгауэра и Кьеркегора, Бергсона и Джемса, Зиммеля и Дильтея.

Катастрофа разразилась в 1914 г. «Квасной патриотизм» и индивидуализм, возведенные в жизненный принцип; пессимизм, разоча-

рование в зримом мире и судорожные поиски иррациональной сверхреальности; гигантские промышленные концерны; гниющие в окопах миллионные армии; полное обесценивание прежних либеральных идеалов и развал экономики, голод и волна революционных выступлений, прокотившаяся по измученной четырехлетней войной в Европе. Все это наводило многих интеллигентов на мысль об абсурдности и обреченности истории.

В первой четверти XX в. буржуазное общество полностью теряет свой былой оптимизм и веру в прогресс. Альберт Швейцер писал в те годы: «Сейчас уже для всех очевидно, что самоуничтожение культуры идет полным ходом. Даже то, что еще уцелело от нее, ненадежно»¹. Все большее влияние приобретают антипрогрессивные идеи Ф. Ницше. «Человечество, — писал он, — не представляет собой развитие к лучшему, или сильнейшему, или высшему... «Прогресс» — только современная идея, т. е. ложная идея»². Но наиболее продуманно и «теоретично» это чувство обреченности и упадничества выразил Освальд Шпенглер в «Закате Европы» — книге, ознаменовавшей решающий поворот буржуазного сознания к пессимистическим оценкам собственного будущего.

Уже во вступлении О. Шпенглер декларирует свое философско-историческое кредо: «Я называю эту привычную для западных европейцев схему, согласно которой все высокие культуры совершают свои пути вокруг нас как предполагаемого центра мирового процесса, птолемеевой системой истории и противопоставляю ей в качестве коперниковой открытой в области истории изложенную в настоящей книге... новую систему, согласно которой не только Античность и Западная Европа, но также Индия, Вавилон, Китай, Египет, Арабская культура и культура Майя рассматриваются как меняющиеся проявления и выражения единой, находящейся в центре всей жизни, и ни одно из них не занимает преимущественного положения: все это отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории»³.

«Глубинный срез» любой из этих культур можно, согласно О. Шпенглеру, представить следующим образом. Действительность четко делится на трансцендентное бытие, которое трактуется вслед за Шопенгауэром и Ницше как воля или жизнь, проявляющаяся в образах зримого, феноменального мира. В лоне этой всеобъемлющей жизни непостижимым способом зарождается «душа культуры» — ее «пра-феномен», порождающий определенные символы, которые, пребывая в бессознательной сфере человеческой психики, обуславливают специфику мироощущения и мировосприятия. Этим же обус-

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, с. 34.

² Ницше Фр. Антихрист. Спб., 1907, с. 7.

³ Шпенглер О. Закат Европы. М. — Пг., 1923, с. 16. Следует добавить, что О. Шпенглер не был так оригинален, как того бы хотел. Не говоря уже о его более ранних предшественниках (ИБН-Халдуне, Вико), в России Н. Я. Данилевский несколькими десятилетиями ранее обосновывал аналогичные идеи. См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 3-е Изд. Спб., 1895.

ловливается и культура как «видимость», «оболочка» «пра-феномена», пронизывающая все сферы человеческой деятельности.

Сравнивая исторические судьбы выделенных им восьми культур, О. Шпенглер отмечает, что каждая из них «переживает возраст отдельного человека». «У каждой культуры имеется свое детство, юность, возмужалость и старость»⁴. О. Шпенглер выделяет пять основных этапов в жизни культур.

I. Зарождение. Культура зарождается внезапно, из неясных глубинных брожений и процессов, в момент, когда трансцендентный «пра-феномен» оформляется в реализуемый культурой «пра-символ», проявляющийся на первых порах в мифологии и орнаменте. II. Рост, процесс становления, формирования и подъема культуры, ее саморазвитие как свободная реализация «пра-символа» во всех сферах человеческой деятельности. III. Расцвет. Он наступает, когда культура достигает зрелости — максимального раскрытия своих внутренних потенций. Но с этого момента ее глубины исчерпываются, и она переходит от созидания к расширению. IV. Упадок. Эта стадия символизируется переростанием культуры в городскую цивилизацию. «Огонь души угасает», и начинается эпоха экспансии, империализма и захватнических войн. Цивилизация не творит ничего нового и возвышенного, но лишь стремится к внешним приобретениям. Такое общество обречено, внутренне мертво. V. Гибель. Она может быть либо физической (Античность), либо же полнейшим застоём, окостенением (Китай). Творческие потенции исчерпаны, и цивилизация стоит как сухое дерево. К последнему, как полагал О. Шпенглер и многие его современники, и приближается Запад. Как писал по поводу «Заката Европы» Г. Риккерт, «воля к жизни» у автора... волит только одно: конец!»⁵.

Однако далеко не все западные либералы могли смириться с неизбежностью «заката Европы», надвигающейся катастрофы, которая рисовалась их воображению в виде уничтожения культуры как таковой. Одним из таких мыслителей и был английский историк и философ Арнольд Дж. Тойнби, попытавшийся разработать оптимистическую, по мере возможности, модель исторического процесса. Его капитальный труд «Изучение истории» имел огромный успех не только в Европе и англоязычном Новом Свете (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), но и во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки (Индия, Турция, Египет, Бразилия, Мексика и т. д.).

Со второй половины 50-х годов концепция А. Тойнби привлекает внимание и советских исследователей, подвергших критике философско-историческую модель английского ученого в целом⁶,

⁴ Шпенглер О. Указ. соч., с. 114.

⁵ Риккерт Г. Философия жизни. Пг., 1922, с. 34.

⁶ См.: Араб-Оглы Э. А. К критике культурно-исторической концепции Арнольда Тойнби.— Вестник истории мировой культуры, 1957, № 4; Померанец Т. С. Концепция философии истории А. Тойнби.— В кн.: Современная буржуазная философия истории. М., 1965; Чесноков Г. Д. Проблема цивилизации

так и ее конкретно-исторические аспекты⁷. В результате марксистские критики, отметив несомненное проблемное богатство исследований А. Тойнби, квалифицировали его социальную позицию как позицию либерально-буржуазного мыслителя; показали идеалистические и утопические основы его культурно-исторического мышления; поставили обращение А. Тойнби к циклическим моделям истории в прямую связь с той общей кризисной ситуацией, которую переживает в XX в. капиталистический мир, обнаружили большое количество концептуальных и фактологических неточностей в его трудах.

В 1976 г., в год смерти английского исследователя, вышла монография Е. Б. Рашковского, посвященная анализу востоковедной проблематики в работах А. Тойнби⁸. Однако, по существу, названное исследование затрагивает гораздо более широкий круг проблем. В первых трех главах автор не только рассматривает становление А. Тойнби как историка-теоретика, но и стремится: а) определить его место в контексте развития мировой философии истории; б) проследить как истоки тойнбианских идей (и показать их родство со взглядами других буржуазных философов: Шпенглера, Бергсона, Юнга, Юма), так и содержащиеся в них оригинальные моменты; и наконец, в) вскрыть религиозно-философские основания исторического мышления А. Тойнби.

Но и после опубликования названных исследований критическое изучение творческого наследия А. Тойнби ни в коей мере не теряет своей актуальности, тем более что и советским философам, историкам и археологам приходится решать те же проблемы человеческого прошлого. Одной из таких проблем — проблеме зарождения первых цивилизаций в теории А. Тойнби — и посвящена предлагаемая статья. Однако любая часть может быть в полной мере осмыслена лишь в контексте целого, к которому она причастна. А потому прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению данной темы, необходимо сперва остановиться на общетеоретических принципах мышления английского исследователя, а также коснуться его общеисторической схемы⁹.

* * *

«Если взглянуть на систему Тойнби именно как на систему, — отмечает Е. Б. Рашковский, — то «философией истории» ее в стро-

в философии истории Арнольда Тойнби. — Вопросы философии, 1966, № 10; и т. д.

⁷ См.: Златкин И. Я. Концепция кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность. — В кн.: Современная историография зарубежного Востока. М., 1971.

⁸ Рашковский Е. Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М., 1976.

⁹ Изучая теорию А. Дж. Тойнби, автор пользовался изданием: A study of history by Arnold J. Toynbee. London — New, York — Toronto, Oxford university press. 1956, vol. 1—2. Далее — СН.

гом смысле слова не назовешь: она строится как рассмотрение, сопоставление и комментирование конкретно-исторических явлений и процессов... рассуждения теоретического порядка фрагментарны и рассыпаны по всему тексту. Тем не менее в любом из писаний Тойнби имманентно присутствует философско-теолого-социологический костяк, благодаря которому тойнбинская концепция обретает известную цельность и последовательность в своем идеализме»¹⁰.

Необходимо отметить, что А. Тойнби — представитель совершенно иной ветви буржуазной философии истории, нежели Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер, несмотря на ряд общих принципиальных моментов, сближающих его взгляды с доктринами названных мыслителей. Это подчеркивалось и самим английским историком в письме Н. И. Конраду¹¹. Если Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер настаивают на обособленности и взаимонепроницаемости отдельных культур, то А. Тойнби, особенно в последние годы жизни, ищет основы общечеловеческого единства, рассматривая историю как непрерывный направленный процесс, содержащий в себе цивилизационные циклы. В этом смысле учение А. Тойнби гораздо ближе по духу идеям И. Г. Гердера¹². И во взгляде на движущие силы истории, и в моделировании самого исторического процесса они оба в равной степени могут быть противопоставлены как сторонникам «циклизма» (Вико, Данилевский, Шпенглер), так и «линейным эволюционистам» (Кондорсе, Гегель, Конт, Спенсер).

Корни различия между взглядами А. Тойнби и О. Шпенглера уходят в основания их философского мировоззрения. За спиной немецкого теоретика стоит столетняя эволюция иррационализма в Германии (если условно принять за его начало философию немецкого романтизма (Фр. Шлегель, Новалис) и выход первого тома главного трактата А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в 1819 году¹³, оформившегося к концу XIX в. в «философию жизни». Культура у О. Шпенглера выступает единым живым организмом, трансцендентной сущностью которого является «пра-феномен». Отсюда логически вытекает, что основная онтологическая субстанция — «жизнь» (аналогичная шопенгауэровской «воле»), для которой отдельные личности практически ничего не значат. Люди в конечном итоге — не более чем волны единого бескрайнего океана, вообразившие, будто от них самих что-либо зависит. Культура развивается и гибнет безотносительно к их желаниям. Отсюда — шпенглеровский фатализм (или «детерминизм», как его называет А. Тойнби¹⁴).

Полное отрицание самой возможности человеческой свободы, а следовательно, личного выбора и ответственности за свои поступки,

¹⁰ Рашковский Е. Б. Указ. соч., с. 14—15.

¹¹ См.: Тойнби А. Дж. Письмо к Н. И. Конраду. — В кн.: Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974, с. 270—273.

¹² См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

¹³ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Изд. 4-е. Спб., т. 1.

¹⁴ См.: Тойнби А. Дж. Указ. соч., с. 271.

самой нравственности (поскольку она немыслима без свободного выбора поведения и ответственности за совершаемые действия) и являлось наиболее неприемлемым для многих людей теоретическим положением, оттолкнувшим от шпенглеровской доктрины среди прочих и английского историка. Если О. Шпенглер был безразличен ко всякому вероучению, то А. Тойнби, воспитанный в духе либерального англиканства, разделял христианское учение о человеке, состоящем из плоти и духа, наделенного свободной волей и возможностью выбора линии поведения. Отсюда уже не трудно перейти к идее человеческой свободы, творчества и ответственности в истории, принять христианское учение о грехе и искуплении его жизнью.

В понимании человека А. Тойнби близок персоналистам (Мунье, Лекруа, Брайтмен) и религиозным экзистенциалистам (Бердяев, Ясперс, Марсель). В отличие от «атеистического» экзистенциализма (Сартр, Камю, отчасти — Хайдеггер), который исходит из идеи «заброшенности» человека в мир, его абсолютной атомарности и полном отсутствии критериев выбора, персоналисты утверждают неразрывную связь человека и мира с богом. Деятельность человека направлена на мир, но проистекает из внемирового абсолюта. Это дает человеку уверенность в жизни, позволяет занять активную позицию в отчужденном, неподлинном мире, ощутить себя причастным к первосущности бытия¹⁵.

«Персона» фокусирует конечность личности и бесконечность бога, весь комплекс духовных потенций человека и творческую мощь его самосозидания и самореализации. Имея божественную основу в персоне, личность обречена действовать в отчужденном и неподлинном мире и вольна либо поддаться его соблазнам и тем самым изменить себе, либо же избрать духовность — свою «персону». Но именно обретая свою «персону», человек осознает необходимость деятельности в мире во имя его преобразования¹⁶.

Изложенное выше полностью соответствует учению А. Тойнби об «уходе» и «возвращении» великих мира сего. По его мнению, жизнь творческой личности может быть описана как двойное движение: «уход» — удаление от мира и его забот во имя «мимесиса», «приобщения» к сфере трансцендентной реальности, обретения посвященности в сакральные тайны мироздания¹⁷; и «возвращение» — во имя «просвещения» соплеменников, чтобы вдохновить массы и повести их по новому пути. В качестве примеров А. Тойнби приводит биографии ряда религиозных деятелей (апостола Павла, Будды, Мухаммеда)¹⁸.

А. Тойнби и персоналистов вполне можно рассматривать как представителей одного духовного течения, охватившего широкие круги западной интеллигенции до и, особенно, после второй мировой войны и проявляющегося в значительной мере как реакция на

¹⁵ См.: Вдовина И. С. Французский персонализм. М., 1977.

¹⁶ Там же.

¹⁷ SH, vol. 1, p. 216.

¹⁸ Ibid., p. 217—230.

усиление фашистской идеологии. Для А. Тойнби, как и для персоналистов, человек является прежде всего причастным богу духом, активным и творческим, но обреченным действовать в отчужденном, извращенном мире. Для них реальный бог, людские души и — как результат объективации последних — мир культуры, данный в своем наличном бытии как ряд автономных цивилизаций. Если для О. Шпенглера культура основывается на трансцендентном «пра-феномене», то А. Тойнби понимает культуру и цивилизацию как продукт свободной реализации (в рамках конкретных условий) духовной перво-сущности конкретных людей с санкции бога (которому, впрочем, не отведено никакой определенной роли). Отсюда вытекает, что судьба любой цивилизации зависит от самих людей, наделенных относительно постоянной во все исторические эпохи подсознательной сферой, сознанием (зависящим уже от культурно-исторической среды) и свободным выбором. Свобода выбора, данная людям от рождения, и определяет в конечном счете путь истории. Чем выше степень человеческого самосознания, тем менее люди подвластны законам природы, тем более они свободны, а потому и несут большую ответственность за свои поступки ¹⁹.

А коль скоро люди свободны в своем выборе и действиях, то, как полагает английский исследователь, угроза фатальной предопределенности, витавшая тенью над шпенглеровскими умозрениями, устранена. Мы можем констатировать, что А. Тойнби, в рамках религиозного мировоззрения, преодолел фатализм и пришел к персоналистскому пониманию природы человека и его значения в историческом процессе.

Перед А. Тойнби как исследователем возникает проблема «единицы исторического исследования», которую он склонен усматривать не в отдельных народах или эпохах, а в «обществах». Так, например, английская история не может быть понята сама по себе, но лишь в контексте некоего более крупного исторического целого — истории Западной Европы. Это целое содержит в себе части (Англию, Францию, Нидерланды), являющиеся субъектами идентичных побуждений или «вызовов», но реагирующих на них по-разному. То «общее» или «общество», к которому принадлежит Англия, именуется А. Тойнби западно-христианским миром, или Западной цивилизацией, «имеющей пространственную протяженность в различные отрезки времени и хронологическое начало. Исследуя это общество, он обнаруживает у его истоков «филиалы» эллинистической (греко-римской) цивилизации и следы влияния византийской культуры и исламского мира ²⁰.

Рассматривая цивилизации, А. Тойнби прежде всего противопоставляет их аморфной массе «примитивных» или первобытных обществ, которые гораздо более многочисленны, но куда менее индивидуализированы ²¹. Цивилизации в понимании А. Тойнби

¹⁹ См.: Тойнби А. Дж. Указ. соч., с. 271.

²⁰ SH, vol. 1, p. 1—8.

²¹ Ibid., p. 35.

выступают в качестве локальных культурно-исторических образований, выделившихся из нерасчлененной массы первобытных обществ. Они не ограничиваются рамками той или иной местности, но охватывают некую весьма значительную территорию, от страны (Египет) до географического региона (Индостан, Средиземноморье). И наконец, цивилизации обладают определенной структурой исторически связанных и последовательных явлений.

Абстрагируясь от не реализовавшихся по той или иной причине обществ, можно сказать, что А. Тойнби подразделяет цивилизации на две большие группы: независимые и спутники. В принципе, это деление вполне правомерно — одни общества возникают и оформляют свою культуру раньше других и, естественно, оказывают влияние на отставших соседей. Так, появившееся у шуммеров клинописное письмо заимствовали, переработав на свой лад, эламиты, хетты, урарты и ассирийцы. Это вовсе не означает, что цивилизации-спутники не имеют своего оригинального лица или не могли бы появиться самостоятельно, без влияния извне, но, оказавшись рядом с более развитыми соседями, использовали уже готовые достижения.

Независимые цивилизации подразделяются А. Тойнби на независимые обособленные, независимые не обособленные и дочерние (I и II серии). Независимые обособленные и не обособленные цивилизации появляются непосредственно из первобытного общества, в то время как дочерние возникают уже в культурной среде, на основании достижений более ранних цивилизаций. Поэтому они (особенно дочерние II серии, в частности западная) достигают гораздо более быстрых и глобальных успехов, чем их предшественники, создававшие все сами.

Е. Б. Рашковский приводит третью (и последнюю) классификацию цивилизаций, разработанную А. Тойнби к середине 60-х годов²², которая имеет следующий вид:

I. Расцветшие цивилизации:

1. Независимые цивилизации:

а) обособленные: среднеамериканская (совокупность доколумбовых цивилизаций Мексики, Центральной Америки и Юкатана); Андская;

б) независимые не обособленные: шумеро-аккадская; египетская; эгейская; индская; синическая (включая цивилизацию Шан и последующие культурно-исторические типы, создававшиеся китайским этносом);

в) дочерние — первая серия: сирийская (от шумеро-аккадской, египетской, эгейской и хеттской); эллинистическая (от эгейской); индийская (от индской).

г) дочерние — вторая серия:

православно-христианская

западная

исламская

} (от сирийской и эллинистической)

²² Рашковский Е. Б. Востоковедная проблематика..., с. 133—135.

2. Цивилизации-спутники:

миссисипская
«Юго-Западная» (на Юго-Западе США) } (от среднеамерикан-
ской)

северная андская (на территории Колумбии
и Эквадора) }
южная андская (на территории Северного
Чили и Северо-Западной Аргентины) } (от андской)

эламская }
хеттская } (от шумеро-аккадской)
урартская }

иранская (от шумеро-аккадской, затем от сирийской)

корейская }
японская } (от синической)
вьетнамская }

италийская (от эллинистической)

юго-восточно-азиатская (первоначально от индийской, затем
в Индонезии и Малайе — от исламской)

тибетская, включая монголов (от индской)

российская (первоначально от православно-христианской, за-
тем от западной).

II. Неразвившиеся цивилизации:

первая сирийская (вошла в орбиту египетской)

несторианско-христианская (вошла в орбиту исламской)

монофизитско-христианская (вошла в орбиту исламской)

дальнезападно-христианская (вошла в орбиту западной)

космос средневекового города-государства (вошел в орбиту за-
падной).

Не трудно заметить, что под «цивилизациями» А. Тойнби пони-
мает классовые общества, оформившиеся в ту или иную государст-
венную структуру. В этом он, фактически, следовал традиционной
для эволюционной школы периодизации²³, хотя под «цивилизацией»
и понимал не этап развития человечества, а «наименьшую единицу
исторического исследования».

Этапы развития цивилизации, выделяемые А. Тойнби, весьма
близки к шпенглеровской схеме. Это:

I. Рождение — оформление первобытных коллективов в некое
государственное образование.

II. Рост — процесс культурного развития, раскрывающий вну-
тренние потенции людей—носителей цивилизации.

III. Надлом — внутренний раскол общества, свидетельствующий
о начале кризиса.

IV. Разлжение и гибель — эпоха раскола, внутренней борьбы и
внешних поражений, в результате чего общество распадается и по-
гибает.

²³ См.: *Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.*

Но если при внешнем сравнении культурно-исторических моделей различия между взглядами О. Шпенглера и А. Тойнби видны далеко не сразу, то при философском анализе они становятся самоочевидными. Ведь для немецкого философа эти стадии — не что иное, как этапы самореализации «пра-феномена», играющего людьми как марионетками, в то время как английский теоретик подчеркивает, что путь каждой цивилизации — дело рук самих людей. Люди сами создают свои общества и сами несут ответственность за их судьбу.

* * *

Рассмотрим, как О. Шпенглер и А. Тойнби представляют себе «рождение» культуры (цивилизации). Во второй главе «Заката Европы» читаем: «Культура зарождается в тот момент, когда из первобытного душевного состояния вечно-детского человечества пробуждается и выделяется великая душа, некий образ из безобразного, ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она и остается привязанной, наподобие растению. Культура умирает после того, как эта душа осуществляет полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук, и таким образом возвращается в первичную душевную стихию»²⁴.

Совершенно иную картину видим у А. Тойнби, который стремится решать подобные вопросы не с точки зрения туманной метафизики, а опираясь на конкретные исторические факты. Прежде всего он решительно отрицает расистскую идеологию фашизма, согласно которой существует «высшая нордическая раса», превосходящая все прочие врожденными свойствами²⁵. Отвергается им и представление, будто причиной зарождения цивилизации являются удобства географической среды²⁶. Туземцы с берегов озера Ньяса, «чья жизнь не трудна, оставались на весьма примитивном уровне развития до прихода завоевателей из далекой и холодной Европы»²⁷.

А. Тойнби глубоко убежден в том, что именно неблагоприятные природные условия — «вызов среды» — способствуют пробуждению творческих сил людей, и иллюстрирует это множеством примеров. Когда в VII—V тысячелетии до н. э. начала высыхать Сахара, населявшие ее племена оказались в критической ситуации. Одна их часть отступила вслед за саваннами на юг, где и сохранила свой прежний образ жизни. Но другие племена отошли в топи Нильской поймы и, осушив болота, создали Египетскую цивилизацию²⁸. Аналогичным образом рассматривается и происхождение других самозарождающихся цивилизаций. Так, Эгейская цивилизация образо-

²⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М.— Пг., 1923, с. 113.

²⁵ SH, vol. 1, p. 51—55.

²⁶ Ibid., p. 55—59.

²⁷ Ibid., p. 86.

²⁸ Ibid., p. 69—73.

валась как реакция на «вызов» моря, цивилизация Майя — в процессе освоения тропических лесов Юкатана и т. д.

Под «вызовом» окружающей среды А. Тойнби понимает далеко не одни лишь географические факторы (такие, как, скажем, «стимулы стран с тяжелыми условиями» или «стимулы новой земли»), но и социально-политические, культурные и экономические («стимулы поражений», «стимулы гнета»). Впрочем, А. Тойнби далек от примитивной формулы «чем хуже, тем лучше» и прекрасно понимает, что условия могут быть слишком суровыми, что максимальный «вызов» далеко не всегда приводит к оптимальному «отклику»²⁹. Так, викинги прекрасно справились с «вызовом» Исландии, но вынуждены были отступить перед более суровыми условиями Гренландии³⁰. Вместе с тем идентичные «вызовы» могут погубить одни народы, но закалить другие. Например, «вызов» римской экспансии погубил кельтов, но был сокрушен ответным натиском тевтонов³¹.

Следовательно, судьба той или иной первобытной общности людей зависит не столько от «вызова» внешних условий, сколько от «отклика», на который способны люди. Поэтому сутью истории, рассматриваемой сквозь призму формулы «вызов — отклик», является сама человеческая деятельность, реализующаяся в «отклике». Но для мобилизации широких масс на борьбу с внешними трудностями необходима какая-то форма организации и субординации внутри общества, что уже само собой подразумевает и социальную дифференциацию. Выражаясь словами А. Тойнби, необходимо «творческое меньшинство», руководящее «откликом», — наиболее энергичная, дееспособная и активная часть населения, берущая инициативу в свои руки.

Тойнбианская концепция «творческого меньшинства» является по своей природе элитаристской и восходит к бергсоновскому волюнтаризму, основанному на учении о «жизненном порыве». «Жизненный порыв, в котором мы говорим, — писал Анри Бергсон, — состоит по существу в потребности творчества. Он не может творить без ограничения, потому что встречает перед собой материю, т. е. движение, обратное его движению. Но он завладевает этой материей»³². «Творческое меньшинство» состоит из людей с наиболее мощной и возвышенной духовной силой, с максимальными творческими потенциями. Создавая свою теорию как в некотором смысле «отклик» на усиление фашистской идеологии, А. Тойнби признает «меньшинство» «творческим» лишь в том случае, если оно обладает некими высокими духовно-нравственными ценностями, на которых строится живой контакт «творческого меньшинства» с «инертным большинством», — контакт, недостижимый грубым насилием. Полемизируя с фашизмом, А. Тойнби утверждает, что творчество духовно и не может

²⁹ Ibid., p. 145.

³⁰ Ibid., p. 146.

³¹ Ibid., p. 142—143.

³² Бергсон А. Творческая эволюция. М.— Спб., 1914, с. 224.

искать опору в насилие, в то время как сутью нетворческой деятельности как раз и является бездуховная насильственность.

Элитарная личность, в понимании А. Тойнби, ни в коем случае не является аналогом бонапартистского или фашистского лидерства, основывающегося на идее неограниченного самоутверждения сильной личности над унифицированной массой. Причем (и здесь необходимо вспомнить о «глубинной психологии» К. Г. Юнга) люди «элиты» вовсе не являются чем-то чуждым своему народу; напротив, именно они и выражают максимум полноты его чувств, мыслей, переживаний и стремлений. Этим-то и объясняются, по мнению английского историка, их авторитет и ведущее положение в обществе.

Такова в кратких чертах теория зарождения цивилизации А. Тойнби и движущих сил ее развития, в которых можно выделить три основных момента: наличие благоприятной, не расслабляющей, но стимулирующей творческую активность природной среды; наличие «творческого меньшинства», духовной элиты, способной сплотить и мобилизовать силы общества на активную преобразующую деятельность; постоянное воздействие «вызова» со стороны внешних сил и успешного «отклика» со стороны общества.

Нельзя не согласиться с тем, что эта теория во многом может быть согласована с реальными фактами. Впрочем, для большей ясности необходимо произвести своего рода «верификацию» — соотнесение теоретических конструкций А. Тойнби с ходом истории. Тогда нам станут понятны не только его ошибки, но и те мысли, которые могли бы при их творческом переосмыслении пролить дополнительный свет на многие актуальные проблемы древней истории.

Ни у кого не вызывает сомнений огромное значение природных условий в процессе эволюции человечества и развития общества, тем более на ранних этапах истории. Вместе с тем, и А. Тойнби это прекрасно осознает, сами люди, а не природная среда, создают свою культуру. Источник развития — сама человеческая деятельность, и чем выше уровень развития общества, тем меньше она зависит от внешних природных условий. В процессе исторического развития уменьшается роль окружающей среды и возрастает значение самой трудовой активности людей.

Но признавая все это, А. Тойнби рассматривает начало цивилизации скорее художественно, нежели научно. «Вызов — отклик» поэтический образ, способный афористически передать точку зрения автора, но не объясняющий сущности рассматриваемого процесса. В самом деле, вспомним, как А. Тойнби описывает зарождение цивилизации: она дает успешный «отклик» на «вызов» внешних сил, в ходе чего общество сплачивается вокруг «творческого меньшинства».

С одной стороны, А. Тойнби прав: у египтян и шумеров был внешний стимул внутренней консолидации. Чтобы выжить, им необходимо было сплотиться для освоения заболоченных пойм, разрезающих узкими лентами бескрайние просторы пустынь. У полинезийцев такие стимулы отсутствовали, а эскимосы попали в столь

тяжелые условия, победить которые было невозможно. Но А. Тойнби не учитывает тот важный момент, что переход от первобытного общества к цивилизации — не мгновенный акт, а длительный процесс социально-экономического развития, являющийся к тому же делом рук всех людей, а не избранной элиты.

Решающим фактором внешнего характера, создавшим условия для появления цивилизации, можно считать окончание последнего (Вюрмского) оледенения. Климатические изменения послеледникового периода создали предпосылки для зарождения принципиально новых в истории человечества производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства. В условиях истощения охотничьих ресурсов в ряде мест Передней Азии жители начинают периодически употреблять в пищу дикорастущие злаки, что способствует развитию примитивные формы земледелия³³. Характер распространения наиболее ранних памятников оседлых земледельцев, таких, как Иерихон в Палестине, Джармо, Сараб и Тепе-Гуран в Иракском Курдистане, Али-Кош в Иране, Хаджилар и Чатал-Гуюк в Анатолии, Аргисса и Неа Никомедия в Греции, свидетельствует о том, что переход от стадии собирательства к регулярному земледелию осуществлялся одновременно и независимо в нескольких местах³⁴.

Однако эти общества, несмотря на безусловное наличие «вызова» (истощение охотничьих ресурсов) и «отклика» (переход к производящим формам хозяйства), ни А. Тойнби, ни другие исследователи не станут причислять к цивилизациям, хотя здесь имеются все компоненты тойнбианской модели рождения цивилизации: «вызов» и «отклик», а следовательно, и «творческое меньшинство» в качестве организующего начала. Не трудно понять, что исходя из доктрины «вызова» и «отклика», можно при желании представить всю человеческую историю. Однако это само по себе уже противоречит тому положению, что удачный «отклик» является первым криком рождающейся цивилизации.

Кроме того, не следует забывать, что одни и те же условия могут оказаться для одного общества слишком суровыми, в то время как другое общество, располагающее более совершенными средствами производства, способно преодолеть возникающие трудности. Английские колонисты столкнулись с тем же «вызовом», что и североамериканские индейцы или аборигены Австралии, но смогли дать совершенно иной «отклик». Отсюда ясно, что характер «отклика» в решающей степени зависит не от творческих потенций духовной элиты, а от уровня развития производительных сил, от общего социально-экономического состояния того или иного общества. Для удачного «отклика» необходимо располагать реальными материальными средствами, позволяющими подчинить человеческой воле природную среду.

³³ См.: *Долуханов П. М.* География каменного века. М., 1979, с. 94—95.

³⁴ См.: *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 39—40.

Таким образом, сама возможность того или иного «отклика», обеспечивающего рождение цивилизации, уже предполагает определенную ступень социально-экономического развития. Все это было достаточно ясно отмечено классиками марксизма. «Цивилизация, — писал Ф. Энгельс, — является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе»³⁶.

Тойнбианской теории прежде всего недостает учета состояния производительных сил общества, обуславливающих в конечном счете характер «отклика». В данном случае уместно вспомнить, что К. Маркс в своей работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» дал прекрасный пример исследования становления различных обществ («азиатского», «античного» и «германского»), исходя как из условий природной среды, так и прежде всего учитывая уровень и специфику развития производительных сил и производственных отношений³⁶.

Вызывает ряд возражений и тойнбианская концепция «творческого меньшинства». С какими историческими реалиями мы можем ее соотнести? Несомненно, в каждом из существовавших обществ одни люди играли более активную роль в историческом процессе, чем другие: были ли это племенные вожди или шаманы, предприимчивые торговцы или философы, религиозные реформаторы или полководцы. Их ли считает А. Тойнби «творческим меньшинством»? В некотором смысле — да: это апостол Павел, св. Бенедикт, св. Григорий Великий, Будда, Мухаммед, Маккиавелли, Данте³⁷. Сразу же бросается в глаза религиозная значимость большинства имен приведенного списка (5 из 7). Получается, что львиная доля представителей «творческого меньшинства» состоит из религиозных деятелей?

Но и с этим нельзя согласиться: ведь сам А. Тойнби подчеркивает прежде всего социальное значение элиты, ее руководящую роль в процессе человеческой деятельности. Когда английский историк описывает приход и освоение жителями Сахары Нильской долины, ни о какой роли религиозных деятелей он не упоминает.

Если цивилизации (в данном случае, как и ранее, речь идет о первых, самозарождающихся цивилизациях) создаются элитой, которая, очевидно, не может состоять из одних клерикалов, то правомочно предположение, что «творческое меньшинство» является не чем иным, как социальной верхушкой — родо-племенной, военно-административной и жреческой аристократией, присваивающей себе власть в зарождающемся государстве.

Но при каких условиях возможно наличие этой доминирующей социальной прослойки, перерастающей в правящий класс возни-

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 173—174.

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 462—472.

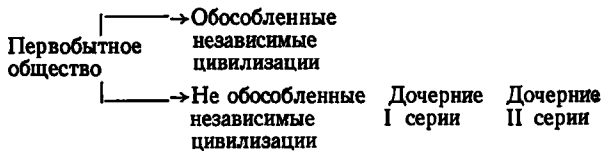
³⁷ SH, vol. 1, p. 225—230.

кающей цивилизации? А. Тойнби не ставит ни этот, ни связанные с ним вопросы, однако без их решения невозможно понять механизм перехода от первобытного общества к цивилизованному и само рождение «творческого меньшинства».

В эпоху раннего неолита в полосе субтропиков Передней Азии происходит постепенная замена присваивающего хозяйства производящим и утверждение земледелия как основной базы новой экономики. Это и было «одной из важнейших предпосылок процессов, приведших в конечном итоге к формированию раннеклассовых обществ»³⁸. В свою очередь такая замена стала возможной лишь при условии прогрессирующего совершенствования орудий труда и производственных навыков, что привело к разделению труда, появлению дополнительного продукта, имущественного неравенства и социальной дифференциации.

* * *

Тойнбианскую модель истории можно представить следующей схемой:

Однако эта схема фиксирует лишь хронологическую последовательность доминирующих независимых цивилизаций, но не улавливает их принципиальных качественных отличий. Подразделяя цивилизации на дочерние и предшествующие им, А. Тойнби исходит только из «генетического» критерия, который в данном случае не может считаться достаточно существенным, поскольку характеризует не природу той или иной цивилизации, а лишь ее происхождение.

Вместе с тем цивилизации, выделяемые А. Тойнби в качестве «недочерних», имеют общие черты не только в плане генезиса: прежде всего они по своей природе локальны, т. е. локализованы в рамках ограниченной территории и одного этноса, в то время как другие (дочерние) региональны, т. е. охватывают определенный географический регион и несколько этносов. На последнем остановимся более подробно, рассмотрев сначала генезис локальных цивилизаций из первобытных обществ, а затем проследив возможности перерастания некоторых локальных цивилизаций в региональные.

³⁸ Массон В. М. Экономические предпосылки сложения общества.— В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 52.

Появлению локальных цивилизаций предшествует процесс разложения первобытного общества, охватывающий порою многие тысячелетия. Переход к производящему хозяйству влечет за собой рост производительности труда, появление излишков и начало социальной дифференциации. Экономический подъем сопровождается демографическим взрывом. Развитие земледелия и скотоводства, увеличение плотности населения способствует формированию крупных социальных организмов. На этом этапе характерны этническое сплочение родственных групп, политическая консолидация (союзы племен) и формирование общей территории.

Однако рост народонаселения превышает скорость прогресса производительных сил, что неизбежно приводит к началу массовых миграций. Так, из той зоны Передней Азии (между Восточным Средиземноморьем и Иранским Хорассаном), где в IX—VI тысячелетиях до н. э. впервые начинается переход к производящему хозяйству, уже в VII тысячелетии до н. э. заметен отток населения в другие местности (на Кавказ и Балканы, в Среднюю Азию), что в значительной мере способствовало распространению земледелия и скотоводства на огромные территории Западной Азии и Юго-Восточной Европы.

«В абсолютном большинстве случаев,— пишет В. Ф. Генинг,— миграции совершали племена, находившиеся на грани становления классового общества... миграции на данной стадии — явление в значительной степени всеобщее, характерное для социальной жизни эпохи»³⁹. Но пришельцы, как правило, не уничтожают и не изгоняют местное население, а подчиняют его, что приводит к смешанному этническому составу той или иной территории.

Переход к производящему хозяйству способствовал индивидуализации трудового процесса и началу обособления отдельных семей. Это в свою очередь не могло не привести к появлению имущественного расслоения. Вместе с тем усложнение общественной жизни, отношений между различными территориальными группами (племенами) привело к разделению административных функций внутри общества и способствовало потере бывшего единства и равноправия.

Однако в условиях привязанности огромных масс к определенной территории процесс социальной дифференциации приводит не к распаду общества, а к его экономической, культурной и политической консолидации. «На базе общности владения землей и начинают развиваться этнические отношения, которые в конечном итоге приводят к формированию этноса»⁴⁰, — того социального организма, «который представляет собой отдельное жизнеспособное общество. Лишь на базе социального объединения, отвечающего требованиям социального организма, может формироваться этни-

³⁹ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 101.

⁴⁰ Там же., с. 111.

ческая общность»⁴¹. Экономическое и политическое объединение определенной компактной территории (например, бассейна большой реки — Нила, Инда, Тигра и Евфрата) неизбежно влечет за собой культурное и языковое сближение. На основании совместного владения землей, а также при наличии политической, экономической и культурно-языковой близости, перерастающей постепенно в общность, у людей вырабатывается осознание своего единства — этническое самосознание.

Таким образом, мы проследили, как переход от присваивающих хозяйственных форм к производящим обусловил рост населения, приведший к массовым миграциям, в ходе которых ослабевали кровнородственные связи, происходил процесс смешения разноплеменных элементов, появлялась социально-экономическая дифференциация внутри общества и усиливалась политическая организация, возвышавшаяся над общинами, объединяющимися на базе общности экономических интересов, связанных с использованием совместных земель.

Необходимым, но не единственным условием появления той или иной локальной цивилизации является наличие территориально-этнической общности, характеризующейся прежде всего следующими тремя факторами:

1. Основой новой этнической общности является прежде всего территориальная общность, базирующаяся на совместном владении землей.

2. Процесс этнической консолидации незавершен, что обусловлено массовыми миграциями предшествующей эпохи, приведшими к смешению разнородных элементов.

3. Важная объединяющая роль на данном завершающем этапе разложения первобытного общества принадлежит политической организации (различные формы племенных союзов), способной удерживать и обеспечивать стабильность общественных структур⁴².

Подобного рода проблемы (в частности, вопросы социально-экономической истории древнейших обществ и их генезиса) в концепции А. Тойнби фактически игнорируются, и поэтому его теория зарождения цивилизации весьма далека от всестороннего решения проблемы. Однако пытаясь понять механизм перехода территориально-этнических общностей кануна классового общества к ранним цивилизациям, можно учитывать (с соответствующими коррективами) некоторые мысли английского ученого. Недопустимо, конечно, как А. Тойнби, закрывать глаза на внутренние причины перерастания первобытного общества в цивилизованное, но вместе с тем нельзя игнорировать и те конкретные внешние условия, которые способствуют, ускоряют или же тормозят сам процесс этого перехода, когда общество уже созрело для него.

Если учесть, что к цивилизации могут перейти лишь распадающиеся первобытные коллективы на стадии территориально-этни-

⁴¹ Генинг В. Ф. Указ. соч., с. 41.

⁴² См.: Там же, с. 118.

ческой общности, то можно вспомнить и тойнбианскую концепцию условий, необходимых для рождения цивилизации. Ими являются: благоприятная внешняя обстановка, стимулирующая трудовую человеческую деятельность («вызов»); способность общества сплотиться и преодолеть возникшие трудности («отклик»), что в немалой степени зависит от правящего слоя («творческого меньшинства»).

Действительно, для зарождения цивилизации кроме внутренних мотивов желателен и какой-либо внешний стимул («вызов»), играющий роль катализатора естественного социально-экономического процесса. И в данном случае вполне уместны тойнбианские примеры, иллюстрирующие сплочение и совместную деятельность отдельных групп перед лицом общей для всех угрозы. Не вызывает сомнения, что в ходе этого процесса самим обществом выдвигаются наиболее одаренные и энергичные личности, способные организовать и возглавить массы. Причем такой процесс выдвижения лидеров проходит параллельно усиливающейся социальной и имущественной дифференциации, так что выдвинувшиеся военные, административные и духовные вожди оказываются одновременно и господствующей социально-экономической прослойкой. При таких условиях племенная организация перерастает в государственную, территориальная общность — в территориальную целостность, близкие друг другу в экономическом, социальном, культурно-бытовом и языковом отношениях группы — в единый этнос, распадающееся первобытное общество — в раннеклассовую локальную цивилизацию. Типичными локальными цивилизациями древности являются: Египет, Шумер, Харапская (Индская) культуры, Эгейский мир Критского периода, города народа Майя и некоторые другие социально-культурные образования. По-видимому, локальные цивилизации характеризуются следующими типами целостности: территориальной, социально-экономической, этнической, культурно-мировозренческой и, в большинстве случаев, политической (Египет, Вавилон, Крит и т. д.) Однако в некоторых случаях (культура Майя) локальная цивилизация так и не оформляется в единый политический организм.

Локальные цивилизации по своей природе моноэтничны. Ощущая свое превосходство над варварским окружением, они, завершив процесс внутренней консолидации, стремятся обеспечить себе политическое господство и культурную гегемонию над соседними народами, т. е. стремятся к созданию империи. Это уже ярко проявляется в политике фараонов XVIII и XIX династий (1580—1150 гг. до н. э.), но еще более характерно для ассирийских царей IX—VII вв. до н. э. (Ашурнасирапала II, Салманасара III, Саргона II, Синеххегиба и Ассаргадона). Аналогичный процесс экспансии был присущ и Мinoйской, и Индской и Андской цивилизациям, равно как и державам ацтеков или китайцев.

Однако создание первых полиэтнических империй (Египетской, Ассирийской, Нововавилонской, Персидской) еще не при-

водит к перерастанию локальной цивилизации в региональную. Так, например, гигантская империя Ахеменидов, раскинувшаяся в V—IV вв. до н. э. от Дуная до Инда, не представляла собою ни единой цивилизации, ни единой культуры. Удерживая территориальную целостность исключительно военной силой и прекрасно налаженной администрацией, она не представляла собой внутренне единого образования: отдельные провинции (Египет, Лидия, Бактрия и т. д.) жили обособленно, выплачивая дань царю царей, оседавшую золотыми слитками в дворцовых подвалах Персеполиса, Суз и Экбатан.

Но некоторым цивилизациям (из древних по крайней мере трем: греческой, индо-арийской и древнекитайской) удалось преодолеть локальную ограниченность и охватить целые географические регионы: Средиземноморье, Индостан и Дальний Восток. Локальная цивилизация может перерасти в региональную, если к ее достижениям приобщаются другие народы, между которыми устанавливаются прочные экономические, культурные и политические контакты. Во всех трех случаях военно-политическое объединение (Индия при Чандрагупте и Ашоке, Китай при Цинь-Ши-Хуане, Средиземноморье при Цезаре и Августе) завершает, а не предшествует консолидации региональных цивилизаций.

Раннегреческое общество вырастает из руин ахейских царств. В течение XI—IX вв. до н. э. окончательно гибнут микенские цитадели и рождается новая социальная единица — полис, в рамках которого зарождается и развивается уникальная эллинская культура, которая с VII в. до н. э. оказывает мощное воздействие на все средиземноморское и черноморское побережья. В сфере ее влияния оказались и римляне, сумевшие создать могущественное государство, распространившее свою власть фактически на все земли, так или иначе подвергшиеся греческому воздействию (исключая разве что Бактрию) и издавна взаимосвязанные между собой культурно, экономически и политически⁴³.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в Индии, где культурная интеграция региона, совершившаяся «после великого арийско-дравидийского слияния», предопределила появление империи Маурьев в конце IV в. до н. э. К. М. Паникар пишет: «Высшим достижением древних индусов было создание единой цивилизации и единой общественной структуры»⁴⁴ задолго до политического объединения страны. С еще большим основанием можно говорить о культурно-мировоззренческом единстве и общности хозяйственного уклада Индии уже в первой половине I тысячелетия до н. э.

⁴³ Этот же процесс имеет в виду и А. Тойнби, когда описывает, как Афины, распространяя свою культуру по берегам Средиземного моря, выросли в «Эллиническое общество» эпохи греко-македонских царств и Римской империи, а ренессансная Италия переросла в Западное общество Нового времени.— См.: Н, I, р. 230—232.

⁴⁴ Паникар К. М. Очерк истории Индии. М., 1961, с. 15.

Мы видим, что региональные цивилизации в своем развитии проходят два этапа: они выступают в роли локальных, в рамках которых вырабатываются те общие социально-экономические и культурно-мировоззренческие принципы, которые и ложатся в основу складывающейся региональной цивилизации. В этом смысле подобная локальная цивилизация играет роль прарегиональной. Приобщение соседних народов к ее культуре способствует перерастанию локальной цивилизации в региональную. На языке А. Тойнби этот процесс называется «увлечением» «творческим меньшинством» (в роли которого выступает уже целый этнос) «инертного большинства» — менее развитых соседних народов⁴⁵.

В свою очередь региональные цивилизации имеют локальные варианты, обусловленные культурными традициями тех или иных народов, приобщившихся к доминирующей культуре данного региона. Так, в рамках Индийской культуры явно выделяются преимущественно арийский север (Арьяварта) и большей частью дравидийский юг (Дакшинапатха). Точно так же в эпоху поздней античности существенно отличались друг от друга латиноязычное Западное Средиземноморье и грекоязычное Восточное (будущая Византия). В рамках последнего продолжали сохранять свою индивидуальность такие области, как, скажем, Египет, Сирия, собственно Греция (римская провинция Ахайя) и т. д.

Отметим характерные особенности региональной цивилизации: 1) территориальная близость областей; 2) близость социально-экономического уклада; 3) регулярные торговые, культурные и политические связи; 4) культурно-мировоззренческая общность; 5) отсутствие этнической и языковой общности ввиду полиэтнического состава населения региона (при наличии некоего «международного языка»: санскрита в Индии, латыни в средневековой Европе, арабского в мусульманских странах и т. д.).

* * *

Подведем некоторые итоги рассмотрения тойнбианской концепции происхождения цивилизации.

Цивилизацию А. Тойнби понимает как: а) локальное социально-культурное образование, выделившееся из первобытного общества; б) наименьшее целое истории (некая историческая монада), доступное рациональному познанию.

Естественным и необходимым предисловием появления цивилизации А. Тойнби считает наличие благоприятной (не слишком суровой, но и не расслабляющей) географической среды, стимулирующей активную трудовую деятельность людей. Согласно его терминологии, необходим «вызов» внешней среды, на который люди были бы способны дать свой «отклик». А. Тойнби понимает, что не «вызов», а «отклик» людей создает цивилизацию. Но для

⁴⁵ SH, vol. 1, p. 230—240.

успешного «отклика» необходимо объединение, организация огромных масс людей для совместной деятельности, что возможно, выражаясь словами английского исследователя, лишь при наличии «творческого меньшинства», наиболее деятельной и одаренной части народа, наделенной максимальной силой «жизненного порыва». Таким образом, если люди оказываются перед «вызовом» внешних сил и среди них находится «творческое меньшинство», способное организовать массы на успешный «отклик», то, по мнению А. Тойнби, рождается цивилизация, которая и является продуктом удачного «отклика» на «вызов» среды.

Однако А. Тойнби совершенно не учитывает тот факт, что далеко не все первобытные народы способны дать «отклик» в виде цивилизации. Это могут лишь те, которые настолько развили свои производительные силы, что уже перешли к производящим формам хозяйства и вступили в эпоху завершающую — разложения первобытнообщинного строя. Непонимание значения роли материального производства в развитии человеческого общества является наиболее существенным методологическим недостатком теории А. Тойнби.

Ряд трудностей испытывает А. Тойнби и с истолкованием характера «творческого меньшинства». С одной стороны, он стремится придать ему черты духовности, но с другой, — анализируя конкретные исторические явления, фактически отождествляет его с племенной аристократией, занимающей лидирующее положение в зарождающихся цивилизациях.

Мы приходим к следующим выводам:

1. Ранние цивилизации зарождаются лишь в благоприятных климатических условиях, стимулирующих трудовую деятельность человека.

2. Сама возможность появления цивилизации предполагает высокий уровень развития производительных сил, обеспечивающих получение регулярного прибавочного продукта, присваиваемого социальной верхушкой, что и приводит к распаду общества на классы.

3. Выделяющаяся правящая социально-экономическая прослойка и составляет, в сущности, «творческое меньшинство» самозарождающихся цивилизаций, поскольку именно она выступает в роли организатора общественной деятельности.

4. Характер «отклика» всецело зависит от уровня развития производительных сил и производственных отношений того или иного общества.

Главной пружиной развития общества, согласно А. Тойнби, является конфликт общества и среды. Это положение принципиально отличает тойнбианскую концепцию от взглядов О. Шпенглера, который не замечал ни этого противоречия, ни противоречий внутри самого общества и понимал развитие культуры как естественный процесс самореализации «души» культуры.

Противоречит концепция А. Тойнби и марксистскому подходу, для которого характерно особое выделение роли общественного

производства в историческом процессе. Наиболее лаконично сущность материалистического понимания истории была сформулирована К. Марксом в предисловии «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производственных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁴⁶.

Концепция А. Тойнби представляется определенным позитивным сдвигом в развитии буржуазной философии истории. Исследователь стремится представить общенсторический процесс, опираясь на скрупулезное исследование конкретных фактов, и вполне обоснованно указывает на роль взаимоотношений общества и среды. Однако при игнорировании внутренних стимулов общественного и культурного развития его теория представляет эволюцию цивилизации крайне односторонне.

Причиной многих теоретических неудач английского историка была его приверженность широко разрекламированному О. Шпенглером «морфологическому» (А. Тойнби называет его «синоптическим») методу сравнительного анализа отдельных явлений различных культур⁴⁷. Но при всем его несомненном значении этот метод нельзя признать основным: он может помочь выявить аналогичные, типологически сходные или, наоборот, противоположные моменты различных культур, но не способен объяснить причины их появления.

Исследуя историю той или иной культуры, следует основываться не на бросающихся в глаза аналогиях, а пытаться анализировать существенные причины тех или иных своеобразных форм — причины как внутреннего порядка (обусловленные уровнем и характером развития того или иного общества), так и внешнего (не вытекающие непосредственно из состояния исследуемого общества, — скажем, иноземное вторжение). При этом необходимо помнить, что главным движущим фактором общественного развития являются не внешние конфликты (общество — среда, общество — общество), а внутренние противоречия в самом обществе, порождаемые в конечном итоге социально-экономическими факторами.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7.

⁴⁷ В письме Н. И. Конраду А. Тойнби писал: «Я думаю — опять в согласии со Шпенглером, — что... поток минувшей истории может быть понят только на основании синоптического взгляда — сравнительного метода» (Тойнби А. Дж. Письмо Н. И. Конраду..., с. 270).

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЛЕМЕН ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Всестороннее изучение курганных захоронений юга Украины имеет большое значение для решения целого ряда проблем древней истории нашей страны. Огромное количество накопленных и ежегодно пополняющихся археологических источников по погребальному обряду степных племен требует новых методов их исследования. Для анализа этого материала необходимо применение формализации и статистических методов, которые в последние годы успешно применяются археологами для различных категорий археологических источников, в том числе и для характеристики погребального обряда¹.

В данной работе сделана попытка статистической характеристики погребального обряда племен ямной культуры с помощью методики, разработанной В. Ф. Генингом и В. А. Борзуновым². Для анализа взят массив погребений ямной культуры из 76 курганов смежных территорий: долины р. Молочной в Приазовье (24 кургана)³, юга Херсонской области (35 курганов)⁴ и Северного Крыма (17 курганов)⁵. Всего в них насчитывается более 300 погребений ямной культуры. Для исследования нами взяты 200 погребений, отобранные выборочно с каждой территории в количестве соответственно: долина р. Молочной — 55⁶, юг Херсонщины — 80⁷ и

¹ Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда.— ВАН, 1975, вып. 13, с. 42—72; Лебедев Г. С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 180—190; Леонова Н. В., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формального анализа.— КСИА АН СССР, № 148, с. 16—23; Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы археологии. М., 1970, с. 191—201; Смирнов Ю. А. Погребения эпохи неолита и раннего металла лесной полосы Восточной Европы (опыт количественного анализа). Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.— М., 1972, с. 348—352.

² Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Указ. соч.

³ Материалы курганов долины р. Молочной опубликованы в сборнике АПУССР, 1960, т. 8.

⁴ Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР.— Киев, 1967; Шепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры.— Симферополь, 1969, с. 73—112.

⁵ Шепинский А. А., Черепанова Е. Н. Указ. соч., с. 112—295.

⁶ Ново-Филиповка: 1/22, 23; 2/6, 7; 3/3, 8; 4/5; 5/4—9. Распаханный курган, погребение 2. Группа Аккермень 1 : 1/5, 8; 2/1, 6; 3/9; 4/10; 5/5—7; 6/5—7; 9/3, 5; 11/3, 8, 11, 12; 12/4; 7, 9, 10; 14/8; 17/10; 19/2, 3. Курган у с. Долина, погребения 2, 4, 7—9. Троицкое: 2/16, 17, 25; 3/8, 13, 32, 33. Заможное: 1/2; 2/11; 3/6 (где числитель — номер кургана, знаменатель — номер погребения).

⁷ Бабенково: 1/5, 12, 13, 15, 16, 20, 21, 25; 2/7, 8; 3/4, 10, 12, 15; 4/5, 8. Шевченко: 1/13, 15. Урочище Морская Кошара: 3/3, 4. Широкое: 6/1, Урочище

Северный Крым — 65⁸ погребений (в дальнейшем для удобства эти три района мы будем обозначать сокращенно: М — долина р. Молочной, ЮХ — юг Херсонщины, СК — Северный Крым).

По правилам статистики случайная выборка в 200 единиц должна быть количественно достаточной, чтобы выявленные на ней закономерности могли быть распространены на весь массив, из которого сделана эта выборка. При обработке данного материала были поставлены следующие задачи: 1) общая статистическая характеристика погребального обряда всего массива погребений; 2) определение культурного единства погребального обряда трех выбранных территорий; 3) статистический анализ признаков погребального обряда с целью выяснения их территориальной и количественной распространенности.

Таким образом, мы ограничиваемся лишь формальным анализом данных, которые, на наш взгляд, необходимы для решения целого ряда источниковедческих задач. Подобный анализ позволяет определить основные черты, присущие рассматриваемой категории памятников для данной археологической культуры, а в связи с этим и принадлежность памятников определенных территорий к той или иной культуре. Методика подобного анализа позволяет рассмотреть вопрос о локальных вариантах культуры и присущих им признаках.

Подготовка данных. Статистический учет признаков погребального обряда, фиксируемых при раскопках погребений ямной культуры, позволяет выделить среди них десять основных категорий признаков.

Категория 1. Месторасположение погребений в кургане и ориентация их по сторонам света. Эта категория состоит из трех единиц совокупностей признаков: 1 — расположение погребений в плане кургана по отношению к сторонам света. В нее входят девять признаков: погребения, расположенные по четырем промежуточным секторам кургана (северо-восточный, юго-восточный, юго-западный и северо-западный), находящиеся строго на север, юг, запад и восток от центра кургана и погребения, расположенные в центре кургана (к ним мы относим те, которые находились в радиусе не больше 1,5 м от центра); 2 — стратиграфическое расположение погребений в кургане. В совокупность входят основные погребения курганов и впускные. Последние делятся на совершенные

Пукур: 1/7, 8. Балтазаровка: 3/6. Қаланчак: 1/1, 5, 7—9; 2/8 — 10; 3/4. Совхоз Коминтерн: 2/12; 3/1, 5. Красное: 1/4, 6; 2/4; 3/2, 5; 4/1, 4, 5; 5/7; 6/3; 7/4—6; 8/3, 4. Группа у дороги Голая Пристань — Скадовск: 4/3, 6. Новочерноморье: 1/3, 5; 2/11; 3/8; 4/10, 12—15; 5/8, 10; 6/4, 5, 7, 10; 7/2, 3, 7, 8; 8/9, 10, 15; 9/37; 10/3; 11/7, 8; 12/7.

⁸ У Красноперекопска — Рисовое: 1/41, 44, 45, 50, 51, 65, 69; 2/7, 8; 3/8; 4/15; 5/34, 38, 42, 58; 7/17, 46, 55; 13/11. Танковое: 9/3, 5, 7, 8, 13, 17—21, 24, 25; 10/11; 14/5, 18, 22—24, 27, 28; 15/1, 4, 6, 9. Между Красноперекопском и Джанкоем — Мартыновка: 1/2, 9, 10, 11, 14, 16; 2/3, 6, 19, 23, 41, 43, 44; 3/4, 6, 11; 4/4; 6/5, 8, 9.

в материковом грунте и в насыпи кургана; 3 — ориентация могильных ям, фиксируемая направлением продольной оси ямы по четырем сторонам света и по их промежуточным значениям.

Кроме того, здесь и далее в каждой совокупности признаков имеется графа „нет данных“, куда вносятся погребения, в которых по той или иной причине отсутствуют данные о наличии или отсутствии признаков совокупности.

Категория II. Конструкция могильного сооружения включает три совокупности признаков: 1 — входная яма. Совокупность отражает наличие входной ямы как у основных, так и у впускных погребений; 2 — перекрытие могильной ямы. Выделяем четыре разновидности: перекрытия из каменных плит, из дерева, среди которых отдельно рассматриваем перекрытия, состоящие из плах, а также перекрытия, состоящие из камыша, тростника, камки и тому подобным растительных материалов; 3 — могильная яма. Мы выделяем три конструктивные разновидности могильных ям: сужающиеся или расширяющиеся ко дну и ямы, размеры которых ко дну не изменяются, т. е. ямы с вертикальными стенками.

Категория III. Форма и размеры могильных ям. 1 — форма могильных ям. По форме выделяются семь разновидностей ям: прямоугольная с закругленными углами; овальная; прямоугольная с четкими углами,

когда углы строго прямые или немного острые, иногда подчеркнутые вертикальными желобками; трапециевидная, если разница ширины или длины сторон превышает 0,1 м; прямоугольно-овальная, когда одна часть ямы имеет прямоугольные очертания, а противоположная — овальные; другие формы — в признак включены формы ям, которые встречаются очень редко; неопределенные формы — сюда мы отнесли те ямы, которые к моменту раскопок не сохранили свой первоначальный вид (такое могло случиться с ямой, у которой обвалились стенки), а также ямы, которые нельзя было занести ни в одну из вышеперечисленных граф вследствие их неопределенного описания (например: четырех-

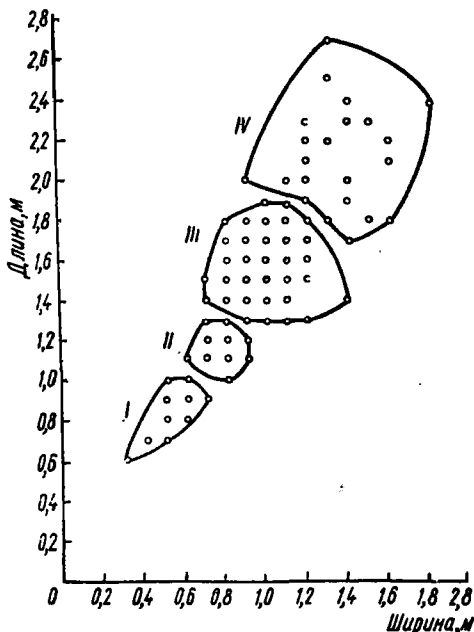

Рис. 1. Выделение групп могильных ям по длине и ширине.

угольная, неправильный овал и проч.). 2 — размеры могильных ям. На основании предварительно составленного графика, где по оси абсцисс откладывалась ширина могильных ям, а по оси ординат — их длина, мы выделили по размерам группы могильных ям. Учитывались размеры ям у дна, поскольку это их конечные размеры (рис. 1).

Группа I — ямы размерами от $0,6 \times 0,3$ до $1,0 \times 0,7$ м.

Группа II — ямы размерами от $1,1 \times 0,6$ м; $1,0 \times 0,8$ м до $1,3 \times 0,8$ м; $1,2 \times 0,9$ м.

Группа III — ямы размерами от $1,1 \times 0,7$ м; $1,3 \times 0,9$ м до $1,9 \times 1,1$ м; $1,8 \times 1,2$ м.

Группа IV — ямы размерами от $1,7 \times 1,4$ м; $2,0 \times 1,1$ м и больше.

При членении на группы ям по размерам, как и при любом другом подобном разделении, группы, как правило, не получают достаточно чистыми, то есть отстоящими друг от друга на значительный интервал. Всегда находятся объекты, занимающие переходные позиции, расположенные на условной линии, разграничивающей полученные группы, принадлежность которых к той или иной группе спорна. Такие единицы вначале приходится условно отнести к предыдущей или к последующей группам, но важно, чтобы в каждом подобном случае был соблюден один и тот же принцип. Так, при разделении ям по размерам, мы спорные ямы относили к предыдущей группе, ориентация ям и скелетов округлялась до ближайшего по часовой стрелке значимого направления и т. п. При последующих операциях выделения групп погребений может оказаться, что данная единица была неправильно отнесена к той или иной группе признаков, поэтому подбине членение впоследствии может корректироваться.

Такой параметр как глубина могильной ямы (расстояние от перекрытия до дна), относящийся также к категории размеров ям, мы решили в данном исследовании не учитывать, так как в большинстве случаев подобных сведений в публикациях не оказалось.

Категория IV. Погребальное ложе. Сюда включены различные виды подстилок, на одну из которых клали умершего. Характер этих подстилок довольно разнообразен, причем разнообразие это при учете ведет к большому количеству единичных случаев, которые могут свидетельствовать о степени сохранности их и тщательности исследования при раскопках. К тому же из-за недостаточной изученности состава подстилок, что отразилось в терминологии (например: коричневый тлен и т. п.), нам часто не известно, один и тот же состав имеется в виду или разный. Поэтому мы ограничились лишь фиксацией наличия или отсутствия подстилки вообще, наличия или отсутствия посыпки дна охрой, наличия или отсутствия посыпки дна мелом.

Категория V. Количественный состав погребенных в одной могиле.

Все погребения мы делим на одиночные и коллективные. Послед-

ние, в свою очередь, делятся на погребения взрослого (взрослых) и ребенка (детей); погребения взрослого (взрослых) и подростка (подростков); коллективные погребения взрослых и детей.

Категория VI. Положение погребенных. Категория состоит из трех совокупностей признаков: 1 — поза умерших. В совокупность входят четыре следующих положения: на спине с согнутыми в коленях ногами, на правом и левом боку с согнутыми в коленях ногами, на правом боку с разворотом на спину и расчлененные скелеты; 2 — положение рук. Выделяем две разновидности: руки вытянуты и одна из них или обе согнуты в локте; 3 — ориентации умерших. Нами учтены восемь ориентировок: по сторонам света (север, юг, запад, восток) и промежуточным их значениям (северозапад, юго-восток, юго-запад и северо-запад).

Категория VII. Другие данные о погребениях. В нее входят данные о поле погребенных, их возрасте (выделяет три возрастные группы: взрослые, подростки, дети), а также данные о наличии красной краски на костях скелета.

Категория VIII. Керамика. В эту категорию входят три совокупности признаков: наличие сосудов в погребении; четыре возможных варианта расположения сосудов в погребальном сооружении: у головы умершего, у туловища, возле его ног и во входной яме; и две разновидности форм сосудов: округлодонные и плоскодонные.

Категория IX. Прочий инвентарь. Сюда вошли семь совокупностей признаков: наличие изделий из кости и рога, из металла, кремния, других пород камня, кроме того, наличие кремня без следов обработки, грудок охры и другого инвентаря, не учтенного нами вследствие своей редкой встречаемости.

Категория X. Кости животных. Здесь две совокупности признаков: наличие костей животных в погребениях вообще и разделение погребений с остеологическим материалом на погребения с костями птиц, мелких и крупных животных.

Общая статистическая характеристика выборки. Все данные о количественной встречаемости каждого признака в погребениях трех взятых нами территориальных групп заносятся в таблицу суммарной характеристики погребального обряда (табл. I). Кроме того, по каждой совокупности признаков отводится графа отсутствия признака или отсутствия данных о нем.

Всего, таким образом, в нашей характеристике остатков погребального обряда ямной культуры учтено 115 признаков (среди них 16 — показатели отсутствия данных), разделенных на 30 совокупностей признаков.

Для общего представления о количестве признака в данной выборке встречаемость каждого признака по памятникам суммируется. Но так как количественный показатель не дает представления с значимости признака в совокупности, то он переводится в процентный, который более удобен для сравнения. Процентный показатель вычисляется из величины показателя исчисления каж-

Суммарная характеристика погребаль

Показатель	Категория признаков		I. Месторасположение					
	Совокупность признаков		I. В пла					
	Признак	Показатель исчисления	Северо-восточный сектор	Юго-восточный сектор	Юго-западный сектор	Северо-западный сектор	В центре	На север от центра
	№ признака		1	2	3	4	5	6
Количество	ЮХ	80	1	5	20	5	20	5
	СК	65	6	11	16	7	7	2
	М	55	2	6	7	2	21	3
	Всего	200	9	22	43	14	48	10
% распределения	ЮХ	100	1,4	6,9	27,8	6,9	27,8	6,9
	СК	100	9,2	16,9	24,6	10,8	10,8	3,1
	М	100	3,7	11,1	13,0	3,7	38,9	5,5
	Норма распределения	100	4,8	11,6	21,8	7,1	25,8	5,2
Тенденция признака	ЮХ		0,3	0,6	1,3	1,0	1,1	1,3
	СК		1,9	1,4	1,1	1,5	0,4	0,6
	М		0,8	1,0	0,6	0,5	1,5	1,1

Показатель	Категория признаков		II. Конструкция				
	Совокупность признаков		I. Входная яма				
	Признак	Показатель исчисления	Есть		Нет		Нет данных
			Основное погребение	Впускное погребение	Основное погребение	Впускное погребение	
	№ признака		20	21	22	23	24
Количество	ЮХ	80	3	11	27	37	2
	СК	65	—	6	12	39	8
	М	55	—	14	20	20	1
	Всего	200	3	31	59	96	11
% распределения	ЮХ	100	3,8	14,1	34,6	47,5	
	СК	100	—	10,5	21,1	68,4	
	М	100	—	26,0	37,0	37,0	
	Норма распределения	100	1,3	16,8	30,9	51,0	
Тенденция признака	ЮХ		3,0	0,8	1,1	0,9	
	СК		—	0,6	0,7	1,4	
	М		—	1,6	1,2	0,7	

Таблица I

ного обряда племен ямной культуры

погребения в кургане

№				2. Стратиграфическое расположение				3. Ориентировка могильных ям				
На восток от центра	На юг от центра	На запад от центра	Нет данных	Впускные				Север — юг	Запад — восток	Северо-запад — юго-восток	Северо-восток — юго-запад	Нет данных
				Основное	В материковом грунте	В насыпи	Нет данных					
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
2	9	5	8	30	35	9	6	2	16	15	43	4
1	7	8	—	12	38	8	7	7	19	12	27	—
7	5	1	1	20	30	5	—	5	17	7	26	—
10	21	14	9	62	103	22	13	14	52	34	96	4
2,8	12,6	6,9		40,5	47,3	12,2		2,6	21,0	19,7	56,6	
1,5	10,8	12,3		20,7	65,5	13,8		10,8	29,2	18,5	41,5	
13,0	9,3	1,8		36,4	54,5	9,1		9,1	30,9	12,7	47,3	
5,8	10,9	7,0		32,5	55,8	11,7		7,5	27,0	17,0	48,5	
0,5	1,1	1,0		1,3	0,8	1,0		0,4	0,8	1,2	1,2	
0,3	1,0	1,7		0,6	1,2	1,2		1,4	1,1	1,1	0,8	
2,2	0,9	0,3		1,1	1,0	0,8		1,2	1,1	0,7	1,0	

могилы, сооружений

2. Перекрытие					3. Могильная яма			
Каменные плиты	Деревянное		Травянистое	Нет данных	Сужающаяся ко дну	Расширяющаяся ко дну	С вертикальными стенками	Нет данных
	Плахи	Другие виды						
25	26	27	28	29	30	31	32	33
1	12	12	6	49	9	2	62	7
—	8	9	3	45	1	8	56	—
15	—	11	5	24	5	6	44	—
16	20	32	14	118	15	16	162	7
3,2	38,7	38,7	19,4		12,3	2,7	85,0	
—	40,0	45,0	15,0		1,5	12,3	86,2	
48,4	—	35,5	16,1		9,1	10,9	80,0	
17,2	26,3	39,7	16,8		7,6	8,6	83,8	
0,2	1,5	1,0	1,1		1,6	0,3	1,0	
—	1,5	1,1	0,9		0,2	1,4	1,0	
2,8	—	0,9	1,0		1,2	1,3	1,0	

Показатель	Категория признаков		III. Форма и размеры могил							
	Совокупность признаков		1. Форма ям							
	Признак	Показатель исчисления	Прямоугольная с четкими углами	Прямоугольная с закругленными углами	Овальная	Тrapeзевидная	Прямоугольно-овальная	Другой формы	Неопределенной формы	Нет данных
Количество	ЮХ	80	—	50	10	15	3	2	4	6
	СК	65	1	43	4	2	5	—	10	—
	М	55	2	36	8	4	2	1	2	—
	Всего	200	3	129	22	11	10	3	16	6
% распределения	ЮХ	100	—	67,5	13,5	6,8	4,1	2,7	5,4	
	СК	100	1,5	65,1	6,2	3,1	7,7	—	15,4	
	М	100	3,6	65,5	14,6	7,3	3,6	1,8	3,6	
	Норма распределения	100	1,7	66,4	11,4	5,7	5,1	1,5	8,2	
Тенденция признака	ЮХ		—	1,0	1,2	1,2	0,8	1,8	0,7	
	СК		0,9	1,0	0,5	0,5	1,5	—	1,9	
	М		2,1	1,0	1,3	1,3	0,7	1,2	0,4	

Показатель	Категория признаков		V. Количественный состав погребенных в одной могиле						VI. Положение			
	Совокупность признаков		1. Коллективные						1. Поза умер			
	Признак	Показатель исчисления	Взрослый и ребенок	Взрослый и подросток	Взрослые	Дети	Одиночные	Нет данных	Показатель исчисления	На правом боку	На левом боку	На спине
Количество	ЮХ	80	5	2	1	—	71	1	88	23	3	41
	СК	65	5	1	2	—	54	1	77	18	6	37
	М	55	6	—	5	—	44	—	68	11	2	44
	Всего	200	16	3	8	2	169	2	233	52	11	122
% распределения	ЮХ	100	6,3	2,5	1,3	—	89,9	—	100	26,4	3,5	47,1
	СК	100	7,8	1,6	3,1	3,1	84,4	—	100	23,7	7,9	48,7
	М	100	10,9	—	9,1	—	80,0	—	100	18,0	3,3	72,2
	Норма распределения	100	8,3	1,4	4,5	1,0	84,8	—	100	22,7	4,9	56,0
Тенденция признака	ЮХ		0,8	1,8	0,3	—	1,1	—	—	1,1	0,7	0,8
	СК		0,9	1,2	0,7	3,1	1,0	—	—	1,1	1,6	0,9
	М		1,3	—	2,0	—	0,9	—	—	0,8	0,7	1,3

Продолж. табл. I

ных ям					IV. Погребальное ложе							
2. Размеры ям					1. Подстилка			2. Охра		3. Мел		
I группа	II группа	III группа	IV группа	Нет данных	Есть	Нет	Показатель истисления	Есть	Нет	Есть	Нет	
42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	52	
6	9	52	8	5	26	54	26	18	8	1	25	
14	19	26	6	—	22	43	22	16	6	6	16	
1	4	33	17	—	36	19	36	25	11	3	33	
21	32	111	31	5	84	116	84	59	25	10	74	
8,0	12,0	69,3	10,7		32,5	67,5	100	69,3	30,7	3,8	96,2	
21,6	29,2	40,0	9,2		33,8	66,2	100	72,7	27,3	27,3	72,7	
1,8	7,3	60,0	30,9		65,4	34,6	100	69,4	30,6	8,4	91,6	
10,4	16,2	56,5	16,9		43,9	56,1	100	70,5	29,5	13,2	86,8	
0,7	0,7	1,2	0,6		0,7	1,2		1,0	1,1	0,3	1,1	
2,1	1,8	0,7	0,6		0,8	1,2		1,0	0,9	2,1	0,8	
0,2	0,5	1,1	1,8		1,5	0,6		1,0	1,0	0,6	1,1	

погребенных

ших			2. Положение рук			3. Ориентировка скелетов								
На правом боку с разворотом на спину	Расчлененные	Нет данных	Вытянутые	Согнутые	Нет данных	Головой на север	Головой на юг	Головой на запад	Головой на восток	Головой на северо-восток	Головой на юго-восток	Головой на юго-запад	Головой на северо-запад	Нет данных
62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76
18	2	1	26	46	16	1	2	1	25	44	13	—	1	1
13	2	1	20	40	17	7	3	1	22	29	8	2	3	2
4	—	7	22	19	27	2	1	3	18	32	4	5	2	1
35	4	9	68	105	60	10	6	5	65	105	25	7	6	4
20,7	2,3		36,1	63,9		1,1	2,3	1,1	28,8	50,6	15,0	—	1,1	
17,1	2,6		33,4	66,6		9,3	4,0	1,3	29,3	38,7	10,7	2,7	4,0	
6,5	—		53,7	46,3		3,0	1,5	4,5	26,9	47,7	6,0	7,4	3,0	
14,8	1,6		41,1	58,9		4,5	2,6	2,3	28,3	45,7	10,6	3,3	2,7	
1,5	1,4		0,9	1,1		0,2	0,9	0,5	1,0	1,1	1,4	—	0,4	
1,1	1,6		0,8	1,1		2,1	1,5	0,5	1,0	0,9	1,0	0,8	1,5	
0,4	—		1,3	0,8		0,7	0,6	2,0	1,0	1,0	0,6	2,2	1,1	

Показатель	Категория признаков		VII. Другие данные о погребенных									Показатель исчисления
	Совокупность признаков		1. Пол			2. Возраст				3. Охрана костей		
	Признак	Показатель исчисления	Мужчины	Женщины	Нет данных	Взрослые	Подростки	Дети	Нет данных	Есть	Нет	
Количество	ЮХ	88	4	3	81	71	3	14	—	58	30	80
	СК	77	4	—	73	44	6	26	1	70	7	65
	М	68	12	2	54	57	1	10	—	58	10	55
	Всего	233	20	5	208	172	10	50	1	186	47	200
% распределения	ЮХ	100	57,1	42,9		80,7	3,4	15,9		65,9	34,1	100
	СК	100	100	—		57,9	7,9	34,2		90,9	9,1	100
	М	100	85,7	14,3		83,8	1,5	14,7		85,3	14,7	100
	Норма распределения	100	80,9	19,1		74,1	4,3	21,6		80,7	19,3	100
Тенденция признака	ЮХ		0,7	2,2		1,1	0,8	0,7		0,8	1,8	
	СК		1,2	—		0,8	1,8	1,6		1,1	0,5	
	М		1,1	0,8		1,1	0,4	0,7		1,1	0,7	

Показатель	Категория признаков		IX. Прочий инвентарь							
	Совокупность признаков		1. Изделия из кости		2. Изделия из металла		3. Инвентарь из кремня			
	Признак	Показатель исчисления	Есть	Нет	Есть	Нет	Необработанный		Изделия	
							Есть	Нет	Есть	Нет
№ признака		96	97	98	99	100	101	102	103	
Количество	ЮХ	80	12	68	3	77	2	78	2	78
	СК	65	12	53	3	62	5	60	8	57
	М	55	2	53	3	52	2	53	9	46
	Всего	200	26	174	9	191	9	191	19	181
% распределения	ЮХ	100	15,0	85,0	3,8	96,2	2,5	97,5	2,5	97,5
	СК	100	18,5	81,5	4,6	95,4	7,7	92,3	12,3	87,7
	М	100	3,6	96,4	5,5	94,5	3,6	96,4	16,4	83,6
	Норма распределения	100	12,4	87,6	4,6	95,4	4,6	95,4	10,4	89,6
Тенденция признака	ЮХ		1,2	1,0	0,8	1,0	0,5	1,0	0,2	1,1
	СК		1,5	0,9	1,0	1,0	1,7	1,0	1,2	1,0
	М		0,3	1,1	1,2	1,0	0,8	1,0	1,6	0,9

VIII Керамика											
1. Сосуды		Показатель исчисления	2. Расположение сосудов					3. Форма сосудов			
Есть	Нет		У головы	У ног	У туловища	Во входной яме	Нет данных	Круглодонные	Плоскодонные	Нет данных	
											86
26	54	26	11	3	9	2	1	4	19	3	
22	43	22	18	1	2	—	1	6	16	—	
9	46	9	4	1	2	2	—	8	1	—	
57	143	57	33	5	13	4	2	18	36	3	
32,5	67,5	100	44,0	12,0	36,0	8,0		17,4	82,6		
33,8	66,2	100	85,7	4,8	9,5	—		27,3	72,7		
16,4	83,6	100	44,5	11,1	22,2	22,2		88,9	11,1		
27,6	72,4	100	58,0	9,3	22,6	10,1		44,5	55,5		
1,2	0,9		0,7	1,3	1,6	0,8		0,4	1,5		
1,2	0,9		1,5	0,5	0,4	—		0,6	1,3		
0,6	1,2		0,8	1,2	1,0	2,2		2,0	0,2		

X. Кости животных												
4. Изделия из камня		5. Грудки охры		6. Другой инвентарь		1. Наличие костей		Показатель исчисления	2. Виды животных			
Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет		Птица	Мелкие животные	Крупные животные	Неопределенные виды
3	77	11	69	6	74	9	71	9	—	7	1	1
4	61	19	46	4	61	22	43	22	4	10	4	4
3	52	15	40	9	46	2	53	2	—	1	1	—
10	190	45	155	19	181	33	167	33	4	18	6	5
3,8	96,2	13,7	86,3	7,5	92,5	11,2	88,8	100	—	77,8	11,1	11,1
6,1	93,9	29,2	70,8	6,2	93,8	33,8	66,2	100	18,2	45,4	18,2	18,2
5,5	94,5	27,3	72,7	16,3	83,7	3,6	96,4	100	—	50,0	50,0	—
5,1	94,9	23,4	76,6	10,0	90,0	16,2	83,8	100	6,0	57,7	26,4	9,7
0,7	1,0	0,6	1,1	0,8	1,0	0,7	1,1		—	1,3	0,4	1,1
1,2	1,0	1,2	0,9	0,6	1,1	2,1	0,8		3,0	0,8	0,7	1,9
1,1	1,0	1,2	1,0	1,6	0,9	0,2	1,1		—	0,9	1,9	—

дого памятника без данных об отсутствии признака. Процентные показатели заносятся в табл. I в раздел «Процентное распределение признаков». Здесь же подсчитывается норма распределения каждого признака по всем сравниваемым памятникам⁹.

Последней операцией, фиксируемой в табл. I, является определение тенденций признаков, которые показывают степень отличия распределения их в данном памятнике от общей нормы распределения. Мы определяем тенденцию встречаемости каждого отдельного признака по каждому памятнику в отдельности. Тенденция признака определяется путем деления величины процента встречаемости его в каждом отдельном памятнике на норму его распределения по всем памятникам¹⁰. Тенденция, выраженная числом меньше единицы, свидетельствует, что процент встречаемости признака на данном памятнике ниже нормы распределения, и наоборот, если она больше единицы — значит процент встречаемости признака в данном памятнике выше нормы распределения.

Табл. I предназначена для учета всех данных о материальных остатках археологического источника (в данном случае погребального обряда) и является наглядным пособием, по которому могут проводиться дальнейшие исследования. Таким образом, данных табл. I достаточно для того, чтобы дать полную статистическую характеристику погребального обряда рассматриваемых памятников, как в целом, так и каждого памятника в отдельности, а также охарактеризовать каждый признак. Кроме того, перевод всех данных о соотношении признаков погребального обряда в проценты облегчает как задачу сравнительного анализа, так и задачу анализа самих признаков.

Определение культурного единства выборки. Для определения культурного единства выборки необходимо произвести сравнительный анализ памятников, входящих в нее. На основании процентного распределения признаков в каждом памятнике определяются коэффициенты парного сходства по совокупности признаков погребального обряда, которые заносятся в отдельную таблицу (табл. II). В данном случае сравниваются три пары: ЮХ—СК, ЮХ—М, СК—М. Сходство подсчитывается по сумме процентного содержания признаков данной совокупности в двух сравниваемых памятниках, причем из двух данных процентных показателей по одному признаку учитывается меньшее. Например: если признак наличия красной краски на костях скелета (№ 84) в группе ЮХ составляет 65,9% (соответственно процент скелетов, на которых краски нет равен 34,1%), а в группе СК — 90,9% (процент неокрашенных скелетов 9,1%), то сходство этих памятников

⁹ Весь механизм подсчета процентного показателя, а также нормы распределения признака по памятникам изложены в работе: *Генинг В. Ф., Борзюнов В. А. Указ. соч.*, с. 46.

¹⁰ Определение величины тенденции признака подобным образом было сделано по совету В. Ф. Генинга.

по данному признаку будет: $65,9 + 9,1 = 75\%$. То есть учитывается как процент наличия, так и отсутствие признака.

Коэффициенты парного сходства по совокупностям признаков позволяют получить средний коэффициент сходства взятых нами для сравнения территориальных групп. Кроме того, вычисляется среднеквадратическое отклонение значения коэффициента парного сходства, которое указывает вариационный размах их ¹¹.

По данным табл. II можно определить и критерий значимости величины сходства, который вычисляется от максимальной величины коэффициента парного сходства (в данном случае от 84,9%, пара ЮХ—СК). Если принять как значимый уровень сходства 0,9, то критерий значимости величины сходства будет равен: $84,9 \times 0,9 = 76,4$. Таким образом, сходство больше, чем на 76,4%, будет считаться высоким, а меньше — низким ¹².

В целом как средний, так и каждый парный коэффициенты сходства признаков погребального обряда различных групп племен ямной культуры взятой нами территории довольно высоки, средний равен 82,7% (ЮХ—СК = 84,9%, ЮХ—М = 83,2%, СК—М = 79,9%), что может свидетельствовать о принадлежности памятников, судя по погребальному обряду, к единой ямной культуре.

Это можно отразить в графе, имеющей довольно высокую замкнутую связь (рис. 2). Однако даже в графе со столь высокой замкнутой связью можно заметить, что между группами СК и М она несколько ниже, чем между группами ЮХ и СК, и ЮХ и М. Если граф развернуть, оставив в центре группу с самыми высокими связями (такой является группа ЮХ), то получится ряд, на двух противоположных концах которого находятся группы СК и М, имеющие наименьшую степень сходства между собой (рис. 2). Это свидетельствует о наличии территориальных различий в погребальном обряде ямных племен Северного Кавказа и Приазовья, при этом группа ЮХ выступает в роли как бы связующей имеющей черты как группы СК, так и группы М.

Таким образом, существовали локальные группы погребений на рассматриваемой территории.

Если более детально рассмотреть таблицу парного сходства наших территориальных групп по совокупностям признаков, то мы

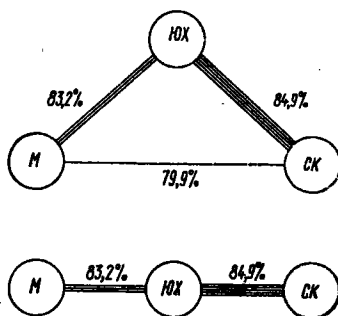

Рис. 2. Граф связей территориальных групп погребений по степени сходства.

¹¹ Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Указ. соч., с. 59.

¹² Там же., с. 61.

Коэффициенты парного сходства по совокупностям при

Категория	I			II			III	
	1	2	3	1	2	3	1	2
Совокупность признаков	1—9	11—13	15—18	20—23	25—28	30—32	34—40	42—45
№ признаков	1—9	11—13	15—18	20—23	25—28	30—32	34—40	42—45
ЮХ — СК	72,9	80,2	83,6	79,1	92,4	89,2	84,9	69,2
ЮХ — М	72,2	92,8	83,6	85,7	54,8	91,8	94,8	81,1
СК — М	57,8	84,3	92,5	68,6	50,5	92,4	83,5	58,3
В среднем	67,6	85,7	86,5	77,8	65,9	91,1	87,7	69,5
Среднеквадратическое отклонение	7,0	5,2	4,2	7,0	18,8	1,4	5,0	9,3

Категория	VIII			IX		
	1	2	3	1	2	3
Совокупность признаков	86—87	88—91	93—94	96—97	98—99	100—101
№ признаков	86—87	88—91	93—94	96—97	98—99	100—101
ЮХ — СК	98,7	58,3	90,1	95,2	99,2	94,8
ЮХ — М	83,9	85,3	23,8	89,9	98,3	98,9
СК — М	82,6	58,8	38,4	85,1	99,1	95,9
В среднем	88,4	67,4	52,7	90,0	98,8	96,5
Среднеквадратическое отклонение	7,6	12,6	26,8	4,1	0,7	1,7

можем выделить ряд совокупностей, наиболее существенно повлиявших на понижение коэффициента сходства групп СК и М. Это такие совокупности: месторасположение погребений в плане кургана по отношению к сторонам света; наличие входных ям у основных и впускных погребений; перекрытие могильных ям; размеры могильных ям; наличие подстилки; расположение сосудов в погребальном сооружении; форма сосудов; наличие костей животных. Данные совокупности заслуживают внимания, поскольку в основном они дали самые низкие средние значения коэффициентов парного сходства, а это означает, что признаки, заключенные в этих совокупностях, несут в себе основной потенциал территориальных различий. Кроме того, необходимо отметить, что представляется важным поиск новых совокупностей более измелченных признаков, которые не учтены в данной работе, но могут оказаться весьма существенными. То, что такие совокупности признаков, как, например, расположение сосудов в погребальном сооружении, их форма дали наи-

Таблица II

знаков погребального обряда племен ямной культуры

IV			V	VI			VII		
1	2	3	1	1	2	3	1	2	3
47—48	49—50	51—52	53—57	59—63	65—66	68—75	77—78	80—82	84—85
98,7	96,6	76,5	93,6	89,1	97,3	83,8	57,1	77,2	75,0
67,1	99,9	95,4	87,6	73,6	82,4	85,4	71,4	96,9	80,6
68,4	96,7	81,1	90,9	79,8	79,7	83,1	85,7	74,1	94,4
78,0	97,6	84,3	90,7	80,8	86,4	84,1	71,4	82,7	83,3
14,6	1,5	8,0	2,5	6,4	7,7	1,1	10,1	10,0	8,1

				X		В среднем	Среднеквадратическое отклонение
4	5	6	7	1	2		
102—103	104—105	106—107	108—109	110—111	112—115		
90,2	97,7	84,5	98,7	77,4	67,6	84,9	11,8
86,1	98,3	86,4	91,2	92,4	61,1	83,2	11,3
95,9	99,4	98,1	89,9	69,8	63,6	79,9	15,9
90,7	98,4	89,6	93,2	79,8	64,1	82,7	11,2
4,0	0,7	6,0	3,9	9,3	2,7	2,0	

меньший средний коэффициент сходства свидетельствует о правильности нашего утверждения. Конечно, признаки должны измельчаться не больше, чем до предела их достаточной представительности.

Критерий достаточной представительности признака можно сформулировать так: если наличие признака на каждом из сравниваемых памятников составляет меньше 3%, то такой признак считается недостаточно значимым или непредставительным.

Например: признак 54 (наличие коллективных погребений взрослого с подростком) встречается в группе ЮХ — 2 раза, в группе СК — 1 раз, а в группе М — ни разу. В процентном выражении это соответственно составляет: 2,5 и 1,6%, то есть меньше 3%, а потому признак считается непредставительным.

Трехпроцентный рубеж распределения признака по памятникам, на наш взгляд, можно считать пределом измельчения признака, так как большее измельчение увеличивает возможность случайности и поэтому нецелесообразно. В связи с этим непредставитель-

ные признаки можно не учитывать, однако, поскольку они в какой-то мере могут быть следствием погрешности выборки, мы обращаем внимание и на них.

Группировка признаков погребального обряда. Для более подробной характеристики погребального обряда необходимо произвести группировку его признаков. По данным табл. I выделяем три группы признаков: всеобщие, локальные и частные, которые для наглядности заносим в отдельную табл. III. Деление признаков на группы производится в зависимости от наличия их на памятниках и величины тенденции совокупности признака на каждом из памятников.

Ко всеобщим относятся признаки, присутствующие на всех памятниках и имеющие величину тенденции от 0,6 и выше. Кроме того, величины тенденций признаков на каждом памятнике не должны намного превышать одна другую. Наибольшее допустимое превышение условимся считать в 1,8 раза.

Например: признак 12 с величинами тенденций 0,8; 1,2; 1,0 — всеобщий, а признак 3 с величинами тенденций 1,3; 1,1; 0,6 уже не может считаться всеобщим, так как величина тенденции признака на первом памятнике больше величины тенденции признака на третьем в два раза (табл. I).

К локальным относятся признаки, присутствующие как минимум на двух памятниках и как максимум на всех, кроме одного. Однако часто признак присутствует на всех памятниках, в таком случае определить его локальный характер можно по величине тенденции. Так, признак будет считаться локальным для тех памятников, у которых: 1) величина тенденции признака больше 0,6 и в то же время больше, как минимум, в 1,8 раза, величины тенденции этого же признака на другом памятнике, для которого он не будет считаться локальным; 2) величины тенденций признака на памятниках, претендующих на локальность по данному признаку, не должны превышать одна другую более чем в 1,8 раза.

Если не будет соблюдено первое правило, то такой признак можно считать условно локальным, поскольку, возможно, здесь сказывается некоторая погрешность выборки. Если же не будет соблюдено второе правило, то признак будет считаться или частным (если в локальность входят только два памятника), или условно локальным (если в локальность входят несколько памятников), причем памятник, локальность которого по данному признаку сомнительна, не будет входить в эту локальность.

Если все критерии локальности признака имеются на нескольких памятниках, а на остальных данного признака нет вообще, то такая локальность будет считаться чистой. Таким образом, мы выделяем среди локальных признаков чистые локальные и условно локальные.

Например: признак 26, величины тенденций которого по памятникам равны 1,5; 1,5; 0,0 — является локальным чистым, так как

он присутствует на двух памятниках, а на третьем отсутствует вообще. Признак 4 с величинами тенденций по памятникам 1,0; 1,5; 0,5 — является локальным для первых двух памятников. Признак 2 с величинами тенденций 0,6; 1,4, 0,9 — является условно локальным для второго и третьего памятников, а признак 1 с величинами тенденций 0,3; 1,9; 0,8 — не может считаться локальным, потому что из двух последних памятников, претендующих на локальность по данному признаку, величина тенденции признака на втором больше величины тенденции признака на третьем в два раза (табл. I).

К частным признакам относятся такие, которые присутствуют на одном памятнике и характерны только для него. Но, поскольку и в этом случае признак может быть обнаружен на всех памятниках, то вводится критерий соотношения величин тенденций признака. К частным может быть отнесен признак такого памятника, на котором величина тенденции данного признака больше величины тенденции его на любом другом памятнике как минимум в 1,8 раза. Опять же, если признак присутствует лишь на одном памятнике, а на других отсутствует то он будет считаться частным чистым признаком.

Например: признак 25 имеет величины тенденции по памятникам 0,2; 0,0; 2,8 — это частный, характерный лишь для третьего памятника признак, а признак 112 — с величинами тенденций 0,0; 3,0; 0,0 — является частным чистым признаком для второго памятника (табл. I).

Чистые локальные и частные признаки являются наиболее значимыми, так как четко ограничивают один памятник от другого, что особенно важно для фиксирования их территориальных различий. Остальные локальные и частные признаки менее значимы, чем чистые. Наименее значимыми являются условно-локальные признаки, поскольку они нуждаются в дальнейшей корректировке.

Определение связей территориальных групп погребений по признакам погребального обряда. Все рассматриваемые нами территориальные группы погребений связаны между собой наличием тех или иных общих признаков, но характер этих связей различен и зависит от принадлежности признака к той или иной группе.

Всеобщие признаки. Всеобщие признаки в равной мере характерны для всех рассматриваемых памятников, они отражают их всеобщие связи. Именно они являются выразителями принадлежности погребальных памятников к единой археологической культуре, и не случайно, что по категории VIII, признаки которой дали наименьший коэффициент парного сходства, нет ни одного всеобщего признака (табл. III).

В нашей выборке из 99 признаков (не учитывая признаки отсутствия данных) 27 (27,3%) являются всеобщими, причем процентное распределение каждого из них по памятникам, а следовательно и их значимость, различны. Значимость всеобщих признаков определяется на основании величины нормы распределения их по

Группировка признаков погребального

Категория	1. Всеобщие			2. Локаль
	Признак и его №	%	$\sigma \pm$	Признак и его №
I	8. Расположение погребений на юг от центра кургана	10,9	$\pm 1,4$	2. Расположение погребений в юго-восточном секторе кургана
	12. Впускные погребения в материковом грунте	55,8	$\pm 7,5$	3. Расположение погребений в юго-западном секторе кургана
	13. Впускные погребения в насыпи кургана	11,7	$\pm 1,9$	4. Расположение погребений в северо-западном секторе кургана
	16. Ориентировка могильных ям по линии запад — восток	27,0	$\pm 4,3$	5. Расположение погребений в центре кургана
	17. Ориентировка могильных ям по линии северо-запад — юго-восток	17,0	$\pm 3,0$	6. Расположение погребений на север от центра кургана
	18. Ориентировка могильных ям по линии северо-восток — юго-запад	48,5	$\pm 6,2$	9. Расположение погребений к западу от центра кургана
II	22. Основные погребения без входных ям	30,9	$\pm 7,0$	11. Основные погребения
	27. Другие виды деревянных перекрытий ям	39,7	$\pm 3,9$	15. Ориентировка могильных ям по линии север — юг
	28. Травянистые перекрытия могильных ям	16,8	$\pm 1,9$	23. Впускные погребения без входных ям
	32. Могильные ямы с вертикальными стенками	83,8	$\pm 2,7$	
	30. Могильные ямы, сужающиеся книзу			26. Перекрытие могильных ям плахами
III	35. Ямы прямоугольные с закругленными углами	66,4	$\pm 1,5$	31. Могильные ямы, расширяющиеся книзу
	44. Могильные ямы III группы по размерам	56,5	$\pm 12,2$	
				36. Могильные ямы овальной формы
IV	49. Наличие охры на дне могильных ям	70,5	$\pm 1,6$	37. Могильные ямы трапециевидной формы
				39. Наличие других форм ям

Таблица III

обряда племен ямной культуры

ные			3. Частные			
ЮХ	СК	М	Признак и его №	ЮХ	СК	М
6,9	16,9	11,1	1. Расположение погребений в северо-восточном секторе кургана	1,4	9,2	3,7
27,8	24,6	13,0	7. Расположение погребений на восток от центра	2,8	1,5	13,0
6,9	10,8	3,7				
27,8	10,8	38,9				
6,9	3,1	5,5				
6,9	12,3	1,8				
40,5	20,7	36,4				
2,6	10,8	9,1				
47,5	68,4	37,0				
38,7	40,0	—	20. Основные погребения со входной ямой	3,8	—	—
12,3	1,5	9,1	21. Впускные погребения со входной ямой	14,1	10,5	26,0
2,7	12,3	10,9	25. Перекрытие могильных ям каменными плитами	3,2	—	48,4
13,5	6,2	14,6	34. Могильные ямы прямоугольные с четкими углами	—	1,5	3,6
6,8	3,1	7,3	33. Прямоугольно-овальные могильные ямы	4,1	7,7	3,6
2,7	—	1,8	40. Могильные ямы неопределенной формы	5,4	15,4	3,6
			42. Могильные ямы I группы по размерам	8,0	21,6	1,8
			43. Могильные ямы II группы по размерам	12,0	29,2	7,3
			45. Могильные ямы IV группы по размерам	10,7	9,2	30,9
			47. Наличие подстилки	32,5	33,8	65,4
			51. Наличие мела на дне могильных ям	3,8	27,3	8,4

Категория	1. Всеобщие			2. Локаль	
	Признак и его №	%	$\sigma \pm$	Признак и его №	
V	53. Погребение взрослого и ребенка	8,3	$\pm 1,9$	54. Погребение взрослого и подростка	
	57. Одиночные погребения	84,8	$\pm 4,0$		
VI	59. Положение умерших на правом боку	22,7	$\pm 3,5$	62. Положение умерших на правом боку с разворотом на спину 63. Наличие расчлененных скелетов 69. Ориентировка умерших головой на юг 73. Ориентировка умерших головой на северо-запад 75. Ориентировка умерших головой на северо-запад	
	61. Положение умерших на спине	56,0	$\pm 11,5$		
	65. Вытянутое положение рук	41,1	$\pm 9,0$		
	66. Руки в согнутом положении	58,9	$\pm 9,0$		
	71. Ориентировка умерших головой на восток	28,3	$\pm 1,0$		
	72. Ориентировка умерших головой на северо-восток	45,7	$\pm 5,0$		
VII	77. Мужчины	80,9	$\pm 17,8$	86. Наличие сосудов в погребении 89. Расположение сосудов у ног погребенного 90. Расположение сосудов у туловища погребенного 94. Сосуд плоскодонный	
	80. Взрослые	74,1	$\pm 11,6$		
	84. Наличие охры на костях скелета	80,7	$\pm 10,7$		
VIII					
IX	98. Изделия из металла	4,6	$\pm 1,2$		96. Изделия из кости 102. Изделия из кремня 106. Грудки охры
	104. Изделия из других пород камня	5,1	$\pm 1,0$		
X	113. Наличие костей мелких животных	57,7	$\pm 14,3$	115. Наличие костей животных неопределенных видов	

* Курсивом выделены показатели человек-локальных признаков.

все			3. Частные			
ЮХ	СК	М	Признак и его №	ЮХ	СК	М
2,5	1,6	—	55. Коллективные погребения взрослых	1,3	3,1	9,1
			56. Коллективные погребения детей	—	3,1	—
20,7	17,1	6,5	60. Положение умерших на левом боку	3,5	7,9	3,3
2,3	2,6	—	68. Ориентировка умерших головой на север	1,1	9,3	3,0
2,3	4,0	1,5	70. Ориентировка умерших головой на запад	1,1	1,3	4,5
15,0	10,7	6,0	74. Ориентировка умерших головой на юго-запад	—	2,7	7,4
1,1	4,0	3,0				
			78. Женщины	42,9	—	14,3
			81. Подростки	3,4	7,9	1,5
			82. Дети	15,9	34,2	14,7
32,5	33,8	16,4	88. Расположение сосуда у головы погребенного	44,0	85,7	44,5
12,0	4,8	11,1	91. Расположение сосуда во входной яме	8,0	—	22,2
36,0	9,5	22,2	93. Сосуд круглодонный	17,4	27,3	88,9
82,6	72,7	11,1				
15,0	18,5	3,6	100. Наличие необработанного кремня	2,5	7,7	3,6
2,5	12,3	16,4	108. Наличие другого инвентаря	7,5	6,2	16,3
13,7	29,2	27,3				
11,1	18,2	—	110. Наличие костей животных	11,2	33,8	3,6
			112. Наличие костей птиц	—	18,2	—
			114. Наличие костей других животных	11,1	18,2	50,0

памятникам (чем больше норма распределения, тем значимей признак). Следует отметить, что норма распределения всеобщих признаков по памятникам колеблется в пределах от 4,6 до 84,8%. 16 признаков (59,2%) имеют норму распределения по памятникам больше 40%. Это такие признаки: наличие одиночных погребений (84,8%), наличие могильных ям с вертикальными стенками (83,8%), наличие охры на костях умерших (80,7%) и др. (табл. III). Они являются наиболее массовыми, а потому и наиболее значимыми всеобщими признаками.

Всеобщие признаки не являются разделяющими, они, наоборот, объединяют рассматриваемые памятники. Разделяющими признаками являются локальные и частные.

Локальные признаки. Локальные признаки содержат в себе информацию о локальных группах погребений. В нашей выборке их 29 (29,3%), из них четыре — условно-локальные и пять — локальные чистые (табл. III). В данном случае, когда сравниваются три памятника, локальные признаки могут быть характерны только для двух памятников. В результате возможно выделение трех локальных пар: ЮХ—СК, ЮХ—М, СК—М. Эти локальные пары с типичными для них признаками мы для большей наглядности выписываем из табл. III в отдельную таблицу локальных

Таблица IV

Связи территориальных групп погребений по количеству локальных признаков погребального обряда

Признак и его №	ЮХ		СК		М	
	%	тенд.	%	тенд.	%	тенд.
26. Перекрытие могильных ям плахами	38,7	1,5	40,0	1,5		
115. Наличие костей животных неопределенных видов	11,1	1,1	18,2	1,9		
63. Наличие расчлененных скелетов	2,3	1,4	2,6	1,6		
54. Погребения взрослого и подростка	2,5	1,8	1,6	1,2		
94. Сосуд плоскодонный	82,6	1,5	72,7	1,3	11,1	0,2
96. Изделия из кости	15,0	1,2	18,5	1,5	3,6	0,3
9. Расположение погребений на запад от центра	6,9	1,0	12,3	1,7	1,8	0,3
62. Положение умерших на правом боку с разворотом на спяну	20,7	1,5	17,1	1,1	6,5	0,4
4. Расположение погребений в северо-западном секторе кургана	6,9	1,0	10,8	1,5	3,7	0,5
86. Наличие сосудов в погребении	32,5	1,2	33,8	1,2	16,4	0,6
3. Расположение погребений в юго-западном секторе кургана	27,8	1,3	24,6	1,1	13,0	0,6
73. Ориентировка умерших головой на юго-восток	15,0	1,4	10,7	1,0	6,0	0,6
69. Ориентировка умерших головой на юг	2,3	0,9	4,0	1,5	1,5	0,6
23. Впускные погребения без входных ям	47,5	0,9	68,4	1,4	37,0	0,7

Продолж. табл. IV

Признак его №	ЮХ		М		СК	
	%	тенд.	%	тенд.	%	тенд.
39. Наличие других форм ям	2,7	1,8	1,8	1,2		
30. Могильные ямы, сужающиеся книзу	12,3	1,6	9,1	1,2	1,5	0,2
5. Расположение погребений в центре кургана	27,8	1,1	38,9	1,5	10,8	0,4
90. Расположение сосудов у туловища погребенного	36,0	1,6	22,2	1,0	9,5	0,4
36. Могильные ямы овальной формы	13,5	1,2	14,6	1,3	6,2	0,5
89. Расположение сосудов у ног погребенного	12,0	1,3	11,1	1,2	4,8	0,5
37. Могильные ямы трапециевидной формы	6,8	1,2	7,3	1,3	3,1	0,5
11. Основные погребения	40,5	1,3	36,4	1,1	20,7	0,6
6. Расположение погребений на север от центра кургана	6,9	1,3	5,5	1,1	3,1	0,6

Признак его №	СК		М		ЮХ	
	%	тенд.	%	тенд.	%	тенд.
102. Изделия из кремня	12,3	1,2	16,4	1,6	2,5	0,2
31. Могильные ямы, расширяющиеся ко дну	12,3	1,4	10,9	1,3	2,7	0,3
15. Ориентировка могильных ям по линии север — юг	10,8	1,4	9,1	1,2	2,6	0,4
75. Ориентировка умерших головой на северо-запад	4,0	1,5	3,0	1,1	1,1	0,4
106. Грудки охры	29,2	1,2	27,3	1,2	13,7	0,6
2. Расположение погребений в юго-восточном секторе кургана	16,9	1,4	1,1	1,0	6,9	0,6

* Курсивом выделены показатели нетипичные для данного памятника.

связей памятников в порядке значимости локальных признаков (табл. IV).

Значимость локального признака определяется в зависимости от суммы величин тенденций данного признака на памятниках, для которых он типичный. При равенстве величин сумм тенденций признаков более значимым будет считаться тот, общее процентное распределение которого по памятникам будет больше. Например: признаки 26 и 115, характерные для пары ЮХ—СК, имеют равную сумму величин их тенденций — по 3,0. Однако поскольку процентное распределение признака 26 по этим памятникам больше (26: ЮХ—СК — 38,7%, СК — 40%; 115: ЮХ — 11,1%, СК — 18,2%), то он будет считаться более значимым и займет в табл. IV более высокую ступеньку (табл. IV).

Таким образом, табл. IV является упорядоченной по величине тенденций признаков. Если сумма величин тенденций признаков на памятниках, для которых они типичны, уменьшается в таблице сверху вниз, то, соответственно, величина тенденций признаков на остальных памятниках будет увеличиваться (табл. IV). То есть, другими словами, сумма величин тенденций признака на памятниках, для которых он типичен, обратно пропорциональна сумме величин тенденций этого же признака на памятниках, для которых он не типичен.

Для пары ЮХ—СК характерны 14 локальных признаков (48,3%), из них 4 признака чистые, они наиболее значимы и расположены в верхней части таблицы, и 3 — условно-локальные, как наименее значимые они занимают нижнюю часть таблицы (табл. IV).

Для пары ЮХ—М характерны девять локальных признаков (31%), из них один признак является чистым, а для пары СК—М — всего 6 признаков (20,7%), из них один условно-локальный и ни одного чисто (табл. IV).

Частные признаки. Каждая из трех взятых нами территориальных групп погребений имеет присущие ей частные признаки, которые так же, как и локальные, содержат в себе информацию о локальных группах погребений. Всего частных признаков в нашей выборке 30 (30,3%), из них 3 признака являются чистыми, а следовательно, и наиболее значимыми (табл. III). Значимость частных признаков определяется аналогично значимости локальных по величине тенденций признака.

Группа ЮХ имеет два частных признака (6,7%): наличие основных погребений со входной ямой и наличие женских особей в погребениях. Однако поскольку второй признак слабо отражает действительное соотношение данных о поле умерших по причине недостаточности исследования антропологического материала (так, в группе М определен пол лишь 20,6% всех скелетов, в группе ЮХ — только 8%, а в группе СК — всего 6%), то можно сказать, что в данной выборке в группе ЮХ практически имеется один частный признак, хотя и он не весьма значим, так как составляет всего 3,8% общего количества погребений группы.

Группа СК имеет 15 (50%) частных признаков: наличие костей птиц в погребениях; наличие коллективных детских погребений; наличие в погребениях костей животных вообще; наличие мела на дне могильных ям; наличие могильных ям I группы по размерам; ориентация умерших головой на север; наличие могильных ям форма которых точно неопределена; расположение погребений в северо-восточном секторе кургана; наличие могильных ям II группы по размерам; наличие подростков в погребениях; наличие кремня без следов обработки; наличие детей в погребениях; положение умерших на левом боку с согнутыми в коленях ногами; расположение сосудов у головы погребенного; наличие прямоугольно-овальных могильных ям (табл. III).

Группа М имеет 13 (43,3%) частных признаков: перекрытие могильных ям каменными плитами; наличие сосудов во входной яме; расположение погребений строго на восток от центра кургана; ориентация умерших головой на юго-запад; наличие прямоугольных могильных ям с четкими углами; наличие круглодонных сосудов; наличие коллективных погребений взрослых; ориентация умерших головой на запад; наличие в погребении костей крупных животных; наличие могильных ям IV группы по размерам; наличие впускных погребений с входной ямой; наличие другого инвентаря в погребениях; наличие подстилки на дне могильных ям (табл. III).

Исходя из данных таблицы группировки признаков погребального обряда, мы можем начертить граф, который в какой-то степени отражает связи между тремя взятыми нами территориальными группами погребений по количеству локальных признаков (рис. 3). Так, самая сильная связь между группами ЮХ и СК—14 общих локальных признаков. У групп ЮХ и М — девять общих локальных признаков, а у групп СК и М — всего шесть общих локальных признаков.

В целом группа ЮХ имеет с двумя другими наибольшее число общих локальных признаков — 23, группа СК — 20, а группа М — 15 (рис. 3). Частных же признаков в группе ЮХ меньше всего — два, а в группах СК и М, между которыми меньше всего связь по количеству локальных признаков, больше всего частных признаков (СК—15, М—13) (рис. 3).

Таким образом, анализ признаков погребального обряда подтвердил заключение о том, что погребениям группы ЮХ присущи наиболее смешанные признаки, в то время как погребения групп СК и М обладают более индивидуальными чертами, что и отразилось в принадлежащих им частных признаках. В дальнейшем, выделенные нами в данной работе локальные и частные признаки должны послужить основой для выделения территориальных групп погребений рассматриваемого массива.

Территория, которой принадлежит массив погребений, рассматриваемых в данной работе, является небольшим участком, входящим в огромную по размерам древнеямную культурно-историческую область. Понятно, что на таком небольшом участке нельзя решить ряд проблем, связанных со столь крупным историческим явлением, и все же, наряду с обобщающими исследованиями, охватывающими всю область на огромной территории, необходимы также исследования на отдельных составляющих ее участках, которые смогли бы дать ответы на основные вопросы истории конкретных группировок древнеямных племен.

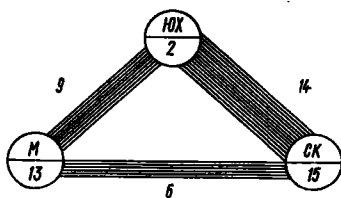

Рис. 3. Граф связей территориальных групп погребений по количеству локальных признаков погребального обряда.

Для решения проблем древнейшей культурно-исторической области важна выработка единой методики исследования, которую можно было бы применить как для небольшого массива, составляющего локальный вариант культуры, так и для более крупного, объединяющего несколько локальных вариантов, а также в масштабе всей культурно-исторической области.

Настоящая работа представляет собой пример применения такой методики на конкретной территории, выбор которой совершенно условен. В связи с этим следует заметить, что примененный нами термин «локальные группы погребений» не может быть адекватным термину «локальные варианты культуры». Он обозначает лишь часть данного массива, входящую в его структуру. При рассмотрении в дальнейшем массива большего масштаба, возможно, данный массив будет выступать как единый и будет входить отдельной ячейкой в структуру этого более крупного массива.

В заключение следует отметить, что данная работа не претендует на какие-либо окончательные выводы. Она является первой попыткой применения формализации и статистических методов для характеристики погребального обряда племен ямной культуры, которые могли бы послужить основой для дальнейших исследований.

Е. П. БУНЯТЯН

МЕТОДИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ДАННЫМ РЯДОВЫХ СКИФСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Среди многочисленных остатков культур древних обществ, исследуемых археологами, погребальные памятники имеют первостепенное значение для социальных исследований, так как общественное положение умершего отражено в различных формах погребального обряда. Роль изучения остатков погребального обряда тем более увеличивается, когда выясняется что конечной целью любого исторического исследования является построение модели древнего общества, по которой можно исследовать его социальные отношения.

Материалы скифских могильников неоднократно использовались для реконструкции социальной структуры скифского общества. Однако во всех этих реконструкциях, за редким исключением¹, материалы могильников скорее всего выступали как иллюстрация для подтверждения сообщений античных авторов о социальных различиях у скифов². Хотя погребальные памятники и являются почти единственным источником для изучения скифской культуры

¹ Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3; Раевский Д. С. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского (по материалам некрополя).— Автореф. канд. дис. М., 1971.

² Тереножкин А. И. Общественный строй скифов.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977; Граков Б. Н. Скифы.— М., 1971; Хазанов А. М. Социальная история скифов.— М., 1975; Артамонов М. И. Общественный строй скифов.— Вестник ЛГУ, 1947, № 9.

степной полосы, до сих пор не разработана методика обработки многочисленного материала погребений и не выработаны критерии, на основании которых те или иные остатки следует соотносить с различными слоями скифского общества. Выработка такой методики — насущная проблема скифоведения.

Данная работа является частью большой темы по разработке методики анализа погребального обряда, начатой в публикации В. Ф. Генинга и В. А. Борзунова ³, и продолжаемой в настоящее время группой по созданию машинной программы обработки данных погребального обряда под руководством В. Ф. Генинга в Институте археологии АН УССР, и посвящена как созданию методики работы над погребальным обрядом скифов в социальном аспекте, так и применению ее на конкретном материале. В связи с тем, что это лишь первый опыт, работа не претендует пока на широкие исторические выводы. Тем более, что нами взят рядовой скифский материал и не обрабатывались материалы курганов знати и ранга «царских».

Подготовка данных. Так как данная работа является своего рода экспериментом по выработке методики исследования скифских могильников, мы взяли выборочно только неограбленные погребения, а также те массивы, в которых хотя бы для какого-то количества погребений есть антропологические определения. К сожалению, мы не располагаем полностью исследованными могильниками, которые отвечали бы обоим этим условиям, поэтому нами выбраны неограбленные погребения из трех могильников — у с. Кут на Днепропетровщине ⁴, у сел Широкое и Шевченко Херсонской области ⁵ и погребения, раскопанные в зоне строительства Верхнетарасовской оросительной системы в Днепропетровской области ⁶. Возможность объединить эти памятники в одну группу позволил сравнительный анализ памятников, давший высокий коэффициент сходства между ними — 86,3% ⁷.

Всего в нашей выборке использованы данные о 119 погребениях.

³ Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда. — ВАУ, вып. 13, 1975, с. 42—72.

⁴ Березовець Д. Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скифського часу в с. Кут. — АП, УССР, 1960, т. 9, с. 39—87.

⁵ Материалы опубликованы в сборнике «Курганы Южной Херсонщины». — Киев, 1977.

⁶ Бунятян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин Ю. В. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка. — В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. — Киев, 1977; Чередниченко Н. Н., Болдин Я. И. Скифские курганы у с. Владимировка. — Там же; Чередниченко Н. Н., Бессонова С. С. и др. Отчет Верхнетарасовской экспедиции 1975 г. — Архив ИА АН УССР, 1975/11; Чередниченко Н. Н., Бессонова С. С. и др. Отчет Верхнетарасовской экспедиции 1976 г. — Архив ИА АН УССР, № 1976/2; Черненко Е. В., Евдокимов Г. Л. Отчет о работе Верхнетарасовской экспедиции в 1973 году. — Архив ИА АН УССР, № 1973/12.

⁷ Проведение сравнительного анализа выполнено по методике, предложенной В. Ф. Генингом и В. А. Борзуновым. См.: Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Указ. соч., с. 47 и сл.

Погребальный обряд несет в себе большую информацию о различных сторонах структуры общества, поэтому первоочередная задача при его анализе заключается в том, чтобы расчленив обряд на отдельные детали — признаки и соотнести эти признаки с различными сферами социальной структуры. Большую роль при этом играет корреляционный метод, позволяющий выявить пучки связанных между собой признаков. Если же говорить о количественном выражении признаков, то они должны принадлежать к категории массовых. Таким образом, значимость признака определяется в процессе перебора их в системе признаков, в выявлении связи между ними. Причем сам процесс выявления пучков признаков проходит целенаправленно и в соответствии с поставленными задачами. Поскольку нам приходится идти в анализе от неизвестного (связь признаков с социальными категориями) к известному (доказанности существования такой связи), то анализ начинается с использования известных, социально определенных объективных данных. Такими данными в нашем анализе являются, прежде всего, определения возраста (по размерам костных остатков в могилах) и пола (антропологические определения)⁸. Но поло-возрастные различия далеко не исчерпывают социальной характеристики как отдельного индивида, так и общественной структуры в целом. Поэтому после того, как определены признаки погребального обряда, связанные с полом и возрастом погребенного, переходим к следующей ступени поиска пучка признаков, которые обнаруживают устойчивую тенденцию. Выделение этих характеристик требует уже археолого-социологического анализа и аргументации связи с социальной структурой.

В своей работе над скифским погребальным обрядом в социальном аспекте нам пришлось перебрать много признаков, и мы остановились на тех, которые, по нашему мнению, несут информацию об этой сфере. Конечно, этот набор не претендует на законченность. В других случаях, где погребальный обряд фиксируется более полно или некоторые параметры имеют достаточное количественное выражение, возможно выявление новых параметров, отражающих социальную структуру скифского общества.

Таким образом, в процессе работы были отобраны и проанализированы на предмет связи с социальной структурой следующие признаки. (Нумерация и полный перечень признаков, как и их классификация, содержатся в табл. I, III, IV.).

1. Совокупность «последовательность захоронения» включает два параметра: основное погребение, над которым соорудилась насыпь, и впускное.

2. Тип погребального сооружения. Эта совокупность объединяет три основных типа скифских погребальных сооружений — простая яма, яма с подбоем и яма с катакомбой, которые отли-

⁸ Определение пола и возраста погребенных выполнено Круц С. И. Материал частично опубликован: Круц С. И. Палеоантропологические материалы Верхнетарасовской экспедиции 1973—1974 гг. — В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. — Киев, 1977, с. 151 и сл.

чаются различной степенью сложности устройства и берутся в данном случае в целом, без учета деталей устройства.

3. Ориентировка погребальных сооружений. Поскольку погребальные сооружения имеют сложное устройство, то нами взяты следующие совокупности: ориентировка входной ямы, с какой стороны примыкает камера и ориентировка камеры, которые фиксировались по основным направлениям — север, северо-восток, запад, юго-запад, северо-запад, восток, юг.

4. Размеры погребальных сооружений — признак очень важный при решении задач социального характера, а во многих случаях и единственный. Методика раскопок позволяет фиксировать его достаточно точно, за редким исключением. При многообразии типов и

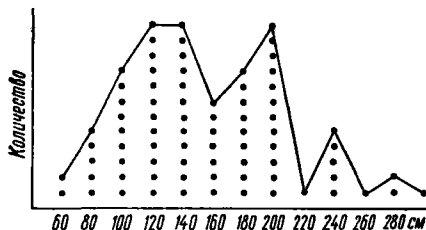

Рис. 1. Группировка могил по длине входной ямы.

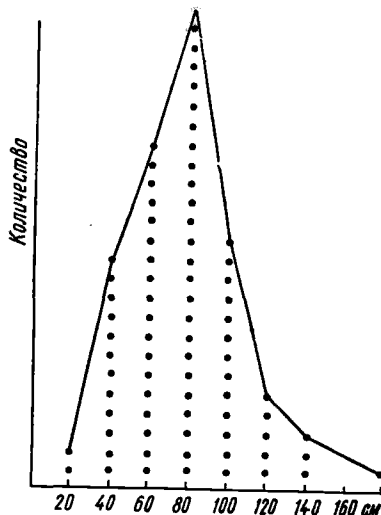

Рис. 2. Группировка могил по ширине входной ямы.

вариантов типов погребальных сооружений имеется много различных измерений. Взяты основные параметры: длина и ширина входной ямы, длина и ширина камеры и глубина камеры. Для основных погребений глубина камеры дается от уровня погребенного чернозема, для впускных — от поверхности насыпи. В случае, если мы имеем погребальное сооружение в виде простой ямы, то размеры по верху принимались за размеры входной ямы, а размеры по дну — за размеры камеры.

Группировка размеров могил с помощью построения графиков позволила выделить следующие интервальные группы. Большим разнообразием отличается длина входных ям — от 60 до 360 см. Здесь выделились четыре интервальные группы: I — длина входной ямы — 60—170 см, II — 180—200 см, III — 210—270 см и IV — 280—360 см (рис. 1). Зато построение графика ширины входной ямы дало правильное распределение, то есть по ширине входной ямы все могилы относятся к одной интервальной группе — от 20 до 140 см (рис. 2), одно погребение имело ширину 180 см. По длине погребальной камеры выделились три интервальные группы: I — 60—160 см, II — 170—280 см, III — 290—420 см

(рис. 3). По ширине камеры также выделились три интервальные группы, но так как третья группа имела незначительное количество, то она присоединена ко второй: I — до 100 см, II — более 100 см (рис. 4). Значительным многообразием отличается и глубина

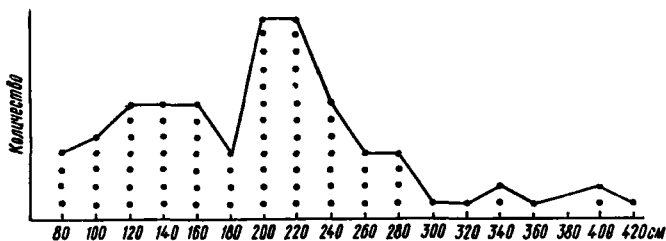

Рис. 3. Группировка могил по длине камеры.

залегания камеры. Построение графика позволило наметить пять интервальных групп, но из-за незначительного количества погребений, относящихся к пятой интервальной группе, мы объединили последние две интервальные группы в одну, таким образом по глубине мы имеем: I — 40—160 см, II — 170—210 см, III — 220—270 см и IV — более 280 см (рис. 5).

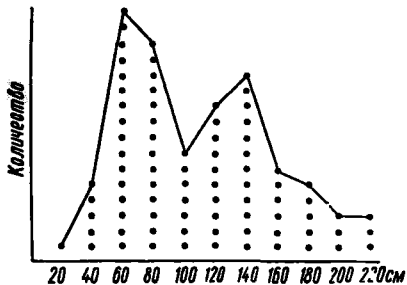

Рис. 4. Группировка могил по ширине камеры.

5. Ориентировка погребенного. Как и в ориентировке погребальных сооружений, здесь взято восемь направлений.

6. Наличие костей жертвенного животного выделено в самостоятельную совокупность.

7. Инвентарь имеет большое значение при определении социального статуса погребенного. В работе учитывался весь инвентарь по категориям, а также количество определенного типа

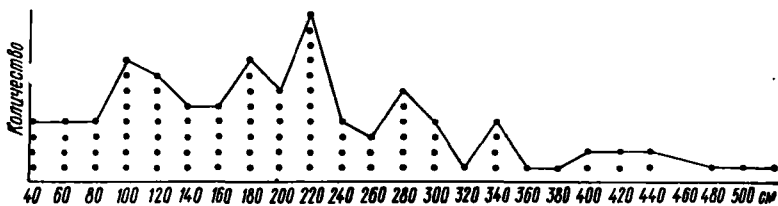

Рис. 5. Группировка могил по глубине камеры.

предметов. Выделены следующие основные категории инвентаря: орудия труда, оружие, украшения и предметы туалета, предметы конской узда в силу редкой встречаемости не расчленяются на отдельные составные части.

I. Поло-возрастная характеристика погребенных. Работа по выделению поло-возрастных групп представляет собой первую ступень в анализе погребального обряда, которая предшествует социальной и этнической интерпретации погребальных памятников, а корреляция пола и возраста с данными погребального обряда дает возможность произвести классификацию внутри этих групп.

1. Всего в нашей выборке имеется 119 одиночных погребений, из них 82 погребения взрослых и 37 детских. Сравнительный анализ взрослых и детских погребений, позволивший выявить общее и отличительное в погребальном обряде этих групп, проводился следующим образом. Данные о количественном выражении каждого признака были внесены в табл. I (раздел «Количество»), была подсчитана их общая сумма. Но так как исходное количество погребений в каждой группе разное, то простое количественное выражение не дает четкого представления о весе признака. Более удобной является работа с цифрами относительными, то есть выраженными в процентах, что и сделано во втором разделе табл. I («% от совокупности»). Из процентного распределения признаков вычисляется норма распределения — среднеарифметическое процентное содержание признака. Эта операция необходима для выявления тенденции признака, которая показывает, во сколько раз данный признак превышает норму распределения, и может быть повышенной (1,3—2), пониженной (0,1—0,8) или же признак имеет примерно одинаковое распределение в сравниваемых группах ($1 \pm 0,2$).

По процентному содержанию каждого признака можно вычислить степень сходства как по отдельным совокупностям, так и в среднем по совокупностям. Для этого сравнивается процентное содержание каждого признака в совокупности между группами. Степень сходства по совокупности определяется как сумма меньших значений каждого признака. Например, возьмем совокупность «длина входной ямы». Степень сходства по этой совокупности между взрослыми и детскими погребениями = $33,3 + 8 = 41,3\%$. Средний коэффициент сходства по совокупностям вычисляется как сумма меньших значений каждого признака, деленная на количество совокупностей.

Если средний коэффициент сходства по всем совокупностям между взрослыми и детскими погребениями составляет 68,9%, то степень сходства по отдельным совокупностям имеет значительные отклонения от этой величины (табл. I)⁹.

Отличия между взрослыми и детскими погребениями по таким совокупностям как «последовательность захоронения», «тип погребального сооружения», «ориентировка входной ямы», «ориентировка камеры», «ориентировка погребенного» незначительны и их сходство колеблется в пределах 84,4—90,9%.

⁹ Генина В. Ф., Борзнов В. А. Указ. соч., с. 58.

Сравнительный анализ вэро

Показатель	Категория		Характеристика погребения					
	Единица совокупности		Последов. захорон.		Тип погребального сооружения			
	Признак	Показатель исчисления	основное	впускное	яма	подбой	катакомба	не определ.
	№ призна.							
Количество	Взрослые	82	15	67	10	38	28	6
	Детские	37	1	36	6	10	9	12
	Всего	119	16	103	16	48	37	18
Частость совокупн.	Взрослые	100	18,3	81,7	13,2	50,0	36,8	
	Детские	100	2,7	97,3	24,0	40,0	36,0	
	Норма распредел.	100	10,5	89,5	18,6	45,0	36,4	
Тенд. совокупн.	Взрослые		1,7	0,9	0,7	1,1	1,0	
	Детские		0,3	1,1	1,3	0,9	1,0	
	Степень сходства по совокупности		84,4		89,2			

Показатель	Категория		Характеристика погребения					
	Единица совокупности					Ориентировка		
	Признак	Показатель исчисления	юго-восток	юг	не определ.	запад	сев.-запад	юго-запад
	№ призна.							
Количество	Взрослые	82	6	4	16	34	21	14
	Детские	37	1	6	18	12	6	7
	Всего	119	7	10	34	46	27	21
Частость совокупн.	Взрослые	100	9,1	6,0		44,7	27,6	18,4
	Детские	100	5,3	31,6		46,2	23,1	26,9
	Норма распредел.	100	7,2	18,3		45,5	25,4	22,6
Тенд. совокупн.	Взрослые		1,3	0,3		0,9	1,1	0,8
	Детские		0,7	1,7		1,0	0,9	1,2
	Степень сходства по совокупности					90,0		

Таблица 1

ных и детских погребений

Ориентировка входной ямы					С какой стороны примыкает камера					
запад	северо-запад	юго-запад	север	не определ.	запад	северо-запад	юго-запад	север	сев.-восток	восток
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
35	18	14	5	10	5	4	5	20	14	8
12	7	3	3	12	2	4	—	3	2	1
47	25	17	8	22	7	8	5	23	16	9
48,6	25	19,4	6,9		7,6	6,1	7,6	30,3	21,2	12,1
48,0	28	12,0	12,0		10,5	21,0	—	15,8	10,5	5,3
48,3	26,5	15,7	9,4		9,1	13,6	3,8	23,1	15,9	8,7
1,0	0,9	1,2	0,7		0,8	0,4	2,0	1,3	1,3	1,4
1,0	1,1	0,8	1,3		1,2	1,5	—	0,7	0,7	0,6
		91,9						56,6		

бального сооружения

камеры		Длина входной ямы					Длина камеры			
север	не определ.	60—170 см	180—200 см	210—270 см	280—360 см	не определ.	80—160 см	170—280 см	290—420 см	не определ.
24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
7	6	25	25	22	3	7	3	64	9	6
1	11	23	2	—	—	12	19	7	—	11
8	17	48	27	22	3	19	22	71	9	17
9,2		33,3	33,3	29,3	4,0		3,9	84,2	11,8	
3,8		92,0	8,0	—	—		73,1	26,9	—	
6,5		62,6	20,6	14,6	2,0		38,5	55,5	5,9	
1,4		0,5	1,6	2,0	2,0		0,1	1,5	2,0	
0,6		1,5	0,4	—	—		1,9	0,5	—	
				41,3					30,8	

Показатель	Категория		Характеристика погребального соору					
	Единица совокупности		Ширина камеры			Глубина ка		
	Признак	Показатель исчисления	20— 100 см	более 100 см	не оп- редел.	40— 160 см	170— 210 см	220— 270 см
			№ призн.	35	36	37	38	39
Количество	Взрослые	82	37	39	6	15	7	27
	Детские	37	21	5	11	22	4	7
	Всего	119	58	44	17	37	11	34
Частость совокупн.	Взрослые	100	48,7	51,3		18,9	8,9	34,2
	Детские	100	80,8	19,2		59,5	10,8	18,9
	Норма рас- пред.	100	64,7	35,2		39,2	9,8	26,5
Тенд. сово- купн.	Взрослые		0,8	1,5		0,5	0,9	1,3
	Детские		1,2	0,5		1,5	1,0	0,7
	Степень сходства по совокупности		67,9			57,5		

Показатель	Категория		Жертвенные кости		Инвен Посуда			
	Единица совокупности		есть	нет	лепная	дере- вяная	антич- ная	леп- ная, антич- ная
	Признак	Показатель исчисления						
			№ призн.	52	53	54	55	56
Количество	Взрослые	82	61	21	10	3	6	1
	Детские	37	11	26	3	1	1	—
	Всего	119	72	47	13	4	7	1
Частость совокупн.	Взрослые	100	74,4	25,6	12,1	3,6	7,3	1,2
	Детские	100	29,7	70,3	8,1	2,7	2,7	—
	Норма рас- пред.	100	52,1	47,9	10,1	3,2	5,0	0,6
Тенд. сово- купн.	Взрослые		1,4	0,5	1,2	1,1	1,5	2,0
	Детские		0,6	1,5	0,8	0,9	0,5	—
	Степень сходства по совокупности		55,3			89,1		

Продолжение табл. 1

железя		Ориентировка погребенного									
меры		запад	северо-запад	юго-запад	север	северо-восток	восток	юго-восток	юг	не определ.	
280—540 см	не определ.	43	44	45	46	47	48	49	50	51	
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	
30	3	34	19	14	5	2	3	3	2	—	
4	—	17	6	8	2	—	1	—	2	1	
34	3	51	25	22	7	2	4	3	4	1	
38,0		41,5	23,2	17,1	6,0	2,4	3,7	3,7	2,4		
10,8		47,2	16,6	22,2	5,6	—	2,8	—	5,6		
24,4		44,4	19,9	19,7	5,8	1,2	3,3	1,9	4,0		
1,6		0,9	1,2	0,9	1,0	2,0	1,1	2,0	0,6		
0,4		1,1	0,8	1,1	1,0	—	0,9	—	1,4		
86,0											

гарь										
Украшения и предметы туалета										
нет	бусы	серьги	браслет	бусы, серьги	бусы, браслет	бусы, серьги, браслет	куски краски	бусы, серьги, куски краски	зеркало	бусы, серьги, браслет, зеркало
58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68
62	10	3	4	4	4	2	1	2	2	1
32	10	4	—	1	—	2	—	—	—	—
94	20	7	4	5	4	4	1	2	2	1
75,6	12,2	3,7	4,9	4,9	4,9	2,4	1,2	2,4	2,4	1,2
86,5	27,0	10,8	—	2,7	—	5,4	—	—	—	—
81,1	19,6	7,3	2,5	3,8	2,5	3,9	0,6	1,2	1,2	0,6
0,9	0,6	0,5	2,0	1,3	2,0	0,6	2,0	2,0	2,0	2,0
1,1	1,4	1,5	—	0,7	—	1,4	—	—	—	—

Показатель	Категория		Ивнев						
	Единица совокупности		Украшения и пред						
	Признак	Показатель исчисления	бусы, серьги, зеркало, краска	бусы, браслет, перстень, серьги, краска	бусы, серьги, зеркало	бусы, перстень, зеркало	бусы, двадема, перстень, зеркало	бусы, серьги, ожерелье, браслет	
			№ призна.	69	70	71	72	73	74
Количество	Взрослые	82	2	1	1	1	1	1	
	Детские	37	—	—	—	—	—	—	
	Всего	119	2	1	1	1	1	1	
Частость совокупн.	Взрослые	100	2,4	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	
	Детские	100	—	—	—	—	—	—	
	Норма распредел.	100	1,2	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	
Тенд. совокупн.	Взрослые		2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	
	Детские		—	—	—	—	—	—	
	Степень сходства по совокупности		68,6						

Показатель	Категория		Ивнев					
	Единица совокупности		Орудия труда					стрелы
	Признак	Показатель исчисления	пряслице, камень, игла, нож	пряслице, шило	растиральник, нож	пряслице, нож, шило	вет	
			№ призна.	86	87	88	89	90
Количество	Взрослые	82	1	2	1	1	16	28
	Детские	37	—	—	—	—	29	3
	Всего	119	1	2	1	1	45	31
Частость совокупн.	Взрослые	100	1,2	2,4	1,2	1,2	19,5	34,1
	Детские	100	—	—	—	—	78,4	8,1
	Норма распредел.	100	0,6	1,2	0,6	0,6	48,9	21,1
Тенд. совокупн.	Взрослые		2,0	2,0	2,0	2,0	0,4	1,6
	Детские		—	—	—	—	1,6	0,4
	Степень сходства по совокупности							

Продолжение табл. 1

гарь										
меты туалета					Орудия труда					
бусы, ворварка	ворварка	бусы, серьги, ркгушка	бусы, серьги, гривна	нет	нож	нож, оселок	нож, мотыга, оселок шило	нож, шило	пряслице	пряслице, нож
75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85
1	2	—	—	39	36	2	1	2	5	15
—	—	1	1	18	8	—	—	—	—	—
1	2	1	1	57	44	2	1	2	5	15
1,2	2,4	—	—	47,6	43,9	2,4	1,2	2,4	6,1	18,3
—	—	2,7	2,7	48,6	21,6	—	—	—	—	—
0,6	1,2	1,3	1,3	48,1	32,7	1,2	0,6	1,2	3,1	9,1
2,0	2,0	—	—	1,0	1,3	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
—	—	2,0	2,0	1,0	0,7	—	—	—	—	—
									41,1	

гарь										
Оружие									Узда	
стрелы, копье (дротик)	стрелы, копье (дротик), праща	стрелы, меч	стрелы, копье (дротик), щит	стрелы, копье (дротик), меч	стрелы, топор	стрелы, меч, топор	стрелы, праща	нет	есть	нет
92	93	94	95	96	97	98	99	100	101	102
11	1	1	1	2	1	1	—	36	2	80
—	—	1	—	—	—	—	1	32	1	36
11	1	2	1	2	1	1	1	68	3	116
13,4	1,2	1,2	1,2	2,4	1,2	1,2	—	43,9	2,4	97,6
—	—	2,7	—	—	—	—	2,7	86,5	2,7	97,3
6,7	0,6	1,95	0,6	1,2	0,6	0,6	1,3	65,2	2,6	97,4
2,0	2,0	0,6	2,0	2,0	2,0	2,0	—	0,7	1,0	1,0
—	—	1,5	—	—	—	—	2,0	1,3	1,0	1,0
									53,1	99,7

Распределение признаков погребального

1. Всеобщие признаки					2. Частные призна	
Признак и его номер	взрослые		детские		Признак и его номер	
	%	ген-ден.	%	ген-ден.		
2. впускное	81,7	0,9	97,3	1,1	1. основное	
4. подбой	50,0	1,1	40,0	0,9	15. камера примыкает с севера	
5. катакомба	36,8	1,0	36,0	1,0	16. камера примыкает с северо-востока	
7. ориентировка входной ямы запад — восток	48,6	1,0	48,0	1,0	17. камера примыкает с востока	
8. ориентировка входной ямы северо-запад — юго-восток	25,0	0,9	28,0	1,1	27. длина входной ямы 180—200 см	
9. ориентировка входной ямы юго-запад — северо-восток	19,4	1,2	12,0	0,8	32. длина камеры 170—280 см	
21. ориентировка камеры запад — восток	44,7	0,9	46,2	1,0	36. ширина камеры более 100 см	
22. ориентировка камеры северо-запад — юго-восток	27,6	1,1	23,1	0,9	40. глубина камеры 220—270 см	
23. ориентировка камеры юго-запад — северо-восток	18,4	0,8	26,9	1,2	41. глубина камеры 280—540 см	
35. ширина камеры до 100 см	48,7	0,8	80,8	1,2	52. жертвенные кости	
43. ориентировка погребенного на запад	41,5	0,9	47,2	1,1	80. нож	
45. ориентировка погребенного на юго-запад	17,1	0,9	22,2	1,1	91. стрелы	
54. лепная посуда	12,1	1,2	8,1	0,8	3. яма	
12. камера примыкает с запада	7,6	0,8	10,5	1,2	10. ориентировка входной ямы север — юг	
39. глубина камеры 170—210 см	8,9	0,9	10,8	1,0	13. камера примыкает с северо-запада	
46. погребенный ориентирован на север	6,0	1,0	5,6	1,0	19. камера примыкает с юга	
48. погребенный ориентирован на восток	3,6	1,1	2,8	0,8	26. длина входной ямы 60—170 см	
55. деревянная посуда	3,7	1,1	2,7	0,9	31. длина камеры 80—160 см	
101. узда	2,4	1,0	2,7	1,0	38. глубина камеры 40—160 см	
					59. бусы	
					60. серьги	
					18. камера примыкает с юго-востока	
					24. ориентировка камеры север — юг	
					56. античная посуда	
					62. бусы, серьги	
					50. погребенный ориентирован на юг	
					64. бусы, серьги, браслет	
					94. стрелы, меч	

ки по тенденции				3. Частные «чистые» признаки			
взрослые		детские		Признак и его номер	взр.	дето.	
%	тенденц.	%	тенденц.				%
18,3	1,7	2,7	0,3	28. длина входной ямы 210—270 см	29,3		
30,3	1,3	15,8	0,7	33. длина камеры 290—420 см	11,8		
21,2	1,3	10,5	0,7	85. пряслице, нож	18,3		
12,1	1,4	5,3	0,6	92. стрелы, копьё (дротик)	13,4		
33,3	1,6	8,0	0,4	14. камера прымывает с юго-запада	7,6		
84,2	1,5	26,9	0,5	29. длина входной ямы 280—360 см	4,0		
51,3	1,5	19,2	0,5	47. погребенный ориентирован на северо-восток	2,4		
34,2	1,3	18,9	0,7	49. погребенный ориентирован на юго-восток	3,7		
38,0	1,6	10,8	0,4	57. лепная и античная посуда	1,2		
74,4	1,4	29,7	0,6	61. браслет	4,9		
43,9	1,3	21,6	0,7	63. бусы, браслет	4,9		
34,1	1,6	8,1	0,4	65. куски краски	1,2		
13,2	0,7	24,0	1,3	66. бусы, серьги, куски краски	2,4		
6,9	0,7	12,0	1,3	67. зеркало	2,4		
6,1	0,4	21,0	1,5	68. бусы, серьги, браслет, зеркало	1,2		
6,0	0,3	31,6	1,7	69. бусы, серьги, зеркало, куски краски	2,4		
33,3	0,5	92,0	1,5	70. бусы, браслет, перстень, серьги, куски краски	1,2		
3,9	0,1	73,1	1,9	71. бусы, серьги, зеркало	1,2		
18,9	0,5	59,5	1,5	72. бусы, перстень, зеркало	1,2		
11,0	0,6	24,3	1,4	73. бусы, диадема, перстень, зеркало	1,2		
3,6	0,5	10,8	1,5	74. бусы, серьги, браслет, ожерелье	1,2		
9,1	1,3	5,3	0,7	75. бусы, ворварка	1,2		
9,2	1,4	3,8	0,6	76. ворварка	2,4		
7,3	1,5	2,7	0,5	81. нож, оселок	2,4		
4,9	1,3	2,7	0,7	82. нож, мотыга, оселок, шило	1,2		
2,4	0,6	5,6	1,4	83. нож, шило	2,4		
2,4	0,6	5,4	1,4	84. пряслице	6,1		
1,2	0,6	2,7	1,4	85. пряслице, камень, игла, нож	1,2		
				86. пряслице, шило	2,4		
				88. растиральник, нож	1,2		
				89. пряслице, шило, нож	1,2		
				93. стрелы, копьё, праща	1,2		
				95. стрелы, копьё, щит	1,2		
				96. стрелы, копьё, меч	2,4		
				97. стрелы, топор	1,2		
				98. стрелы, меч, топор	1,2		
				77. бусы, серьги, ракушка		2,7	
				78. бусы, серьги, гривна		2,7	
				99. стрелы, праща		2,7	

Сравнительный анализ мужских и женских

Показатель	Категория		Характеристика погреб									
	Единица совокупности		Последов. захорон.		Тип погребально-го сооружения			Ориентировка входной ямы				
	Признак	Показатель исчисления	основное	впускное	яма	подбой	катакомба	запад	северо-запад	юго-запад	север	не определ.
			1	2								
№ признака												
Количество	Мужские	12	5	7	1	8	3	4	4	2	1	1
	Женские	17	1	16	—	7	10	6	7	3	1	—
	Всего	29	6	23	1	15	13	10	11	5	2	1
% от совокупности	Мужские	100	41,7	58,3	8,3	66,7	25,0	36,4	36,4	18,2	9,0	
	Женские	100	5,9	94,1	—	41,2	58,8	35,3	41,2	17,6	5,9	
	Норма распределения	100	23,8	76,2	4,1	54,0	41,9	35,8	38,8	17,9	7,5	
Тенденция совокупности	Мужские		1,8	0,8	2,0	1,2	0,6	1,0	0,9	1,0	1,2	
	Женские		0,2	1,2	—	0,8	1,4	1,0	1,1	1,0	0,8	
	Степень сходства по совокупности		64,3			66,2			95,2			

Показатель	Категория		Характеристика погребального сооружения										
	Единица совокупности		Длина входной ямы			Длина камеры		Ширина камеры		Глубина камеры			
	Признак	Показатель исчисления	60—170 см	180—200 см	210—270 см	170—280 см	290—420 см	20—100 см	более 100 см	40—160 см	170—200 см	220—270 см	280—340 см
			26	27	28	32	33	35	36	38	39	40	41
№ признака													
Количество	Мужские	12	4	2	6	11	1	7	5	1	2	5	
	Женские	17	5	8	4	15	2	5	12	—	1	11	
	Всего	29	9	10	10	26	3	12	17	1	3	16	
% от совокупности	Мужские	100	33,3	16,7	50,0	91,7	8,3	58,3	41,7	8,3	16,7	33,3	
	Женские	100	29,4	47,1	23,5	88,2	11,8	29,4	70,6	—	6,7	20,0	
	Норма распределения	100	31,4	31,9	36,7	90,0	10,0	43,9	56,1	4,1	11,7	26,7	
Тенденция совокупности	Мужские		1,1	0,5	1,4	1,0	0,8	1,3	0,7	2,0	1,4	1,2	
	Женские		0,9	1,5	0,6	1,0	1,2	0,7	1,3	—	0,6	0,8	
	Степень сходства по совокупности		79,6			96,5		71,0			68,4		

Таблица III

погребений (по антропологическому определению)

бального сооружения													
С какой стороны примыкает камера									Ориентировка камеры				
запад	северо-запад	юго-запад	север	северо-восток	восток	юго-восток	юг	не определ.	запад	северо-запад	юго-запад	север	
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	
—	1	—	2	4	3	1	—	1	6	4	2	—	
2	1	4	3	3	1	2	1	—	6	7	3	1	
2	2	4	5	7	4	3	1	1	12	11	5	1	
—	9,0	—	18,2	36,4	27,3	9,0	—	—	50,0	33,3	16,7	—	
11,8	5,9	23,5	17,6	17,6	5,9	11,8	5,9	—	35,3	41,2	17,6	5,9	
5,9	7,5	11,7	17,9	27,0	16,6	10,4	3,0	—	42,6	37,2	17,2	3,0	
—	1,2	—	1,0	1,3	1,6	0,9	—	—	1,2	0,9	1,0	—	
2,0	0,8	2,0	1,0	0,7	0,4	1,1	2,0	—	0,8	1,1	1,0	2,0	
56,0									85,3				

ры	Ориентировка погребенного								Жертвенные кости		Инвентарь			
	запад	северо-запад	юго-запад	север	северо-восток	восток	юго-восток	есть	нет	Посуда				
										лепная	деревянная	глиняная	нет	
не определ.	42	43	44	45	46	47	48	49	52	53	54	55	56	58
—	5	3	1	—	1	1	1	11	1	2	1	—	9	
2	6	6	3	1	—	—	1	13	4	2	—	4	11	
2	11	9	4	1	1	1	2	24	5	4	1	4	20	
—	41,7	25,0	8,3	—	8,3	8,3	8,3	91,7	8,3	16,7	8,3	—	75,0	
—	35,3	35,3	17,6	5,9	—	—	5,9	76,5	23,5	11,8	—	23,5	64,7	
—	35,8	30,2	13,0	3,0	4,1	4,1	7,1	84,1	15,9	14,3	4,2	11,7	69,8	
—	1,2	0,8	0,6	—	2,0	2,0	1,2	1,1	0,5	1,2	2,0	—	1,1	
—	0,8	1,2	1,4	2,0	—	—	0,8	0,9	1,5	0,8	—	2,0	0,9	
74,5									84,8		76,5			

Показатель	Категори		Инвен									
	Единица совокупности		Украшения и пред									
	Признак	Показатель исчисления	бусы	серьга	браслет	бусы, серьга	бусы, браслет	бусы, серьга, куски краски	зеркало	бусы, серьга, зеркало, куски краски	бусы, перстень, зеркало	бусы, диадема, перстень, зеркало
			№ признака	59	60	61	62	63	66	67	69	72
Количество	Мужские	12	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	Женские	17	2	1	—	4	1	1	1	1	1	1
	Всего	29	2	1	1	4	1	1	1	1	1	1
% от совокупности	Мужские	100	—	—	8,3	—	—	—	—	—	—	—
	Женские	100	11,7	5,9	—	23,5	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9
	Норма распределения	100	5,8	3,0	4,1	11,7	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
Тенденция совокупности	Мужские		—	—	2,0	—	—	—	—	—	—	—
	Женские		2,0	2,0	—	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
Степень сходства по совокупности			17,6									

Основные различия проявляются, во-первых, в размерах погребальных сооружений. Об этом свидетельствует как степень сходства по отдельным совокупностям размеров: 41,3% по длине входной ямы, 30,8% по длине камеры, 68,9% по ширине камеры и 57,5% по глубине камеры, так и тенденция совокупности. Например, тенденция параметра «длина входной ямы 60—170 см», то есть самая малая, для детских погребений в 1,5 раза выше нормы распределения, тогда же как для взрослых погребений она ниже нормы распределения. Другие параметры этой совокупности имеют повышенную тенденцию или встречаются только в погребениях взрослых и т. д.

Во-вторых, различие наблюдается по наличию жертвенных костей (степень сходства 55,3%), а также по некоторым категориям инвентаря. Наибольшее сходство наблюдается по совокупностям «посуда» (89,1%), «узда» (99,7%). Высокая степень сходства здесь объясняется редкой встречаемостью данных предметов, как во взрослых, так и в детских погребениях. В меньшей мере погребения сходны по таким совокупностям, как «украшения и предметы туалета» (68,6%), «орудия труда» (41,1%), «оружие» (53,1%). Низкая степень сходства наблюдается и по совокупности «с какой стороны примыкает камера» (56,6%), что пока не поддается объяснению.

Распределение признаков по совокупности с учетом их тенденции позволяет сгруппировать признаки, выделив всеобщие ха-

Продолжение таблицы III

меты тулте:								Орудия труд:					
яусь, сер- гв, брас- лет, оже- релье	бусы, ворварка	ворварка	нет	нож	нож, шн- ло, оселок	шило, нож	пряслице	пряслице, нож	пряслице, камень, гла, нож	пряслице, шило	пряслице, шило, нож	нет	
74	75	76	79	80	81	83	84	85	86	87	89	90	
—	1	1	9	10	1	—	—	—	—	—	—	1	
1	—	—	3	1	—	1	2	10	1	1	1	—	
1	1	1	12	11	1	1	2	10	1	1	1	1	
—	8,3	8,3	75,0	83,3	8,3	—	—	—	—	—	—	8,3	
5,9	—	—	17,6	5,9	—	5,9	11,8	58,8	5,9	5,9	5,9	—	
3,0	4,1	4,1	46,3	44,6	4,1	3,0	5,9	29,4	3,0	3,0	3,0	4,2	
—	2,0	2,0	1,6	1,9	2,0	—	—	—	—	—	—	2,0	
2,0	—	—	0,4	0,1	—	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	—	
5,9													

Окончание табл. III

Пока- затель	Категория		Инвентарь								
	Единица сово- купности		Оружие								
	Признак	Показатель исчисления	стрелы	стрелы, копье (дротик)	стрелы, копье, траца	стрелы, меч	стрелы, меч, копье	стрелы, топор	нет		
			№ признака	91	92	93	94	96	97	100	
Количе- ство	Мужские	12	7	3	—	—	1	1	—		
	Женские	17	3	1	1	1	—	—	11		
	Всего	29	10	4	1	1	1	1	11		
% от со- вокупности	Мужские	100	58,3	25,0	—	—	8,3	8,3	—		
	Женские	100	17,6	5,9	5,9	5,9	—	—	64,7		
	Норма распреде- ления	100	37,9	15,4	3,0	3,0	4,2	4,2	32,3		
Тенденция совокуп- ности	Мужские		1,5	1,6	—	—	2,0	2,0	—		
	Женские		0,5	0,4	2,0	2,0	—	—	2,0		
Степень сходст- ва по совокуп- ности					23,5						

ракетные для всех, в данном случае обеих, групп) и частные (характерные для одной группы), а по количественному их распределению — массовые (содержание признака в совокупности составляет выше 10%) и единичные (ниже 10%)¹⁰ (табл. II).

Табл. II составляется на основании табл. I. Всеобщие признаки примерно в одинаковой мере встречаются как в погребениях взрослых, так и в погребениях детей (тенденция 0,8—1,2). Они в абсолютном большинстве мало отличаются по удельному весу в каждой группе (различия в пределах нескольких процентов и редко более существенные, см. табл. II, всеобщие признаки № 2, 4, 35 и т. д.). Очень близка в них и тенденция. В целом следует отметить, что данные признаки не связаны с различиями погребенных по возрасту.

Среди частных признаков, которые являются характерными для какой-либо возрастной группы, мы выделяем следующие (табл. II): а) частные признаки, преобладающие в одной группе, но в небольшом количестве встречающиеся и в другой. Такие признаки отличаются повышенной тенденцией встречаемости в одной группе (1,3—1,9), в то время как в противоположной группе эта тенденция очень низка (менее 0,7); б) частные «чистые» признаки, то есть встречающиеся только в одной группе (тенденция 2,0).

Выделенные в результате группировки всеобщие признаки исключаются из дальнейшей работы, так как не могут быть определяющими в вопросе о возрасте погребенного. Частные признаки выступают дифференцирующими. Особенно важны «чистые» частные признаки, которые позволяют автоматически отнести погребение с таким параметром к той или иной группе, в данном случае к группе взрослых или детских погребений.

Так, исходя из табл. II, погребения с длиной входной ямы более 210 см и длиной камеры более 290 см могут принадлежать только взрослым погребениям. Этот факт немаловажен при анализе массивов скифских погребений, где часть из них ограблена настолько, что нет даже костных остатков погребенных, не говоря уже об инвентаре. Определяющими в вопросе о возрасте погребенного выступают и основные категории инвентаря — орудия труда (пряслице, пряслице и нож, нож и оселок, нож и шило и др.), украшения (браслет, ворварка, бусы в сочетании с другими украшениями, а также предметами туалета), оружие (стрелы с копьем или дротином, стрелы с топором и др.).

Более сложной представляется работа с частными признаками, выделенными по тенденции совокупности. Они могут выступать определяющими только в сочетании с другими признаками. Выявить признаки, характеризующие группу погребений по возрасту, можно с помощью корреляционных таблиц или по сочетанию нескольких признаков из числа частных, выделенных по тенденции. Так, детские погребения характеризуются в основном сочетанием

¹⁰ Генина В. Ф., Борзюнов В. А. Указ. соч., с. 67.

первых интервальных групп по размерам (69,2% от общего количества сохранившихся погребений), причем этот признак можно считать «чистым» признаком детских погребений. Три погребения взрослых, имеющие такие же параметры, связаны со скорченным положением погребенных и очень редки в скифской культуре, поэтому мы можем игнорировать их (в нашей выборке они составляют 7,3% от общего количества погребений). 30,8% погребений имеют по размерам сочетания признаков, одинаковые с погребениями взрослых. Отнесение их к детским возможно только при наличии антропологических данных.

Погребения взрослых характеризуется, естественно, сочетаниями всех остальных вариантов. При этом «чистыми» признаками выступают сочетания параметров, в которых длина входной ямы представлена III и IV интервальными группами, а длина камеры — III интервальной группой, то есть самые большие размеры.

Таким образом, данная методика позволила выделить «чистые» признаки, характерные для определенной возрастной группы, а также признаки, присущие в основном для одной из этих групп. Основными отличиями между погребениями взрослых и детей являются размеры могил, в меньшей мере — инвентарь, так как в общей массе он встречается сравнительно редко.

2. Анализ погребений по выделению признаков мужских и женских погребений проводится аналогичным образом. За основу для выделения признаков, характеризующих женские и мужские погребения, вначале берутся погребения с остатками скелетов, имеющие антропологическое определение пола. В нашем массиве имеется таких 12 мужских и 17 женских погребений. Сравнительный анализ двух выборок (табл. III), а также группировка признаков позволили выделить общие и отличительные признаки этих двух групп, выявить их сходство по отдельным совокупностям и в среднем. Детальный разбор таблиц мы дадим при рассмотрении массива мужских и женских погребений в целом. Здесь лишь отметим черты, позволившие отнести ряд погребений, не имеющих антропологического определения пола, к той или иной группе. Критерием для такого разделения служит в первую очередь инвентарь, сходство по отдельным совокупностям которого между мужскими и женскими погребениями очень низкое — 5,9% по орудиям труда, 17,6% по украшениям, 23,5% по оружию. Только по посуде эти две группы имеют большее сходство — 76,5%. Среди орудий труда определяющим признаком женского погребения является наличие пряслица, часто в сочетании с другими орудиями труда (нож, шило). Определяющими выступают и некоторые предметы украшений, особенно бусы, а также бусы с серьгами, браслетами, зеркалами, кусочками краски. Мужскими украшениями являются браслеты, а также ворварки*.

* Ворварки отнесены к категории украшений в какой-то мере условно, они являются скорее частью костюма мужчины-воина.

Сравнительный анализ мужских и женских

Показатель	Категория		Характеристика погребения										
	Единица совокупности		Последов. захорон.		Тип погребального сооружения				Ориентировка входной ямы				
	Признак	Показатель численности	основное	вспульное	яма	подбой	катакомба	не определ.	запад	северо-запад	юго-запад	север	не определ.
Количество	Мужские	30	10	20	—	19	9	1	12	6	5	3	4
	Женские	35	3	32	2	17	15	1	15	10	6	2	2
	Всего	65	13	52	2	36	24	2	27	16	11	5	6
% от совокупности	Мужские	100	33,3	66,7	3,4	65,5	31,0		46,2	23,1	19,2	11,5	
	Женские	100	8,6	91,4	5,9	50,0	44,1		45,5	30,3	18,2	6,0	
	Норма распределения	100	20,9	79,1	4,6	57,8	37,6		45,9	26,7	18,7	8,8	
Тенденция совокупности	Мужские		1,6	0,8	0,7	1,1	0,8		1,0	0,9	1,0	1,3	
	Женские		0,4	1,2	1,3	0,9	1,2		1,0	1,1	1,0	0,7	
	Степень сходства по совокупности		75,3		84,4				92,8				

Наличие указанных признаков в погребениях позволило увеличить массив женских погребений, присоединив еще 18 погребений, из которых одно определено, как возможно, мужское. На этом же основании к массиву мужских погребений мы можем присоединить еще 18 погребений, получив таким образом выборку из 30 погребений.

Сравнительный анализ двух полученных выборок дан в табл. IV. Здесь же приведены данные о сходстве мужских и женских погребений по отдельным совокупностям. Средний коэффициент сходства между ними составляет 74,6%. Обращает на себя внимание первая часть таблицы, где представлены данные о последовательности захоронения в кургане, погребальных сооружениях (ориентировка, размеры) и ориентировке погребенного. По этим признакам эти два массива имеют высокую степень сходства (более 80%). Только совокупности «последовательность захоронения» и «с какой стороны примыкает камера» имеют несколько более низкую степень сходства (соответственно 75,3 и 70,9%). При группировке признаков (табл. V)

Таблица IV

погребений (объединенный массив)

С какой стороны примыкает камера										Ориентировка камеры				
запад	северо-запад	юго-запад	север	северо-восток	восток	юго-восток	юг	не определ.	запад	северо-запад	юго-запад	север	не определ.	
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	
1	2	1	8	8	3	2	3	2	16	8	5	—	1	
4	2	4	12	5	1	3	1	3	14	11	6	3	1	
5	4	5	20	13	4	5	4	5	30	19	11	3	2	
3,6	7,1	3,6	28,6	28,6	10,7	7,1	10,7		55,2	27,6	17,2	—		
12,5	6,2	12,5	37,5	15,6	3,1	9,4	3,1		41,2	32,3	17,6	8,8		
8,1	6,7	9,1	33,1	22,1	6,9	8,3	6,9		48,2	30,0	17,4	4,4		
0,4	1,1	0,4	0,9	1,3	1,6	0,9	1,6		1,1	0,9	1,0	—		
1,5	0,9	1,5	1,1	0,7	0,4	1,1	0,4		0,9	1,1	1,0	2,0		
70,9										86,0				

большая часть признаков указанных категорий попала в группу всеобщих признаков, то есть примерно в одинаковой степени (тенденция $1 \pm 0,2$) характерных как для мужских, так и для женских погребений. Исходя из табл. V, мы можем сделать вывод, что эти два массива не различаются по таким параметрам, как «тип погребального сооружения», «размеры могилы», ее ориентировка, ориентировка погребенного, хотя здесь и имеются отдельные незначительные различия (табл. V, всеобщие признаки № 2, 4, 5 и т. д.). Например, могилы более значительных размеров в большей степени характерны для мужских погребений (признаки № 33, 29). Два женских погребения, имеющие камеру незначительных размеров (признак № 31), были совершены в скорченном положении, не характерном, как уже отмечалось выше, для скифской культуры, и скорее всего объясняются не полом погребенного, а другими причинами. В отношении ориентировки погребенных следует отметить, что западная ориентировка с отклонениями к югу или северу, а также северо-восточная и юго-восточная являются признаками всеобщими. Вос-

Показатель	Категория		Характеристика погребения											
	Единица совокупности		Длина входной ямы					Длина камеры				Ширина камеры		
	Признак	Показатель исчисления	60—170 см	180—200 см	210—270 см	280—360 см	не определ.	80—160 см	170—280 см	290—420 см	не определ.	20—100 см	более 100 см	не определ.
			26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
Количество	Мужские	30	9	6	11	2	2	—	23	6	1	15	14	1
	Женские	35	12	12	9	1	1	2	29	3	1	15	19	1
	Всего	65	21	18	20	3	3	2	52	9	2	30	33	2
% от совокупности	Мужские	100	32,1	21,4	39,3	7,1	—	79,3	20,7	—	51,7	48,3	—	—
	Женские	100	35,3	35,3	26,5	2,9	5,9	85,3	8,8	—	44,1	55,9	—	—
	Норма распределения	100	33,7	28,4	32,9	5,0	2,9	82,3	14,8	—	43,5	56,5	—	—
	Тенденция совокупности		1,0	0,8	1,2	1,4	—	0,9	1,4	—	1,1	0,9	—	—
Тенденция совокупности	Мужские		1,0	1,2	0,8	0,6	2,0	1,0	0,6	—	0,9	1,1	—	—
	Женские													
			82,9					88,1				92,4		

точная ориентировка в данном массиве характеризует только мужские погребения, а южная и северная — женские.

Наибольшие различия наблюдаются в совокупностях «последовательность захоронения» (основные погребения чаще мужские) и «с какой стороны примыкает камера», где общим является лишь признак «камера примыкает с севера».

По совокупности «жертвенные кости» тоже наблюдается высокая степень сходства (81,4%), а наличие жертвенных костей является признаком всеобщим.

Противоположную картину мы наблюдаем во второй части табл. IV, где представлен инвентарь. Наибольшее сходство между мужскими и женскими погребениями наблюдается в совокупности «посуда» (81,8%). Степень сходства по остальным категориям инвентаря колеблется в пределах 20—30%. В процессе внутригруппового анализа большая часть этих признаков вошла в группу частных «чистых» признаков, незначительное количество в группу частных по тенденции, и только признак «серьги» — в группу всеобщих. Нет необхо-

Продолжение табл. IV

бального сооружения					Ориентировка погребенного										Жертвенные кости	
Глубина камеры																
40—160 см	170—210 см	220—270 см	280—540 см	не определ.	запад	северо-запад	юго-запад	север	северо-восток	восток	юго-восток	юг	есть	нет		
38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	52	53		
2	4	10	14	—	13	7	5	—	1	3	1	—	27	3		
2	3	12	15	3	15	10	5	2	1	—	1	1	25	10		
4	7	22	29	3	28	17	10	2	2	3	2	1	52	13		
6,7	13,3	33,3	46,7		43,3	23,3	16,7	—	3,3	10,0	3,3	—	90,0	10,0		
6,2	9,4	37,5	46,9		42,9	28,6	14,3	5,7	2,8	—	2,8	2,8	71,4	28,6		
6,4	11,4	35,4	46,8		43,1	25,9	15,5	2,9	3,1	5,0	3,1	1,4	80,7	19,3		
1,0	1,2	0,9	1,0		1,0	0,9	1,1	—	1,0	2,0	1,0	—	1,1	0,5		
1,0	0,8	1,1	1,0		1,0	1,1	0,9	2,0	0,9	—	0,9	2,0	0,9	1,5		
95,6					86,1										81,4	

димости перечислять признаки мужских и признаки женских погребений, они видны из табл. V. Следует лишь еще раз отметить, что основные различия между этими двумя группами выступают в инвентаре.

Так как мы не располагаем антропологическим определением пола детей, то разделить детские погребения на погребения мальчиков и погребения девочек можно лишь на основании инвентарных комплексов и их сравнения с инвентарем взрослых мужских и женских погребений. На этом основании все погребения детей, в которых выявлены бусы вокруг черепа, на руках, на груди, на шее, мы считаем погребениями девочек — всего 15 (табл. VI). Следует отметить, что бусы — основной и чаще всего единственный инвентарь этих погребений. Иногда, кроме них, в погребениях найдены и другие украшения. Оружие в погребениях девочек встречается крайне редко — в двух погребениях по одному наконечнику стрел. По аналогии с женскими погребениями, с большой долей вероятности погребениями девочек можно считать и те, в которых найдены серьги (3).

Показатель	Категория		Инвентарь								
	Единица совокупности		Посуда					Украшения и			
	Признак	Показатель численности	лепная	деревянная	глиняная	лепная, автучная	нет	бусы	серьга	браслеты	бусы, серьга
Количество	Мужские	30	5	2	1	1	21	2	1	3	—
	Женские	35	2	1	5	—	27	7	1	—	4
	Всего	65	7	3	6	1	48	9	2	3	4
% от совокупности	Мужские	100	16,7	6,7	3,3	3,3	70,0	6,7	3,3	10,0	—
	Женские	100	5,7	2,8	14,3	—	77,1	20,0	2,8	—	11,4
	Норма распределения	100	11,2	4,6	8,8	1,7	73,5	13,4	3,1	5,0	5,7
Тенденция совокупности	Мужские		1,5	1,4	0,4	2,0	0,9	0,5	1,0	2,0	—
	Женские		0,5	0,6	1,7	—	1,1	1,5	0,9	—	2,0
Степень сходства по совокупности					81,8						

Только два погребения девочек сопровождалась жертвенной пищей, и это является основным отличием взрослых женских погребений от детских, кроме указанных выше.

Основным признаком для выделения погребений мальчиков является отсутствие в инвентаре предметов украшений и наличие предметов вооружения. Таким образом, достоверно погребениями мальчиков мы можем считать три, которые сопровождалась жертвенной пищей.

Сложнее обстоит вопрос с безынвентарными погребениями (всего 8), а также погребениями, в состав инвентаря которых не входят ни бусы, ни оружие. Это погребения, сопровождающиеся только жертвенной пищей (4), а также два погребения с лепной посудой. Отсутствие в этих погребениях бус и наличие жертвенной пищи дает возможность предположить, что это — погребения мальчиков.

II. Социальная характеристика погребенных. Следующая стадия в работе над погребальным обрядом — это выяснение социального статуса погребенного. Социальная характеристика погребенных

тарь												
предметы туалета												
бусы, браслет	бусы, серьги браслет	бусы, серьги, куски краски	зеркало	бусы, серьги, браслет, зеркало	бусы, серьги, зеркало, куски краски	бусы, браслет, серьги, перстень	бусы, перстень, зеркало	бусы, диде-ма, перстень, зеркало	бусы, серьги, браслет, ожерелье	бусы, ворварка	ворварка	нет
63	64	66	67	68	69	70	72	73	74	75	76	79
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	21
4	3	2	2	1	2	1	1	1	1	1	2	26
4	3	2	2	1	2	1	1	1	1	2	4	47
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,3	6,7	70,0
11,4	8,6	5,7	5,7	2,8	5,7	2,8	2,8	2,8	2,8	—	—	14,3
5,7	4,3	2,8	2,8	1,4	2,8	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	3,4	42,2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,0	2,0	1,6
2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	—	—	0,3
23,8												

дается отдельно и обязательно внутри поло-возрастных групп. Хотя нами взяты погребения рядовых скифов, тем не менее многообразие инвентаря погребенных и комбинация различных категорий его в одном погребении, а также размеры и конструкция погребальных сооружений наводят нас на мысль о различиях в положении умерших при жизни.

В работе по выделению социальных групп мы исходим из предположения, что социальный ранг погребенного нашел свое отражение в количестве труда, затраченного на выполнение погребальной обрядовости — сооружение могилы, насыпи, а также на изготовление предметов, которые клали покойнику (посуда, орудия труда, украшения и т. д.). Конкретное выражение этой величины требует выработки условных единиц. Мы же за количество труда, затраченного на сооружение могилы, принимаем глубину камеры, а измерение труда, затраченного на производство предметов инвентаря, производилось путем учета количества и качества его. Таким образом, можно сформулировать гипотезу: чем глубже могила и больше инвен-

Показатель	Категория		И. вен								
	Единица совокупности		Орудия								
	Признак	Показатель совокупности	нож	нож, шило	нож, мотыга, оселок, шило	нож, оселок	пряслице	пряслице, нож	пряслице, к.-мечь, игла, нож	пряслице, шило	растарьяльник, нож
			80	81	82	83	84	85	86	87	88
Количество	Мужские	30	24	1	1	2	—	—	—	—	—
	Женские	35	5	1	—	—	5	15	1	2	1
	Всего	65	29	2	1	2	5	15	1	2	1
% от совокупности	Мужские	100	80,0	3,3	3,3	6,7	—	—	—	—	—
	Женские	100	14,3	2,8	—	—	14,3	42,9	2,8	5,7	2,8
	Норма распределения	100	47,2	3,1	1,7	3,3	7,2	21,4	1,4	2,8	1,4
Тенденция совокупности	Мужские		1,7	1,0	2,0	2,0	—	—	—	—	—
	Женские		0,3	1,0	—	—	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
	Степень сходства по совокупности										
											21,0

таря, в том числе дорогих и редко встречающихся предметов, тем выше социальный статус погребенного.

Выделить группы погребений, характеризующиеся определенным сочетанием социально значимых признаков, можно с помощью корреляционных таблиц и вычисления коэффициента корреляции. Проведение этой процедуры показало, что в основу группировки *мужских погребений* можно положить признак наличия в инвентаре определенного набора предметов вооружения. Корреляция этого признака с размерами погребальных сооружений (находки других категорий инвентаря в мужских погребениях единичны, поэтому корреляция здесь не дала заметных результатов) позволила разделить указанный массив на две группы (табл. VII).

I. Погребения содержат лишь наконечники стрел (53,3%). В данной группе преобладают могилы небольших размеров (см.: табл. VII, признаки № 26, 32, 35 и т. д.), погребения преимущественно впускные. Из других категорий инвентаря здесь чаще всего встречается лепная посуда (коэффициент корреляции 0,2).

тарь													
группа		Оружие										Удила	
пряслице, шило, нож	нет	стрелы	стрелы, копье (дротик)	стрелы, копье, праща	стрелы, меч	стрелы, копья, щит	стрелы, копья, меч	стрелы, топор	стрелы, меч, топор	нет	есть	нет	
89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	100	101	102	
—	2	16	9	—	—	1	2	1	1	—	1	29	
1	4	9	2	1	1	—	—	—	—	22	1	34	
1	6	25	11	1	1	1	2	1	1	22	2	63	
—	6,7	53,3	30,0	—	—	3,3	6,7	3,3	3,3	—	3,3	96,7	
2,8	11,4	25,7	5,7	2,9	2,9	—	—	—	—	62,8	2,9	97,1	
1,4	9,2	39,5	17,9	1,5	1,5	1,6	3,3	1,6	1,6	31,4	3,1	96,9	
—	0,7	1,3	1,7	—	—	2,0	2,0	2,0	2,0	—	1,1	1,0	
2,0	1,3	0,7	0,3	2,0	2,0	—	—	—	—	2,0	0,9	1,0	
										31,4		99,6	

Различное количество стрел в одном погребении — от 1 до 94 — предполагает градацию внутри этой группы. На незначительном количестве погребений ее выявить трудно, но все же корреляция внутри этой группы позволила наметить две подгруппы (табл. VIII).

I. 1. Сюда входят погребения с наконечниками стрел количеством до 31 экземпляра. Они составляют 43,3% от общего количества.

I.2. Погребения, сопровождающиеся наконечниками стрел в количестве от 65 до 94, они составляют 10%.

Более ярко, отчетливо видны связи параметров в первой подгруппе (см. табл. VIII, признаки № 2, 32, 35 и т. д.), во второй они несколько расплывчаты, кроме признака № 43, что, возможно, объясняется малой представительностью этой подгруппы (всего три погребения).

II. Вторая группа объединяет 46,7% погребений. В состав предметов вооружения, кроме стрел, здесь входят и другие виды наступательного оружия — копья, дротики, мечи, топоры, а в одном погребении — деревянный щит. Сочетание ассортимента оружия в

Распределение признаков погребального

1. Всеобщие признаки					2. Частные при	
Признак и его номер	мужские		женские		Признак и его номер	
	%	тен-ден.	%	тен-ден.		
2. впускное	66,7	0,8	91,4	1,2	1. основное	
4. подбой	65,5	1,1	50,0	0,9	10. ориентировка входной ямы север — юг	
5. катакомба	31,0	0,8	44,1	1,2	16. камера примыкает с северо-востока	
7. ориентировка входной ямы запад — восток	46,2	1,0	45,5	1,0	17. камера примыкает с востока	
8. ориентировка входной ямы северо-запад — юго-восток	23,1	0,9	30,3	1,1	19. камера примыкает с юга	
9. ориентировка входной ямы юго-запад — северо-восток	19,2	1,0	18,2	1,0	33. длина камеры 290—420 см	
15. камера примыкает с севера	28,6	0,9	37,5	1,1	54. лепная посуда	
21. ориентировка камеры запад — восток	55,2	1,1	41,2	0,9	80. нож	
22. ориентировка камеры северо-запад — юго-восток	27,6	0,9	32,3	1,1	86. стрелы	
23. ориентировка камеры юго-запад — северо-восток	17,2	1,0	17,6	1,0	87. стрелы, копьё (дротик)	
26. длина входной ямы 60—170 см	32,1	1,0	35,3	1,0	12. камера примыкает с запада	
27. длина входной ямы 180—200 см	21,4	0,8	35,3	1,2	14. камера примыкает с юго-запада	
28. длина входной ямы 210—270 см	39,3	1,2	26,5	0,8	56. античная посуда	
32. длина камеры 170—280 см	79,3	0,9	85,3	1,0	59. бусы	
35. ширина камеры 20—100 см	51,7	1,2	44,1	0,8	29. длина входной ямы 280—360 см	
36. ширина камеры более 100 см	48,3	0,9	55,9	1,1	55. деревянная посуда	
39. глубина камеры 170—210 см	13,3	1,2	9,4	0,8	3. яма	
40. глубина камеры 220—270 см	33,3	0,9	37,5	1,1		
41. глубина камеры 280—540 см	46,7	1,0	46,8	1,0		
43. ориентировка погребенного на запад	43,3	1,0	42,9	1,0		
44. ориентировка погребенного на северо-запад	23,3	0,9	28,6	1,1		
45. ориентировка погребенного на юго-запад	16,7	1,1	14,3	0,9		
52. жертвенные кости	90,0	1,1	71,4	0,9		
13. камера примыкает с северо-запада	7,1	1,1	6,2	0,9		
18. камера примыкает с юго-востока	7,1	0,9	9,4	1,1		
38. глубина камеры 40—160 см	6,7	1,0	6,2	1,0		

Таблица V

обряд в мужских и женских погребениях

знаки по тенденции				3. Частные «чистые» признаки			
мужские		женские		Признак и его номер	муж.	жен.	
%	тендец.	%	тендец.		%	%	
33,3	1,6	8,6	0,4	48. ориентировка погребенного на восток	10,0		
11,5	1,3	6,0	0,7	61. браслет	10,0		
28,6	1,3	15,6	0,7	62. бусы, серьги		11,4	
10,7	1,6	3,1	0,4	63. бусы, браслет		11,4	
10,7	1,6	3,1	0,4	84. пряслице		14,3	
				85. пряслице, нож		42,9	
				57. лепная и античная посуда	3,3		
				75. ворварка, бусы	3,3		
20,7	1,4	8,8	0,6	76. ворварка	6,7		
				82. нож, шило, оселок, мотыга	3,3		
16,7	1,5	5,7	0,5	83. нож, оселок	6,7		
80,0	1,7	14,3	0,3	88. стрелы, копьа, щит	3,3		
53,3	1,3	25,7	0,7	89. стрелы, копьа, меч	6,7		
30,0	1,7	5,7	0,3	90. стрелы, топор	3,3		
				91. стрелы, топор, меч	3,3		
3,6	0,4	12,5	1,5	24. камера ориентирована на север		8,8	
				31. длина камеры 80—160 см		5,9	
3,6	0,4	12,5	1,5	46. ориентировка погребенного на север		5,7	
				50. ориентировка погребенного на юг		2,8	
3,3	0,4	14,3	1,7	64. бусы, серьги, браслет		8,6	
6,7	0,5	20,0	1,5	66. бусы, серьги, куски краски		5,7	
7,1	1,4	2,9	0,6	67. зеркало		5,7	
				68. бусы, серьги, браслет, зеркало		2,8	
6,7	1,4	2,8	0,6	69. бусы, серьги, зеркало, куски краски		5,7	
3,4	0,7	5,6	1,3	70. бусы, браслет, серьги, перстень		2,8	
				72. бусы, перстень, зеркало		2,8	
				73. бусы, диадема, перстень, зеркало		2,8	
				74. бусы, серьги, браслет, ожерелье		2,8	
				86. пряслице, камень, игла, нож		2,8	
				87. пряслице, шило		5,7	
				88. растиральник, нож		2,8	
				89. пряслице, шило, нож		2,8	
				93. стрелы, копьа, праща		2,9	
				94. стрелы, меч		2,9	

I. Всеобщие признаки				
Признак и его номер	мужские		женские	
	%	теп-ден.	%	теп-ден.
47. ориентировка погребенного на северо-восток	3,3	1,0	2,8	0,9
49. ориентировка погребенного на юго-восток	3,1	1,0	2,8	0,9
60. серьги	3,3	1,0	2,8	0,9
81. нож, шило	3,3	1,0	2,8	1,0

одном наборе различное: стрелы и копье или копья (см. табл. IX, погребения № 75, 137, 115 и др.), стрелы и дротики (№ 103), стрелы, копье и дротик, стрелы, меч, копье и т. д. Интересно, что количество стрел в этих погребениях тоже разное, причем иногда незначительное (погребения № 75, 137, 101, 119 и др.). Таким образом, для данной группы, вероятно, имеет значение не количество стрел, а наличие других предметов вооружения.

Данная группа характеризуется более значительными размерами могил (см. табл. VII, признаки № 28, 33, 36, 41), преобладают основные погребения. Из других предметов инвентаря иногда встречается античная посуда, а также украшения (табл. IX).

Корреляция признаков внутри этой группы позволила наметить две подгруппы, отличающиеся ассортиментом оружия, который, в свою очередь, имеет сильные связи с другими параметрами (см. табл. VIII, признаки № 1, 27, 28 и т. д.).

II. 1. Погребения с наконечниками стрел, копий и дротиков, которые составляют 30% от общего количества.

II. 2. Погребения, в состав набора вооружения которых входят, кроме стрел, копий и дротиков, меч и (или) топор, или щит. Они составляют 16,7%.

И в данном случае более четко выступают параметры первой подгруппы (табл. VIII, признаки № 1, 27, 32 и т. д.).

Необходимо отметить, что из-за незначительного количества определений возраста погребенных мы не можем выявить связь между этим признаком и выделенными группами. Но из табл. IX видно, что первую группу составляют преимущественно погребения молодых воинов 25—30 и 30—40 лет, одно погребение принадлежало воину 40—50 лет. Вторая группа погребений в большей мере связана с воинами более солидного возраста — 50—60 лет, возраст одного погребенного 40—50 лет.

Парная корреляция признаков *женских погребений* показала, что индикатором в отношении определения социального статуса погребенного выступает глубина камеры, так как именно от этого фактора зависят ассортимент и количество инвентаря, а также в меньшей

мере размеры могилы. Поэтому в основу группировки женских погребений можно положить глубину залегания камеры, которая корректируется связью с другими параметрами (табл. X). Таким образом, женские погребения разделены нами на три группы (табл. XI).

Группа I составляет всего 5,7% от общего количества погребений. Основой для ее выделения послужили малые размеры могил (I интервальные группы по всем размерам). Наблюдается связь с параметром «пряслице». Другой инвентарь отсутствует или представлен незначительным количеством (2 бусины, 1 стрела).

Группа II объединяет 51,4% женских погребений и характеризуется более значительными размерами могил, а именно — II и III интервальные группы по глубине камеры имеют довольно сильные связи со II и III интервальными группами по длине входной ямы, II интервальной группой по длине камеры и т. д. (см. табл. X, признаки № 27, 28, 32, 35), а также с наличием жертвенных костей. Данная группа по сравнению с предыдущей имеет более разнообразный инвентарь, связи с которым прослеживаются по параметрам «лепная посуда», «нож», «пряслице, нож», «бусы, серьги» и т. д.

Группа III объединяет 42,9% погребений и характеризуется следующим набором взаимосвязанных признаков. IV интервальная группа по глубине камеры имеет высокую связь со II и III интервальными группами по длине входной ямы, II интервальной группой по ширине камеры и II интервальной группой по длине камеры, а также по наличию жертвенной пищи. Инвентарь данной группы отличается большим разнообразием, прослеживаются связи с античной керамикой, пряслицем и ножом, пряслицем и шилом, а также оружием, набор которого для данной группы тоже разнообразен.

Детские погребения. Как отмечалось выше, детские погребения характеризуются довольно устойчивым сочетанием первых интервальных групп по размерам, и только размеры нескольких погребений по своим параметрам аналогичны погребениям взрослых. В отличие от массива взрослых погребений среди детских есть безынвентарные, поэтому весь массив детских погребений мы разделили на две основные группы.

I. Группа безынвентарных погребений составляет 21,6% (табл. VI).

II. Погребения с инвентарем. Корреляция инвентарных комплексов погребений девочек и погребений мальчиков с размерами могилы позволила выделить две подгруппы (табл. XII).

II.1. Подгруппа объединяет 64,8% погребений. Как и группа безынвентарных погребений, она характеризуется в основном первыми интервальными группами по размерам, которые имеют сильные связи с параметрами «лепная посуда», а также некоторыми видами украшений (см. табл. XII, признаки № 54, 59, 60 и др.).

II.2. Вторая подгруппа объединяет всего несколько погребений (1,5%), которые резко отличаются от предыдущей большими размерами могил (как у взрослых), а также инвентарем, не встречающимся в первой подгруппе (табл. XII, признаки № 27, 32, 36, 55, 56 и т. д.).

Группировка дет

Группа	№ погребения	Тип погреб.-балн. сооружения	Возраст	Размеры				Бусы
				Глубина камеры	Длина входной ямы	Длина камеры	Ширина камеры	
I	11*	—в***	—	I	—	—	—	
	66	п ^в	6—8	I	I	I	I	
	38	я ^в	—	I	I	I	I	
	35	я ^в	—	I	I	I	I	
	55	п ^в	2—2,5	II	I	I	I	
	39	п ^в	—	III	I	I	I	
	141	я ^в	4	III	I	I	I	
	81	к ^в	—	IV	I	I	I	
II. 1	23	—в	—	I	—	—	—	
	18	—в	—	I	—	—	—	
	74	п ^в	—	I	I	II	I	на правой руке, среди костей животного
	19	я ^в	—	I	—	—	—	у черепа
	63	к ^в	—	I	I	I	I	вокруг черепа
	33	—в	—	I	—	—	—	около таза
	32	—в	—	I	—	—	—	около черепа
	7	я ^в	3—4	I	I	I	I	и на груди
	8	я ^в	—	I	I	I	I	на шее
	20	—в	—	I	—	—	—	на шее
	47	—в	—	I	—	—	—	у черепа
	96	п ^в	—	I	I	I	I	вокруг черепа
	57	п ^в	—	I	I	I	I	вокруг черепа и на обеих руках
	48	—в	—	I	—	—	—	
	49	—в	—	I	—	—	—	
43	я ^в	10—12	I	I	I	I		
54	п ^в	4—6	II	I	I	I	на шее и правой руке	

Таблица VI

ских погребений

Инвентарь						Жертвенные кости	Пол
Серьги	Браслеты	Посуда	Орудия труда	Оружие	Другой инвентарь		
		2 лепных сосуда лепной сосуд					Неопределенные
бронзовая серьга серебряная серьга бронзовая серьга бронзовая серьга	бронзовый браслет бронзовый и железный браслеты	лепной сосуд	нож		ракушка ракушка	кости животного	Девочки
серебряная серьга золотая серьга 2 бронзовые серьги			нож?	стрела стрела	2 амулета, костяная игрушка, бронзовая бляха	кости овцы, нож	

Группа	№ погребения	Тип погребального сооружения	Возраст	Размеры				Бусы
				Глубина камеры	Длина входной ямы	Длина камеры	Ширина камеры	
II.2	91	п ^в	—	III	—	I	I	на шее и правой руке на шее
	37	п ^в	—	III	I	I	I	
	89	к ^в	—	IV	I	I	II	
II.1	16	— ^в	—	I	—	—	—	
	28	к ^в	—	I	I	I	I	
II.2	3	п ^в	10—12	II	I	I	I	
	56	п ^в	6—7	II	I	II	I	
	95	к ^в	—	III	I	II	II	
	77	к ^о	подр.	III	II	II	II	
	139	п ^в	9—10	III	II	II	II	
	90	к ^в	подр.	IV	I	II	II	
	92	к ^в	7—8	IV	I	II	I	

* Расшифровка погребений: № 11 — Кут, 6/3, 66 — Тарасовка, 34/1, 38 — Кут, 23/1, 35 — Кут, 13/1, 18 — Кут, 8/12, 74 — Тарасовка, 58/4, 19 — Кут, 9/2, 63 — Тарасовка, 13/1, 33 — Кут, 22/2, 57 — Тарасовка, 13/3, 48 — Кут, 30/6, 49 — Кут, 30/7, 43 — Кут, 27/3, 54 — Тарасовка, 11/3, 91 — Кут, 1/3, 56 — Тарасовка, 11/5, 95 — Марьевка, 6/3, 77 — Владимировка, 10/1, 139 — Широкое П.

** В этой и последующих таблицах приняты следующие сокращения: я — яма, п — подбой,

Таким образом, предположение о социальной значимости таких признаков как размеры погребального сооружения и инвентарь подтвердилось. Группе погребений с определенными размерами соответствует определенный набор инвентаря, для мужских погребений — это в основном набор оружия, для женских — украшения и предметы туалета, в меньшей мере посуда и оружие. Эта связь на отдельных погребениях может нарушаться, поэтому выделение групп требует корректировки и упорядочения. Это в какой-то мере можно объяснить неточностью фиксации, особенно глубины, которая к тому же для впускных погребений к моменту раскопок может

Инвентарь						Жертвенные кости	Пол
Серьги	Браслеты	Посуда	Орудия труда	Оружие	Другой инвентарь		
2 золотые серьги		канфар			серебряная гривна	кости животного кости овцы	Мальчики
бронзовая серьга		деревянная чаша		42 стрелы, нож 33 стрелы, праща 9 стрел, меч	2 позвонка животного удила, чучело коня	кости коня, нож кости животного, нож кости животного, нож кости быка	
						кости овцы, нож кости животного кости животного, нож	

22/8, 55 — Тарасовка, 11/4, 39 — Кут, 23/2, 141 — Широкое П, 48/1, 84 — Тарасовка, 80/3, 23 — Кут, 32 — Кут, 22/1, 7 — Кут, 5/1, 8 — Кут, 5/2, 20 — Кут, 10/3, 47 — Кут, 30/4, 96 — Марьевка, 6/4, Владимировка, 12/4, 37 — Кут, 22/10, 89 — Владимировка, 12/2, 16 — Кут, 8/2, 28 — Кут, 21/1, 3 — 36/2, 90 — Владимировка, 12/3, 92 — Выводово, 92/1.
к — катакомба, о — основное, в — впускное.

очень отличаться от первоначальной из-за разрушенности насыпи. С другой стороны, такие погребения могут представлять собой промежуточные звенья в структуре рядового населения Скифии.

III. Интерпретация. Социальная интерпретация групп погребений, полученных внутри поло-возрастного деления, должна базироваться на сопоставлении их с данными письменных источников, этнографии, а также с общей теорией общественно-экономических формаций. В данной работе не ставилась задача интерпретации, она носит предварительный характер и затрагивает лишь некоторые вопросы истории скифов.

Кoeffициенты корреляции при

Совокупность признаков	Количество погребений	Последов. захорон.		Длина входной ямы			
		основное	впускное	60—170 см	180—200 см	210—270 см	280—360 см
				1	2	26	27
Стрелы	16	0,09	0,5	0,25	0,09	0,14	0,03
Стрелы и другое оружие	14	0,3	0,08	0,07	0,1	0,23	0,03

Кoeffициенты корреляции признаков

№ признака	Количество погребений	1	2	26	27	28	29
		Стрелы до 31 штуки	13	0,17	0,56	0,3	0,12
Стрелы 65—94 штуки	3	0,08	0,12	0,05	0,11	0,07	—
Стрелы, копья, дротики	9	0,57	0,09	0,11	0,33	0,16	0,11
То же и другое оружие	5	0,03	0,36	0,07	—	0,5	—

По вопросу социального устройства скифского общества имеются различные мнения¹¹, нас в данном случае интересует структура скифского общества, особенно нижний уровень этой структуры, который в литературе принято называть «рядовыми общинниками Скифии». При различных взглядах на структуру скифского общества в отношении последних нет существенных расхождений — основную массу рядового скифского населения составляли рядовые свободные члены, которые вели самостоятельное хозяйство и были полноправными гражданами общества. На иерархической лестнице эта прослойка занимала место между знатью (монархи, военачальники, жречество, дружинники) и зависимыми категориями населения (обедневшие кочевники, рабы) и в имущественном положении была сильно дифференцирована. Если о крайних полюсах этой прослойки можно иметь представление как по письменным источникам («восьминогие» Лукиана; «Стратон, не имеющий повозки», Пиндара), так и археологически (есть инвентарь или нет), то о промежуточных звеньях можно судить, сгруппировав погребения на основании взаимосвязанных социально значимых признаков, что и было сделано в предыдущей части работы.

¹¹ Тереножкин А. И. Общественный строй скифов. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 3 и сл.; Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М., 1975, с. 24—32.

Таблица VII

знаков мужских погребений

Длина камеры		Шарнира камеры		Глубина камеры				Группа
170— 280 см	290— 420 см	до 100 см	Солее 100 см	40— 160 см	170— 200 см	220— 270 см	280— 540 см	
32	33	35	36	38	39	40	41	
0,5 0,3	0,05 0,13	0,33 0,17	0,21 0,25	0,03 0,03	0,14 0,02	0,15 0,18	0,15 0,24	I II

Таблица VIII

мужских погребений внутри групп

32	33	35	36	38	39	40	41	Группа
0,66 0,21 0,54 0,3	0,15 — 0,11 0,11	0,55 0,04 0,16 0,5	0,27 0,02 0,5 0,05	0,07 — — 0,33	0,24 — 0,11 —	0,38 — 0,2 0,16	0,17 0,43 0,4 0,11	I.1 I.2 II.1 II.2

Попробуем соотнести выделенные группы погребений с определенными единицами структуры скифского общества. Крайние полюса в нашем массиве представлены в мужских погребениях, например, I и IV группами, где первая отражает прослойку беднейших рядовых общинников, а возможно, даже и категорию частично зависимого населения, вынужденного продавать рабочую силу своим богатым сородичам. Тогда как IV группа — это погребения верхушки этой прослойки. При довольно полном комплекте наступательного оружия защитное вооружение представлено для этой группы неполно — всего один щит (№ 42). В данном массиве мы не находим погребений дружинников, классическим примером погребения которых можно считать Новорозановское погребение¹². С некоторой долей вероятности таким можно считать лишь погребение № 93.

Промежуточные группы нашего массива мужских погребений (II и III) представляют собой, по нашему мнению, погребения самой многочисленной средней прослойки рядовых общинников.

Общим для всех этих погребений является обязательное наличие в составе инвентаря предметов вооружения. Оружие довольно часто (37%) встречается и в женских погребениях. Эта деталь отражает

¹² Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на р. Ингул.— СА, 1970, №3.

Группировка муж

Группа	№ погребения	Тип погребальн. сооружения	Возраст	Размеры			
				Глубина камеры	Длина входной ямы	Дл:на камеры	Ширина камеры
I.1	26 *	п ^в	—	IV	II	II	I
	116	п ^в	30—40	II	I	II	I
	118	к	—	IV	I	III	II
	111	я ^в	30—40	I	II	II	I
	68	п ^в	—	III	—	II	I
	98	к ^в	—	III	I	II	II
	127	п ^о	30	III	III	II	I
	30	п ^в	—	IV	I	II	I
	135	п ^о	—	IV	III	II	II
	108	п ^о	25—30	II	III	II	I
	112	п ^в	25—30	III	III	II	II
	126	п ^в	—	III	IV	III	I
	72	к ^в	—	II	I	II	II
	I.2	102	п ^в	25—30	IV	II	II
86		к ^в	40—50	IV	I	II	II
II.1	124	п ^о	—	IV	III	II	II
	75	к ^о	—	IV	II	II	II
	137	п ^о	—	III	II	II	I
	115	п	—	IV	II	II	I
	103	к ^о	40—50	III	I	II	II
	121	п ^о	50—60	IV	III	II	II
	140	п ^о	50—60	IV	III	II	I
	104	п ^о	—	II	III	II	II
	133	к ^в	—	III	I	III	II
	93	к ^в	—	IV	IV	III	II

Таблица IX

ских погребений

	Инвентарь				Жертвенные кости
	Оружие	Орудия труда	Посуда	Украшения	
1 стрела					кости козы или овцы, нож
3 стрелы, 6 стрел	нож				кости животного, нож
8 стрел 11 стрел					то же кости овцы, нож
9 стрел, 14 стрел 15 стрел	оселок нож?	лепная чаша лепной сосуд	бронзовый браслет		кости овцы, птицы кости животного, нож кости козы или овцы, нож
16 стрел 19 стрел 24 стрелы		лепной сосуд			кости овцы, нож то же кости животного, нож
31 стрела 28 стрел 65 стрел 68 стрел		лепной сосуд деревянная чаша			то же кости овцы, нож то же
94 стрелы 5 стрел, копье			2 бусины	узда	кости животного, нож то же кости быка, 2 ножа
11 стрел, копье, 39 стрел, копье 24 стрелы, 2 дротика	нож оселок, мотыга, шило				кости животного, нож
32 стрелы, копье, дротик			ворварка, бусина		кости животного, нож
49 стрел, 2 копия 57 стрел, копье, дротик	оселок	амфора	ворварка	камень	то же » »
87 стрел, копье, дротик стрелы более 200 шт., 2 копия, 3 дротика,	шило нож	фрагменты леп. сосуда «курильница», амфора, античная чаша	ворварка золотая серьга	бронзовая «вилка», 2 костяные пластины	кости коня, нож кости животного, нож

Группа	№ погребения	Тип погребального сооружения	Возраст	Размеры			
				Глубина камеры	Длина входной ямы	Длина камеры	Ширина камеры
II.2	101	— ^в	—	I	—	—	—
	128	п ^в	50—60	IV	III	III	I
	119	к	средний возраст	III	I	II	II
	107	п ^о		III	III	II	I
	42	п ^в	—	IV	III	II	I

* Расшифровка погребений: 26 — Кут, 18/1; 113 — Шевченко III, 7/1; 118 — Шевченко III, 21/2; 30 — Кут, 21/3; 135 — Шевченко III, 33/1; 108 — Широкое II, 64/1; 112 — Широкое II, 71/3; 124 — Шевченко III, 14/1; 75 — Тарасовка, 58/5; 137 — Шевченко III, 27/1; 115 — Шевченко III, Широкое II, 56/1; 133 — Шевченко III, 28/3; 93 — Выводово, 92/2; 101 — Широкое III, 13/4; 128 —

Коэффициенты корреляции при

Совокупность признаков	Количество погребений	Длина входной ямы			Длина камеры		Ширина камеры		жертвенные кости
		60—170 см	180—200 см	210—270 см	80—160 см	170—280 см	до 100 см	более 100 см	
№ признака		26	27	28	31	32	35	36	52
Глубина камеры до 160 см	2	0,16	—	—	1,0	—	0,13	—	—
Глубина камеры 170—270 см	15	0,14	0,14	0,11	—	0,45	0,28	0,17	0,45
Глубина камеры 280—540 см	15	0,08	0,2	0,18	—	0,45	0,07	0,4	0,3

ту роль, которую в жизни скифского общества играла война. Военный характер древней общины отмечал К. Маркс¹³.

В массиве женских погребений обращает на себя внимание первая группа погребений (табл. XI). Она резко отличается от всех остальных размерами могил, положением скелета, бедностью инвентаря, отсутствием жертвенной пищи, одно погребение было ориентировано на восток. Аналогичные погребения в единичных случаях встречены и на других могильниках. По мнению В. А. Ильинской, они представляют собой погребения рабов, подневольное положение

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 465.

Продолжение таблицы IX

Инвентарь					Жертвенные кости
Оружие	Орудия гру- да	Посуда	Украшения	Другие пред- меты	
8 стрел, меч, копье 163 стрелы, меч. 2 копья		2 деревян- ных сосуда			КОСТИ ОВЦЫ, НОЖ КОСТИ ЖИВОТ- НОГО, НОЖ
5 стрел, топор			бронзовый браслет бусина		то же
17 стрел, меч, топор 118 стрел, щит, 2 копья			железный браслет?		КОСТИ ОВЦЫ, НОЖ КОСТИ КОНЯ НОЖ

8/1; III — Широкое II, 71/1; 68 — Тарасовка, 48/4; 98 — Широкое III, 2/1; 127 — Шевченко III, 126 — Шевченко III, 21/1; 72 — Тарасовка, 58/2; 102 — Широкое III, 14/2; 86 — Тарасовка, 84/3; 6/2; 103 — Широкое, III, 16/1; 121 — Шевченко III, 11/1; 140 — Широкое II, 39/1; 104 — Шевченко III, 23/1; 119 — Шевченко III, 8/5; 107 — Широкое II, 62/3; 42 — Кут, 24/3.

Таблица X

знаков женских погребений

Посуда		Украшения и предметы туалета			Орудия труда				стрела	группы
лепная	античная	бусы, серьги	бусы, серьги, браслет	бусы, серьги, куски краски	нож	пряслице	прясли- це, нож	прясли- це, шило		
54	56	62	64	66	80	84	85	87	92	
—	—	—	—	—	—	0,8	—	—	0,05	I
0,13	0,01	0,11	0,2	0,03	0,4	—	0,21	—	0,08	II
—	0,2	0,06	—	—	0,01	0,05	0,2	0,13	0,21	III

которых выражено в способе захоронения, а также незначительном количестве инвентаря¹⁴. Однако в другой работе, посвященной лесостепным памятникам Скифии, исследовательница пришла к выводу, что «... мы не наблюдаем какой-то особой закономерности в отношении лиц, погребенных в скорченном положении: ни в типах положения умерших, ни в хронологии захоронений, ни в половозрастном делении, ни в социальной характеристике»¹⁵. С наименьшей долей вероят-

¹⁴ Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя. — СА, 1966, № 3, с. 167.

¹⁵ Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — Киев, 1975, с. 88—89.

Группировка жен

Группа	№ погребения	Тип погребальн. сооружения	Возраст	Размеры				Орудия труда
				Глубина камеры	Длина входной ямы	Длина камеры	Ширина камеры	
I	106	я ^B	—	I	I	I	I	пряслице пряслице
	71	к ^B	—	I	I	I	I	
II	114	п ^B	25—30	III	III	II	I	пряслице пряслице пряслице пряслице, нож пряслице пряслице 5 пряслиц 2 пряслица 3 пряслица пряслице 2 пряслица 2 пряслица
	50	п ^B	—	III	IV	II	II	
	123	п ^B	22—25	IV	II	II	I	
	I	п ^B	—	IV	II	II	II	
	80	к ^B	25—30	II	II	II	II	
	44	п ^B	—	II	II	II	I	
	79	к ^B	18—20	II	I	II	II	
	97	к ^B	—	III	I	II	II	
	73	п ^B	—	III	I	II	I	
	60	к ^B	18—20	III	I	II	I	
	24	п ^B	—	III	II	II	II	
	82	к ^B	—	IV	I	II	II	
	117	п ^B	—	IV	III	II	I	
III	5	к ^B	—	—	II	III	II	
	2	к ^B	—	—	I	II	I	
	25	п ^O	—	—	—	—	—	
	131	п ^O	—	III	II	II	I	
	9	к ^B	—	III	I	II	II	
	100	п ^O	—	III	III	II	I	

вентарь				Жертвенные кости
Посуда	Украшения	Оружие	Другой инвентарь	
фрагменты леп. сосуда	2 бусины (на правой руке)	1 стрела	зеркало	КОСТИ ЖИВОТНЫХ, НОЖ КОСТИ КОНЯ, НОЖ КОСТИ ЖИВОТНЫХ, НОЖ КОСТИ КОНЯ, НОЖ
канфар	бусы на руках и под тазом, бронзовая серьга бусы на левой руке, 2 бронзовые серьги бусы на груди и обеих руках, бронзовые серьги бусы на шее		комок красной и желтой краски	КОСТИ ЖИВОТНЫХ КОСТИ ЖИВОТНЫХ, НОЖ КОСТИ БЫКА, НОЖ
фрагменты и целый сосуд (леп.)	бусы на левой руке бронзовая серьга бусы на груди, бронзовые серьга и 2 браслета	4 стрелы		КОСТИ ЖИВОТНЫХ, НОЖ ТО ЖЕ КОСТИ КОНЯ, НОЖ
	бусы на шее, 2 бронзовых браслета бусы на шее, 3 бронзовые серьги 2 бусины бусы на шее бусы на шее, бронзовый браслет бусы на шее и обеих руках, 2 бронзовые серьги и 2 колечка, бронзовый и железный браслеты бусы на обеих руках, бронзовые серьга и браслет	72 стрелы 14 стрел 17 стрел	охра	КОСТИ БЫКА, 2 НОЖА КОСТИ ЖИВОТНЫХ 2 НОЖА КОСТИ БЫКА И РЫБЫ, НОЖ
			зеркало	КОСТИ КОНЯ, 2 НОЖА КОСТИ ОВЦЫ, НОЖ

Группа	№ погребения	Тип погребения, сооружения	Возраст	Размеры				Ив
				Глубина камеры	Длина входной ямы	Длина камеры	Ширина камеры	
III	129	п ^о	25	III	II	II	I	пряслице, камень, игла пряслице
	6	п ^в	—	III	III	III	II	
	113	я ^в	—	III	III	II	I	пряслице пряслице пряслице пряслице 2 пряслица, шило растиральник 2 пряслица пряслице пряслице, шило 2 пряслица железный стержень пряслице, железный стержень
	120	к ^в	50—60	IV	I	II	II	
	85	п ^в	40—50	IV	III	II	II	
	84	п ^в	30—35	IV	III	II	II	
	122	к ^в	—	IV	I	II	I	
	130	п ^в	—	IV	III	II	I	
	53	к ^в	—	IV	III	II	II	
	94	к ^в	—	IV	I	II	II	
	65	к ^в	—	IV	II	II	II	
	15	п ^в	—	IV	II	II	II	
	59	к ^в	25—30	IV	II	II	II	
	64	к ^в	—	IV	II	III	II	

* Расшифровка погребений: 103 — Широкое II, 61/2; 71 — Тарасовка, 58/1; 114 — Шевчен Кут, 27/7; 79 — Тарасовка, 68/2; 97 — Марьевка, 5/2; 73 — Тарасовка, 58/3; 60 — Тарасовка, 16/2; Кут, 13/4; 131 — Шевченко III, 27/1; 9 — Кут, 5/4; 100 — Широкое III, 9/1; 129 — Шевченко III, Тарасовка, 83/2; 122 — Шевченко III, 11/2; 130 — Шевченко III, 24/2; 53 — Тарасовка, 11/2; 94 — бение; 59 — Тарасовка, 14/2; 64 — Тарасовка, 27/4

Продолжение табл. XI

Инвентарь				Жертвенные кости
Посуда	Украшения	Оружие	Другой инвентарь	
деревянная ми- сочка	бусы на шее, брон- зовая серьга		зеркало, крас- ная краска	кости овцы, нож
	бусы на шее, брон- зовый и железный браслеты, желез- ный перстень, 2 зо- лотые серьги		красная краска	кости коня, нож
	бусы на правой руке и тазу	20 стрел, копье	узда	кости живот- ных, нож
	бусы на шее, 2 бронзовые серь- ги	30 стрел	зеркало	то же
	бусы на шее и ле- вой руке		зеркало	»
	бусы на шее и ле- вой руке, бронзо- вая серьга		зеркало	»
	бусы на шее, брон- зовый браслет		»	»
	бусы на правой руке, 2 серьги		»	»
	бусы на шее и обеих руках, зо- лотой перстень	12 стрел, копье, пра- ща, нож	зеркало, голов- ной убор, пряжка	»
канфар	бусы на обеих ру- ках, бронзовые серьги	15 стрел	зеркало, охра	кости быка, нож
канфар	бусы на шее, се- ребряный пер- стень, золотая диадема	87 стрел, нож	зеркало, дере- вян. коробоч- ка	
канфар	бусина, железный браслет	7 стрел, копье	костяная пуго- вица, бронзо- вое и железное кольцо	кости животных, 2 ножа
краснолаковая чашечка	бусы на шее и обе- их руках, 3 брон- зовые серьги, оже- релье и браслет		бронзовое кольцо, голов- ной убор	

ко III, 1/2; 50 — Кут, 30/8; 123 — Шевченко III, 12/2; 1 — Кут, 1/1; 80 — Тарасовка, 80/2; 44 —
24 — Кут, 13/3; 82 — Тарасовка, 82/3; 117 — Шевченко III, 7/3; 5 — Кут, 2/3; 2 — Кут, 1/2; 25 —
24/1; 6 — Кут, 3/7; 113 — Широкое II, 71/4; 120 — Шевченко III, 9/2; 85 — Тарасовка, 84/2; 84 —
Марьевка, 6/2; 65 — Тарасовка, 31/1; 15 — Кут, 7/9 (взято только неограбленное женское погре-

Коэффициенты корреляции при

Совокупность признаков	Количество погребений	Длина входной ямы		Длина камеры		Ширина камеры		жертвенные кости
		60—170 см	180—200 см	80—160 см	170—280 см	до 100 см	более 100 см	
№ признака		26	27	31	32	35	36	52
Глубина камеры до 200 см	21	0,36	—	0,32	0,03	0,4		0,15
Глубина камеры более 200 см	8	0,19	0,25	0,09	0,45	0,08	0,62	0,28

ности в них можно видеть и захоронения беднейших общинников¹⁶. Следует отметить, что форма погребального обряда, как об этом свидетельствуют этнографические данные, зависит не только от пола, возраста и социального ранга погребенного, но и от причины смерти¹⁷.

II группу массива женских погребений можно примерно соотносить со II и III группами мужских погребений, а III — с IV. Промежуточное положение между погребениями рядовых скифов и знати занимает погребение № 15, которое по размерам погребального сооружения не выходит за рамки рядовых, но многочисленность и богатство инвентаря указывают на более высокий социальный ранг.

Таким образом, в общем инвентарь рядовых погребений довольно скромный. Только в третьей группе женских погребений и четвертой группе мужских встречаются, например, такие вещи как античная посуда, редко украшения из благородных металлов, зеркала, а из предметов вооружения — мечи, топоры, щит. Поэтому мы считаем преувеличенными представления некоторых ученых о значительных богатствах, сконцентрированных в руках рядового населения, и интерпретации погребений с дорогой утварью, полным набором вооружения, а также дорогими украшениями как погребений рядовых общинников¹⁸. Полный набор вооружения, в который входил и защитный доспех, являлся экипировкой военной аристократии, а также дружинников¹⁹.

Сословие знати в нашем массиве представлено лишь несколькими детскими погребениями, которые выделились в самостоятельную группу (II, 2). Они выделяются по сравнению не только с детскими

¹⁶ Хаванов А. М. Указ. соч., с. 135.

¹⁷ Алекшин В. А. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур). — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 50—51.

¹⁸ Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 8.

¹⁹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1-4, с. 83; Черненко Е. В. Скифский доспех. — Киев, 1968, с. 166.

Таблица XII

знаков детских погребений

Посуда			Украшения						Оружие			
летная	деревянная	агличная	бусы	серьга	бусы, серьга	бусы, серьга, браслет	бусы, серьга, гривна	сурелья	стрелы, меч	стрелы, праща	удила	группа
54	55	56	59	60	62	64	78	91	94	99	101	
0,14	—	—	0,3	0,1	0,09	0,09	—	0,06	—	—	—	П.1
—	0,12	0,12	0,05	0,03	—	—	0,12	0,04	0,12	0,12	0,12	П.2

погребениями, но и со взрослыми. Погребения мальчиков сопровождалась колчанными наборами, одно — стрелами и мечом, еще одно — чучелом коня и удилами. Колчанные наборы редки в детских погребениях, как было показано выше, мечи не часто встречаются в погребениях взрослых воинов. Наше погребение — единственный случай находки меча в детском погребении. Это же относится и к погребению с чучелом коня.

К этой же прослойке относится и погребение девочки № 89 с серебряной гривной — предмет, тоже редко встречающийся в погребениях взрослых, и обладание которым, по мнению некоторых исследователей, было признаком знатности и богатства²⁰.

В данном случае мы имеем отклонение от стандартного набора инвентаря, которое заключается в наличии в детских погребениях предметов, не характерных для этой группы, с одной стороны, а с другой, — вообще редко встречающихся. Такая деталь свидетельствует об особом положении умершего²¹.

Суммарная характеристика женских погребений, а также сравнительный анализ с мужскими дают возможность по-новому подойти к решению вопроса о положении женщины в скифском обществе. Большая роль мужчины-воина несколько заслонила вопрос о положении женщины. Здесь особенно много неясностей, вызванных не только трудностью вопроса, но и отсутствием специального исследования. Тем не менее специалисты единодушны в том, что женщина в скифском обществе занимала несколько «приниженное положение»²². Основанием для такого утверждения служат сообщения

²⁰ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. — Киев, 1968, с. 138.

²¹ Алексин В. А. К изучению социальной структуры ранних кочевников Средней Азии (по материалам могильников). — В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975, с. 74.

²² Ілїнська В. А., Тереножкін О. І. Скифський період. — В кн.: Археологія Української РСР. К., 1971, с. 42; Хазанов А. М. Указ. соч., с. 83.

античных авторов, особенно Геродота, которые якобы подтверждаются археологическими данными. Особенно это «приниженное положение» заметно при сравнении с сарматским обществом, где женщина занимала главенствующее положение. Доказательством тому служат и погребения женщин с оружием, которые в сарматской культуре составляют 20% от общего количества погребений с оружием. В скифском мире таких погребений якобы намного меньше²³. Такое представление сложилось вследствие недостаточной изученности материалов скифских могильников, которых в настоящее время раскопано много. На примере нашей выборки, которая является частицей огромного скифского материала, видно, что это не так. Из 35 женских погребений оружие было в 13, что составляет 37%. Всего в нашем массиве, включая детские погребения, имеется 51 погребение с оружием, более 25% этих погребений являются женскими. В одном погребении за головой погребенной, кроме оружия, были предметы узды (№ 113). Оружие найдено в погребениях различного возраста, основных и впускных. Статистическая характеристика скифских погребений дает возможность археологически, а не только по письменным источникам, сравнить два культурных массива — скифский и сарматский, и на этом основании сделать вывод об их различии и сходстве.

Ценным источником для изучения положения женщины являются коллективные погребения. Обработка их требует специальной методики. Полевые наблюдения и предварительный анализ показывают, что внутренняя типография камеры и положение останков погребенных свидетельствуют о равном положении женщины и мужчины. Особенно хорошо это иллюстрируют парные погребения мужчины и женщины. Женщина похоронена рядом с мужчиной, в центральной части камеры, ориентированы они в одном направлении. Об этом же свидетельствует и распределение инвентаря — каждого погребенного сопровождает инвентарь, который соответствует полу погребенного. В коллективных усыпальницах с двумя входными ямами известны случаи, когда первой была погребена женщина.

Все указанные данные свидетельствуют о достаточно самостоятельном и относительно высоком положении женщины в скифском обществе. Аналогичная картина наблюдается в кочевнических обществах различных эпох.²⁴

Изложенными вопросами не исчерпываются социальные аспекты изучения погребального обряда. В данном случае мы лишь сделали попытку показать, что поиски новой методики обработки данных погребального обряда открывают новые перспективы изучения истории скифов.

²³ *Хазанов А. М.* Указ. соч., с. 84—85.

²⁴ *Грач А. Д.* Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии).— В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 174; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.— М., 1971, с. 259—260.

В. И. БАЛАБИНА
**ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
СОСТАВА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ
РАННЕТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БЕРНАШЕВКА**

Количественный анализ культурного слоя археологического памятника становится неперенным условием его успешного исследования. Такой анализ дает объективные выводы о мощности слоя, стратиграфическом распределении материала, особенностях стратиграфического и планиграфического распределения каждой массовой категории находок; позволяет выделить в культурном слое горизонты, а также ограничить скопления материала на площади в пределах каждого горизонта и интерпретировать их. Кроме того, количественные характеристики, являясь достаточно объективными, позволяют сравнивать поселения между собой и, следовательно, выработать четкие критерии того, что значит «много» или «мало» для любой категории материалов в слое, а это, в свою очередь, дает возможность судить об интенсивности жизни памятника и особенностях его уклада. Не случайно к количественному анализу прибегают для получения тех или иных данных исследователи разновременных памятников¹.

К сожалению, совершенно отсутствуют количественные характеристики слоя в монографиях и статьях, посвященных многочисленным памятникам трипольской культуры. На некоторых трипольских поселениях раскапывались лишь жилища, а культурный слой за их пределами не изучался. Между тем для трипольских памятников с их разнообразными жилыми, хозяйственными и производственными объектами характерен мощный культурный слой, содержащий обильный материал. Применение количественного анализа при изучении такого слоя обещает дать весьма плодотворные результаты.

В настоящей статье приводятся данные количественного анализа культурного слоя раннетрипольского поселения Бернашевка в Среднем Поднестровье (Могилев-Подольский район Винницкой области)*. Материал подсчитан в пределах одного раскопа (1975 г., жилище № 4), давшего наибольшее количество находок. При всей ограниченности объекта исследования результаты подсчетов представляют определенный интерес.

Памятник раскапывался квадратными участками (2 × 2 м) с равномерным углублением на один штык — 0,25 м. Культурный слой

¹ *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона.— МИА, 1963, № 121; *A. Leroi-Gouhlian et M. Brozillon.* Foilles de Pincevent Assai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien (La section 36) VIII supplement a «Gallia Préhistoire», 1972; *Каменецкий И. С.* К теории слоя.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 83—94; *Распопова В. И.* Керамика и слой поселения (на материалах VII—VIII вв. Пенджикента).— Там же, с. 95; *Деоник Д. В.* Классификация и статистический анализ керамического комплекса у села Кирово.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 73.

* Поселение исследовалось в 1972—1975 гг. отрядом Института археологии АН УССР под руководством В. Г. Збеневича при непосредственном участии автора. Материал на ЭВМ БЭСМ-6 обработал И. Е. Балабин.

начинается непосредственно на поверхности, однако из-за того, что поселение ежегодно распахивается, находки с первого штыка не подсчитывались. Начиная со второго штыка производился поквартирный учет всех массовых категорий материала. На глубине четвертого штыка находилась глинобитная площадка — жилище № 4. Таким образом, в пределах раскопа слой исследовался на штыках 2, 3, 4, в которых зафиксировано 11 646 предметов массовых категорий материала: керамики, кремня, костей животных.

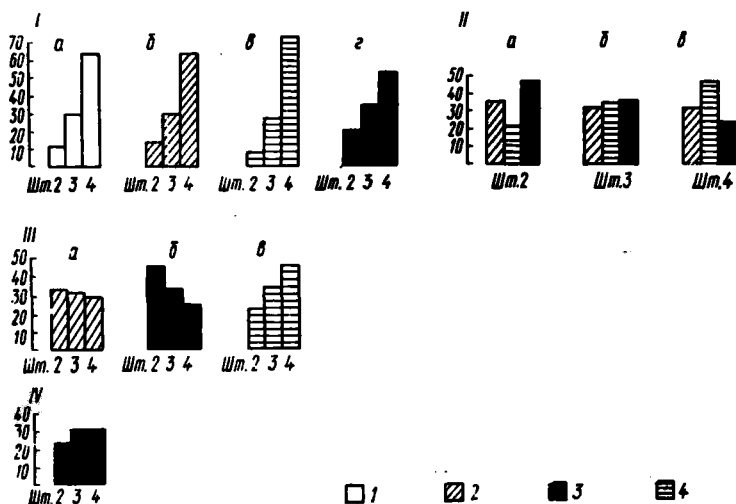

Рис. 1. Гистограммы:

1 — распределение массовых категорий находок в зависимости от глубины залегания; II — состав слоя в зависимости от глубины залегания; III — доля в слое каждой массовой категории в зависимости от глубины залегания; IV — распределение обработанного кремня в зависимости от глубины залегания. Условные обозначения: 1 — весь материал; 2 — керамика; 3 — кремень; 4 — кости животных.

Характеристика слоя проводилась по вертикальному и горизонтальному распределению материала на площади раскопа.

Вертикальное распределение материала. Необходимо выяснить, изменяется ли насыщенность слоя в зависимости от глубины залегания (штыки 2, 3, 4). Как следует из гистограмм (рис. 1, I, а, б, в, г), для всего слоя в целом и для каждой категории в отдельности прослеживается общая закономерность: максимум материала приходится на четвертый штык, а минимум — на второй. Наибольшая степень концентрации соответствует уровню залегания жилища.

Состав слоя. В слое, ограниченном раскопом, на площади 150 м² в общем равномерно представлены все три категории массового материала (керамика, кремень, кости животных).

Рассмотрим состав слоя в зависимости от глубины залегания в пределах штыков — мощностью 0,25 м (рис. 1, II, а, б, в). Из гистограмм следует, что на штыках 2, 3, 4 соотношение массовых категорий материала различно. По критерию χ^2 это различие существен-

но² и свидетельствует об особом распределении материала в пределах каждого штыка *. На втором штыке преобладает кремнь, керамики меньше, самой малочисленной группой являются кости животных; на третьем штыке все группы составляют равные доли, а на четвертом штыке самая представительная категория — кости животных, а наименее представлен кремнь (табл. I).

Таким образом, на нашем памятнике в зависимости от глубины существенно варьируется распределение массовых категорий в слое. Преобразуем гистограммы II — а, б, в (рис. 1, II) так, чтобы можно было сравнить доли каждой категории материала на всех трех штыках (рис. 1, III, а, б, в).

Керамика на каждом штыке составляет постоянный процент слоя, а доли костей животных и кремня изменяются, причем по-разному: доля костей животных растет от второго штыка к четвертому, а доля кремня падает.

По критерию χ^2 вероятность появления керамики на всех штыках одинакова. Для кремня и костей животных значения χ^2 существенно выше табличного, следовательно, эти категории имеют разные вероятности появления на каждом штыке и подчиняются разным законам распределения.

Дополнительной характеристикой распределения кремня в слое служит распределение кремня со следами обработки и использования, полностью взятого в коллекцию. Общее количество такого кремня — 1004, что составляет 29% от всего кремня. На штыках 2, 3, 4 процент кремня со следами обработки и использования почти одинаков, то есть соотношение этого кремня и всего кремня неизменно. Оно не зависит от глубины и мощности слоя, что, по-видимому, свидетельствует об одинаковой утилизации кремня на отрезках времени, соответствующих штыкам 4, 3, 2 (рис. 1, IV).

Итак, стратиграфическое распределение материала (соотношение массовых категорий находок) позволяет сделать следующие выводы:

1) Массовые категории могут распределяться в слое по-разному: составлять неизменный процент; доля может расти; доля может падать.

² Критерий χ^2 позволяет установить, имеют ли одинаковое распределение сравниваемые выборки, например, сравнение распределений массовых категорий находок на разных штыках (подчиняется ли данная массовая категория на штыках 2, 3, 4 одному закону распределения). Вычисление χ^2 производится по формуле: $\chi^2 = \sum \frac{(Y_{ij} - n_j P_i)^2}{L_j n_j P_i}$, где Y_{ij} — количество материала вида i в j штыке; n_j — общее количество материала в j -м штыке; P_i — вероятность появления материала i в штыке j .

Полученное значение χ^2 сравнивается с табличным. Если оно меньше, или равно табличному, гипотеза об однородности выборки признается достоверной. См.: Крамер Е. Математические методы статистики. — М., 1975, с. 483; Бродский А. Д., Кач В. Л. Краткий справочник по математической обработке результатов измерений. М., 1960, с. 159.

* Все значения χ^2 приведены в табл. II.

2) Разные временные периоды характеризуются особым соотношением массовых категорий находок.

3) На исследуемом участке поселения Бернашевка по распределению материала достаточно четко отличаются два горизонта — верхний (штык 2) и нижний (штык 4). Штык 3 может быть либо зоной

Т а б л и ц а I

Значения χ^2 для сравниваемых выборок

Сравниваемые выборки	Полученное значение χ^2	Табличное значение χ^2 $p = 0,95$	Критерий	
			выборки однородны	выборки неоднородны
Керамика на штыках 2, 3, 4 (рис. 1, 1б)	4,888	9,448	+	—
Кремень на штыках 2, 3, 4 (рис. 1, 1з)	281,6	9,448		—
Кости животных на штыках 2, 3, 4 (рис. 1, 1ю)	314,7	9,448		—
Распределение всего материала на штыках 2 и 3 (рис. 1, 1а, б)	21,369	5,991		—
Распределение всего материала на штыках 3 и 4 (рис. 1, 1б, в)	47,578	5,991		—
Распределение всего материала на штыках 2 и 4 (рис. 1, 1а, в)	50,695	5,991		—
Скопления I и II на штыке 4 (рис. 4, 1а, б)	0,700	5,991	+	
Скопления II и III на штыке 4 (рис. 4, 1б, в)	24,488	5,991		—
Скопления I и III на штыке 4 (рис. 4, 1а, в)	62,842	5,991		—
Скопление I и квадрат 3/7 на штыке 4 (рис. 4, 1а, з)	31,887	5,991		—
Скопление II и квадрат 3/7 на штыке 4 (рис. 4, 1б, з)	22,002	5,991		—
Скопление III и квадрат 3/7 на штыке 4 (рис. 4, 1в, з)	21,674	5,991		—
Материал из помещений I и 2 (рис. 4, 1а, б)	9,267	5,991		—
Скопления I и II на штыке 3 (рис. 4, 1а, б)	4,213	5,991	+	
Скопления I и II на штыке 2 (рис. 4, 1а, б)	0,914	5,991	+	
Скопления I и III на штыке 2 (рис. 4, 1а, в)	7,816	5,991		—
Скопления II и III на штыке 2 (рис. 4, 1а, в)	8,792	5,991		—

смешения между верхним и нижним горизонтами (именно поэтому все категории представлены в нем равномерно), либо он представляет особый горизонт слоя.

Распределение материала в плане. На всех трех штыках материал распределяется по площади раскопа неравномерно. Для достаточно строгого выделения и ограничения скоплений, а также лакун — зон

с пониженной концентрацией — был применен критерий Фишера³, позволивший установить значимость отклонения концентрации на каждом участке раскопа * от средней концентрации. Данные всех штыков для керамики, кремня и костей животных обрабатывались и отдельно наносились на план раскопа. В результате получены планы с выделенными скоплениями, пространствами с концентрацией, не отличающейся от средней, и лагунами — зонами с существенно пониженной концентрацией (рис. 2, 4—9).

На штыках 2, 3, 4 скопления локализируются по-разному, следовательно, каждый штык обладает своей спецификой. Поэтому целесообразно описывать их раздельно, начиная с самого нижнего — штыка 4.

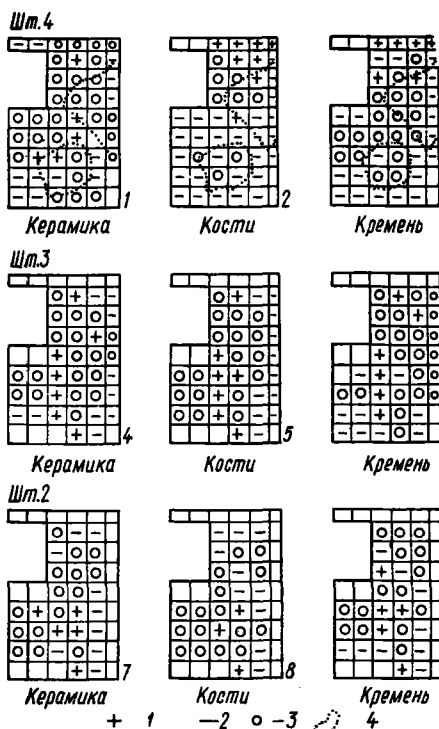

Рис. 2. Распределение массовых категорий находок на площади раскопа по штыкам (1—9).

Условные обозначения: 1 — концентрация существенно выше средней; 2 — концентрация в пределах средней; 3 — концентрация существенно ниже средней; 4 — контуры жилища.

На уровне штыка 4 сохранились остатки двухкамерной постройки или двух построек (условно помещения № 1, 2). Помещение № 1

³ Критерий Фишера (F) позволяет установить существенность различия между сравниваемыми долями (ρ_1 и ρ_2) выборок № 1 и 2. Если фактическая величина критерия ($F_{\text{ф}}$) превосходит его стандартное значение ($F_{\text{ст}}$), определяемое по таблицам (для взятого уровня значимости (P) и чисел степеней свободы $K_1 = 1$ и $K_2 = (N_1 + N_2) - 2$), то разница между долями (ρ_1 и ρ_2) существенна. $F_{\text{ф}}$ определяется по формуле: $F_{\text{ф}} = (\varphi_1 - \varphi_2)^2 \times \frac{N_1 \cdot N_2}{N_1 + N_2}$, где $\varphi_1 = 2 \arcsin \sqrt{\rho_1}$, $\varphi_2 = 2 \arcsin \sqrt{\rho_2}$.

В нашем случае сравнивались доли \bar{a} и ρ_n . \bar{a} — средняя концентрация при объеме выборки $= N$, то есть теоретическое распределение; ρ_n — реальная концентрация на каждом квадрате, иными словами, фактическое распределение той же выборки. При подстановке значений формула приобретает вид: $F_{\text{ф}} = (\varphi_{pn} - \varphi_n)^2 \cdot \frac{N \cdot N}{N + N} = (\varphi_{pn} - \varphi_n)^2 \cdot \frac{N}{2}$. Лакин Г. Ф. Биометрия. — М., 1973, с. 158.

* За условную единицу подсчета принят один квадратный участок площадью 4 м². Площадь меньших участков суммировалась и проводилась к условной единице.

с остатками глинобитного пола подпрямоугольных очертаний находится в южной части раскопа; с севера к нему почти вплотную примыкает жилище № 2. Оно, видимо, не имело пола и остатки его фиксируются по мелким разрозненным кускам печины, составляющим в плане прямоугольник. Помещение № 2 — более легкое сооружение типа сарая.

На уровне построек и над ними в пределах штыка № 4 выделяются три скопления (рис. 3, I). Скопление I, охватывающее квадраты 3/2, 3/3, 2/3, локализуется в юго-западной части помещения № 1. В этом скоплении превышает среднюю только концентрация кера-

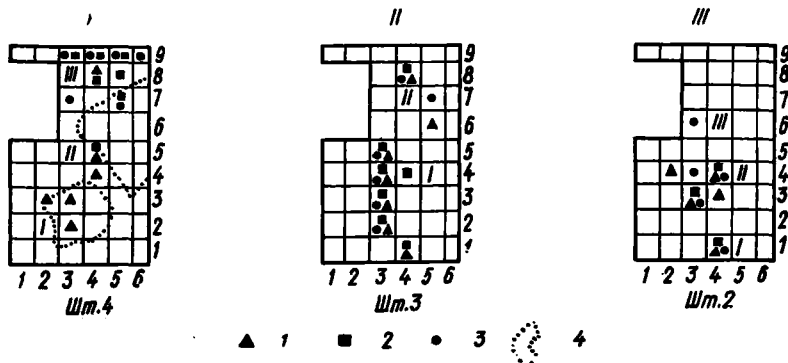

Рис. 3. Расположение скоплений и их состав:

I — скопления на штыке 4; II — скопления на штыке 3; III — скопления на штыке 2. Условные обозначения: 1 — керамика; 2 — кости животных; 3 — кремнь; 4 — контуры жилища.

мики. Количественно в нем преобладает также керамика, доля костей животных ниже, кремня совсем мало (рис. 4, Ia).

Скопление II располагается между помещениями № 1, 2 и в южной части помещения № 2. Повышена концентрация керамики и костей животных (в процентном соотношении эти категории равнозначны), кремня в скоплении II мало (рис. 4, Ib).

Скопление III, расположенное за пределами построек к северу и северо-западу от помещения № 2, чуть заходит на него краем. В этом скоплении повышена концентрация костей животных и кремня. В процентном соотношении резко преобладают кости животных, кремня и керамики очень мало (рис. 4, Ic).

В пределах скопления III, к западу от помещения № 2 выделяется квадрат 3/7, где среднюю концентрацию превышает только кремнь. Скопление на кв. 3/7 в равной степени состоит из кремня и костей животных; керамики несколько меньше (рис. 4, Id).

Все скопления на 4 штыке были попарно сравнены по критерию χ^2 . Оказалось, что скопления I и II принадлежат одной совокупности, а скопление III и кв. 3/7 по характеру распределения отличаются как друг от друга, так и от скоплений I и II.

Таким образом, скопления на штыке 4 различны по составу. Последний, несомненно, зависит от локализации скоплений отно-

сительно построек: скопления керамики связаны с жилищем и не подтверждаются скоплениями кремня и костей животных; скопление за пределами построек (III) состоит преимущественно из костей животных; в одном квадрате (3/7) резко повышена доля кремня.

Распределение всех категорий материала по площади различно. Что касается керамики, то вокруг скоплений простирается зона со средней ее концентрацией, занимающая почти всю площадь за исключением нескольких участков к югу и востоку от помещения № 1, где концентрация существенно ниже средней (рис. 2, 1).

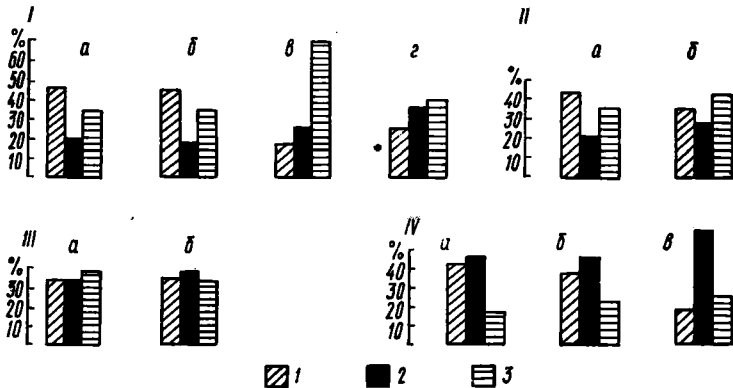

Рис. 4. Гистограммы:

I — состав скоплений на штыке 4 (а — скопление I; б — скопление II; в — скопление III); 2 — скопление на квадрате 3/7; II — распределение материала в помещениях 1 (а) и 2 (б); III — состав скоплений на штыке 3 (а — скопление I; б — скопление II); IV — состав скоплений на штыке 2 (а — скопление I; б — скопление II; в — скопление III). Условные обозначения: 1 — керамика; 2 — кремень; 3 — кости животных.

Кости животных имеют самую высокую среди прочих категорий степень концентрации. Больше трети их сосредоточено в северной части раскопа, в скоплении III. Рядом со скоплением III в шести участках (3/8, 3/7, 4/7, 3/6, 4/6, 5/6), захватывающих половину помещения № 2, наблюдается средняя концентрация.

На всей остальной площади раскопа в отличие от керамики костей почти нет; лишь слабое сгущение до уровня средней заметно в помещении № 1 (рис. 2, 2). Судя по всему, распределение костей животных не случайно и обусловлено каким-то специфическим использованием этого места, о чем свидетельствует и полевое наблюдение (кости залежали горизонтальными пластами, не исключено, что их присыпали землей). Можно было бы предположить здесь наличие площадки для разделки туш, однако ее расположение в непосредственной близости от жилых построек кажется сомнительным. Кроме того, для интерпретации этого скопления необходимы данные не только о составе стада и числе особей, но и о состоянии костей: имеются ли среди них разбитые; если да, то какие и каким образом были разбиты.

Кремень также имеет особое распределение, отличающееся от распределения керамики и костей животных. Скопления его находятся к северу и северо-западу от помещения № 2. В пределах построек и между ними кремень имеет среднюю концентрацию. К югу, востоку и западу от помещения № 1 концентрация его существенно понижена (рис. 2, 3).

Распределение кремня со следами обработки и использования совпадает с распределением всего кремня (рис. 5, 1, 2). По-видимому, именно скопления первого определяют места скоплений всего кремня. Поэтому группу участков с повышенной концентрацией кремня, вероятно, можно интерпретировать как место его обработки — «рабочую площадку»⁴.

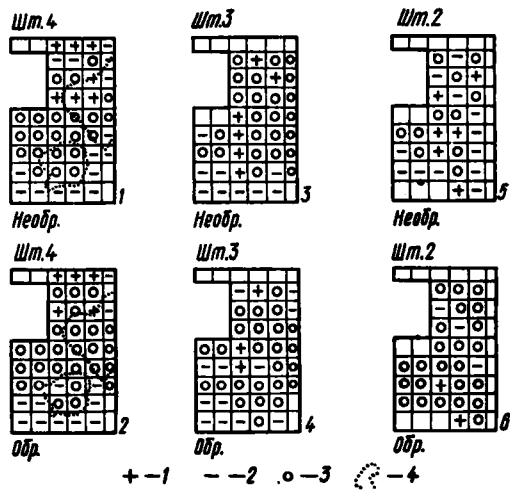

Рис. 5. Распределение на площади [раскопа по штыкам обработанного (2, 4, 6) кремня и необработанного (1, 3, 5) кремня. Условные обозначения:

1 — концентрация существенно выше средней; 2 — концентрация существенно ниже средней; 3 — концентрация в пределах средней; 4 — контуры жилища.

ния III, например, кв. 5/7, кремня даже больше (90), чем в скоплении на кв. 3/7 (70), но из-за того, что процент костей животных очень высок, доля кремня на этом квадрате относительно низка. При раскопках было замечено, что кремень располагался в нижней части штыка 4, между костями и под ними. Возможно, сначала к северо-западу от помещения № 2 находилась площадка для обработки кремня; позднее к северу от нее и от жилища устроили «разделочную площадку», и слой костей постепенно занял северную часть скопления кремня. В процентном отношении кости живот-

первого определяют места скоплений всего кремня. Поэтому группу участков с повышенной концентрацией кремня, вероятно, можно интерпретировать как место его обработки — «рабочую площадку»⁴.

Скопление в квадрате 3/7, где лишь кремень имеет повышенную концентрацию, примыкает почти вплотную к скоплению III, где повышена концентрация кремня, костей животных. Не исключено, что произошло частичное наложение этих скоплений друг на друга. Дело в том, что на некоторых квадратах, находящихся в пределах скопле-

⁴ Употреблять термин «мастерская» пока нет оснований, так как не доказана узкая профессиональная направленность жителей поселения, оставивших этот производственный мусор. Более приемлем термин «рабочая площадка», см.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ.— Л., 1976, с. 60.

ных значительно превысили долю кремня в квадратах, где скопления накладывались друг на друга.

Таким образом, на 4 штыке распределение всех категорий материала различно, а скопления имеют ярко выраженную специализацию: керамика тяготеет к жилищам, скопления кремня и костей животных определяют места направленной хозяйственной деятельности.

На площади помещений № 1, № 2 по критерию χ^2 распределение материала существенно отличается. Не исключено, что эти помещения имели разную функцию: в помещении № 1 — ярко выраженное скопление керамики, а кремь и кости животных в пределах средней; в помещении № 2 доля двух последних категорий возрастает, а процент керамики падает (рис. 4, II, а, б).

Совершенно иную картину имеет распределение материала на штыках 3 и 2. На 3 штыке выделяются два скопления, подтвержденные всеми категориями материала (рис. 3, 2).

Скопление I занимает шесть участков: 4/1, 3/2, 3/3, 3/4, 4/4, 3/5 и тянется полосой с юго-востока на северо-запад через середину раскопа. Керамика, кремь и кости животных составляют в нем равные доли (рис. 4, IIIа).

Скопление II находится в северной части раскопа и занимает три участка: 5/6, 5/7, 4/8. Здесь все массовые категории также представлены равномерно (рис. 4, IIIб). По критерию χ^2 распределение материала скоплений I и II одинаково. С определенной долей вероятности можно интерпретировать оба скопления как неспециализированный мусорный слой.

Распределение категорий материала (прежде всего, керамики и костей) по площади почти тождественно (рис. 2, 4, 5). Вокруг скоплений — зона участков со средней концентрацией и лишь вдоль восточной границы раскопа тянется узкая полоса с существенно пониженной концентрацией. Для кремня, как и для двух других категорий, зона со средней концентрацией занимает большую часть площади раскопа, но расположена она к востоку от скоплений. К западу и к югу от них концентрация существенно понижена (рис. 2, б).

Штык 2 дает три скопления (рис. 3, 3).

Скопление I занимает участок 4/1; здесь повышена концентрация всех трех категорий материала. Скопление состоит в равной степени из керамики и кремня; кости животных составляют очень незначительную долю (рис. 4, IVа).

Скопление II расположено в центральной части раскопа и занимает пять участков: 3/3, 4/3, 2/4, 3/4, 4/4. Здесь также повышена концентрация всех категорий материала (рис. 4, IVб). По критерию χ^2 это скопление не отличается от предыдущего.

Скопление III занимает один участок 3/6. Здесь среднюю концентрацию превысил только кремь. Он и является основной составляющей. Керамики и костей животных сравнительно мало (рис. 4, IVв). По критерию χ^2 это скопление имеет совершенно иной характер распределения, нежели скопления I и II.

Скопления I, II можно с определенной вероятностью интерпретировать как неспециализированные мусорные. В скоплении III обработанного кремня мало, зато необработанный дает в этом месте значительное сгущение, превышающее среднюю концентрацию (рис. 5, 6). Специализированный характер этого скопления очевиден, хотя ему трудно найти объяснение.

Распределение кремня, керамики и костей животных во втором штыке имеет много общего (рис. 2, 7, 8, 9). Скопления расположены преимущественно в южной части раскопа (кроме скопления III). К западу от скоплений концентрация в пределах средней, к востоку от них — пустые участки (лакуны). К северу от скоплений наблюдается зона пониженной концентрации кремня и костей животных, кое-где доходящая до средней. Концентрация керамики понижена только вдоль самой северной границы раскопа; южнее (вплоть до скопления II) концентрация в пределах средней.

Суммируя вышеизложенное, можно говорить о совершенно иной хозяйственной ориентации данного участка поселения в верхнем горизонте (штык 2) по сравнению с нижним (штык 4). Об этом свидетельствует распределение массовых категорий находок и характер скоплений.

Как уже отмечалось, скопления 2, 3 и 4 штыков отличаются по составу. Подводя итог, можно разделить их на две группы:

1) *Неспециализированные скопления.* В них повышена концентрация всех реализующихся массовых категорий находок. Состав таких скоплений может быть разным в зависимости от распределения материала в слое. Это значит, что преобладающие в составе слоя массовые категории находок будут преобладать и в скоплениях. Если же в слое группы материала равноценны, в скоплениях материал тоже будет представлен равномерно. По-видимому, это скопления бытовых и производственных отходов.

2) *Специализированные скопления.* В зависимости от общего распределения материала в слое содержание специализированных скоплений может варьировать, но всегда категория с повышенной концентрацией составит значительную долю. Специализированные скопления тоже, в принципе, — скопления мусорные, но с той разницей, что мусор в них — результат направленной хозяйственной деятельности, правда, не всегда поддающейся интерпретации, как например, скопление III на 2 штыке. Специализированные скопления, так же как и неспециализированные, варьируют по площади. В приведенной табл. II представлены все скопления памятника по штыкам.

Скопления 2 и 3 штыков отличаются от скоплений 4 штыка меньшей концентрацией, что полностью соответствует общему стратиграфическому распределению слоя (рис. 1, а, б, в, г).

Скопления на уровне построек (штык 4) только специализированные, т. е. в период существования жилища мусорный горизонт около него не образовался. Значит, рядом с площадью, ограниченной раскопом, в более позднее время (штыки 2 и 3) построек не было.

В результате анализа количественных характеристик ранне-энеолитического памятника Бернашевка можно сделать следующие выводы.

Состав культурного слоя поселения Бернашевка изменяется в зависимости от глубины. Стратиграфическое распределение массовых категорий находок подчиняется разным закономерностям; соотношение категорий на штыках 2, 3, 4 позволяет выделить в слое

Таблица II
Скопления, выделенные в пределах раскопа 1975 г.

Штык	№ скопления	Характер скопления	Объем скопления (все массовые категории находок)	Площадь скопления	Средняя концентрация скопления	Рисунок
2	I	Неспециализированное	166	1 квадрат	166	3,III
2	II	Неспециализированное	443	5 квадратов	89	»
2	III	Специализированное, кремь	69	1 квадрат	69	»
3	I	Неспециализированное	1149	6 квадратов	122	3,II
3	II	Неспециализированное	542	3 квадрата	180	»
4	I	Специализированное, керамика	699	4 квадрата	175	3,I
4	II	Специализированное, керамика, кости животных	416	2 квадрата	208	»
4	III	Специализированное, кости животных, кремь	2287	6 квадратов	380	»
4	кв. 3/7	Специализированное, кремь	191	1 квадрат	191	»

Бернашевки не менее двух горизонтов (верхний — штык 2, нижний — штык 4), характеризующих разные этапы существования памятника. В зависимости от глубины залегания (штыки 2, 3, 4) материал распределяется в плане по-разному. Равномерной концентрации ни одна категория находок ни на одном штыке не имеет. Керамика, кремь и кости животных образуют специализированные скопления — результат направленной хозяйственной деятельности. Такие скопления отмечены на штыке 4 рядом с жилищем. Неспециализированные мусорные скопления в период функционирования жилищ вокруг них не образуются; такого рода скопления преобладали на штыках 2 и 3.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ФОРМАЛИЗОВАННОЙ ОБРАБОТКИ КЕРАМИКИ

Значение керамики для установления культурной принадлежности и специфики культуры, выявления генетической связи тех или иных памятников, определения хронологического диапазона существования памятника или культуры очень велико. В самом деле, доступность сырья, его эластичность, простота технологии изготовления позволили народам древности создать такое разнообразие форм, что посуду одной археологической культуры нетрудно отличить от другой.

Керамика — это один из наиболее массовых археологических источников, и поэтому значительная часть этнокультурных выводов в археологической литературе основана на ее изучении. Исследование керамики невозможно без точного описания, расчленения на классы признаков и признаки внутри классов, следовательно, почти каждая работа, посвященная керамике, так или иначе касается вопросов методики классификации.

Однако результаты интуитивных классификаций, широко употребляемые в современной археологической практике, из-за неизбежного субъективного подхода бывают зачастую трудно сопоставимы между собой. Предпочтение, отдаваемое отдельным признакам при классификации, достаточно не аргументируется. Нередко наблюдается терминологическая путаница. Учитывая это, в настоящее время все больше исследователей обращается к формализации и статистическим методам как к средству для получения объективных, широко доступных для анализа результатов¹. Применение этих методов позволяет поднять обработку материалов на качественно новую ступень. Но единой методики измерения, обработки и классификации керамики, несмотря на острую в ней необходимость, до сих пор не существует, на что уже обращалось внимание². Некоторые методики до конца не отработаны и используются непоследовательно. Поверхностное применение статистических методов, как правило, приводит к существенным ошибкам, искажающим, а иногда

¹ *Алексеева Е. М.* Классификация античных бус. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970; *Булкин В. А.* Типы погребального обряда в курганах гнездовского могильника. — Там же; *Деолик Д. В.* Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирова. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970; *Каменецкий И. С.* Датировка слоя по процентному соотношению типов керамики. — МИА, 1965, № 129; *Мацкевой Л. Г., Шер Я. А.* К методике сравнения распределений массовых находок по слоям. — СА, 1974, № 1; *Семенов С. А.* О математизации археологии. Тезисы... Ташкент, 1972; *Сулейманов Р.* Грот Оби-Рахмат и опыт математико-статистического изучения обирахматской культуры. — Автореф. канд. дис. Ташкент, 1968; *Шер Я. А.* Типологический метод в археологии и статистика. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения. М., 1966.

² *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. — СА, 1973, № 1, с. 114.

делающим полностью непригодными статистические результаты и конечные выводы. Бывают случаи, когда исследователь создает свою собственную методику, не используя, или ограниченно применяя опыт предшественников, что ведет к повторению уже пройденных этапов в поисках необходимой методики. Случается, что результаты статистической обработки носят иллюстративный характер и подчинены интуитивной классификации. Изложение полученных формализованными и статистическими методами результатов ведется, как правило, старыми способами, которые были пригодны при визуальных классификациях, но оказываются излишне громоздкими и неудобными в новых условиях. Это влечет за собой непропорциональное расширение служебной части работы (за счет неизбежных повторений), вносит путаницу, затрудняет чтение и т. д. Следовательно, необходимы тщательный анализ структуры метода, поиски наиболее экономных форм записи, процедуры и результатов его применения, разумное сочетание таблиц и текстовой части. Формализованно-статистический метод требует также осторожности в применении и полной проверяемости всей классификационной процедуры. Следует отметить, что разработки в области методики во многом еще отстают от современных требований, поэтому каждая вновь вышедшая работа, где затрагиваются вопросы методики, вызывает пристальное внимание и должна быть оценена критически. Это ускорит процесс выработки общих требований к такой классификации и создание в дальнейшем единой системы статистической обработки керамики.

В работах анализ археологического материала проводится в двух основных аспектах. Во-первых, с точки зрения разработки методики, ее точности и полноты в описании сосудов, возможности широкого использования, и, во-вторых, способа изложения полученных результатов. Такая постановка вопроса обусловлена неразработанностью методики формализованного описания керамики, необходимостью создания гибкой системы, которую можно применять для анализа сосудов по общей форме не только разнокультурного керамического материала, но и сосудов различных исторических эпох. Эта классификация должна включать подробную систему размеров, систему указателей, наиболее полно описывающих форму сосуда, а также набор операций, обеспечивающих успешное решение той или иной поставленной задачи.

В 1975 г. вышла из печати работа Б. А. Литвинского, где классифицируется керамика из могильников Западной Ферганы³. Исследование построено на значительном материале (около 700 сосудов, дополнительно привлекалось около 600 сосудов). Прделана кропотливая работа по классификации и выяснению взаимоотношений различных типов керамики. Она не могла быть выполнена без привлечения современных методов исследования, и автор совершенно

³ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы.— М., 1973.

правомерно использует статистику. В работе приведены таблицы встречаемости типов керамики по памятникам, состав керамических комплексов могильников, распределения типов керамики по могильникам, корреляции типов керамики. В итоге были получены важные результаты. Часть типов в классификации была образована с помощью формализованно-статистических методов. Для большинства типов определены средние пропорции. Основой для выделения этих типов послужила общая форма сосудов, которая описывалась семью размерами (параметрами):

- D_1 — размер дна;
- D_2 — диаметр максимальный;
- D_3 — диаметр по основанию горла;
- D_4 — диаметр по венчику сосуда;
- H — высота сосуда;
- H_1 — высота от дна до максимального диаметра;
- H_2 — высота от максимального диаметра до основания горла;
- H_3 — высота горла.

По этим размерам определялось семь индексов (указателей):

- а) $\frac{H_1 + H_2}{D_3}$;
- б) $H_1 : H_2$;
- в) $D_1 : D_2 : D_3 : D_4$;
- г) $H_1 : H_2 : H_3$;
- д) $H : D_3$;
- е) $H_2 : H_1$;
- ж) $\frac{H_2 + H_3}{H_1}$.

В описании указателей отсутствует содержательная часть. В тексте не приведены ни их названия, ни то, для каких целей они вычисляются и какое имеют значение.

В основу классификации были положены «...пропорции, характеризующие форму сосуда и, прежде всего, его корпуса». Такая система указателей использует все восемь размеров, но не охватывает основные пропорции сосуда. В ней обнаруживается ряд недостатков. Так, широтные или диаметральные размеры слабо связаны в указателях с высотами. Из семи указателей лишь в двух («а», «д») они сочетаются. Остальные указатели состоят только из отношений высот или диаметров («б», «в», «г», «е», «ж»). Указатели «в» и «г» в такой записи, как они приведены, едва ли пригодны для дальнейшей работы. Как показала практика, указатель «в» использовался частями⁴. Слабым местом указателей «б», «в», «г», «е», «ж» является то, что они фиксируют пропорции сосуда только в одном измерении — в высотном или диаметральном, и не дают представления о пространственном положении частей сосуда. Этого можно было бы избежать, применив указатели, описывающие профиль сосуда (плечики, шейки, придонной части), что способствовало бы более точному описанию

⁴ Литвинский Б. А. Указ. соч., с. 11.

формы сосуда. Принципы формального описания профиля были ранее изложены в литературе⁵.

За основу для выделения типов были приняты указатели, характеризующие «корпус» сосуда («а», «б», «в»).

Указатель «а» определяет пропорцию тулова сосуда, «б» — соотношение между высотами придонной части и плечика, указатель «в» (D_1 ; D_2) фиксирует соотношение диаметра дна к диаметру наибольшего расширения тулова. Взятые сами по себе, указатели «б» и «в» выражают некие отвлеченные величины, которые могут быть одинаковы у сосудов совершенно различных пропорций. Например: сосуд 1 — $H_1 = 10$; $H_2 = 25$, $D_1 = 15$, $D_2 = 30$; отсюда $H_1 : H_2 = 0,4$; $D_1 : D_2 = 0,5$; сосуд 2 — $H_1 = 10$, $H_2 = 25$; $D_1 = 30$; $D_2 = 60$; $H_1 : H_2 = 0,4$; $D_1 : D_2 = 0,5$ (рис. 1). Но поскольку указатель «а» дает представление о пропорции тулова, а его параметры входят в два других указателя, то все вместе они отражают пропорции тулова сосуда. В данном случае основным является указатель «а», который и определяет общую пропорцию тулова сосуда и тем самым исключает отнесение к одному типу кувшинов различных пропорций, а два других указателя, вспомогательные, улавливающие изменение внутри выделенной общей пропорции.

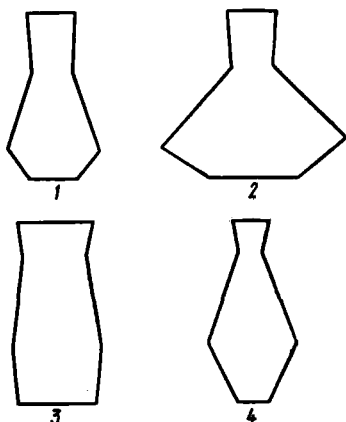

Рис. 1. Возможные формы сосудов одного типа по методике Б. А. Литвинского.

К сожалению, автор не объясняет, почему из классификации исключены остальные указатели.

Из полученных в результате вычислений значений указателей были составлены гистограммы количественного распределения. Для каждого указателя получено по три интервала, границы которых довольно условны и произвольны. При выделении интервалов необходим был какой-либо дополнительный объективный критерий, применимый для всех графиков распределений.

Индекс «а»

а) интервал $a_1 = 0,5 - 0,7$;

б) интервал $a_2 = 0,8 - 1,0$;

в) интервал $a_3 = 1,1$.

Индекс «б»

а) интервал $b_1 = 0,5 - 0,6$;

б) интервал $b_2 = 0,7 - 0,9$;

в) интервал $b_3 = 1,0$.

⁵ Брайчевский М. Ю. Автоматическое построение археологических изолиний. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы археологии. М., 1970, с. 120—123.

Индекс «в»

а) интервал $v_1 = 1 : 1,3 - 1,9$;

б) интервал $v_2 = 1 : 2 - 2,5$;

в) интервал $v_3 = 1 : 2,6$.

На основании корреляции интервальных групп значений трех перечисленных указателей был выделен 21 тип кувшинов без ручек (тип 24—45), для классификации которых применялась данная методика. В работе не получил освещения сам процесс выделения типов, а это является, пожалуй, самым существенным этапом в классификации. Отмечено лишь, что из 27 возможных вариантов был образован 21 тип, к тому же последний (в классификации 45-й) получен по признакам уступчатого перехода к среднему и высокому горлу и вытянуто яйцевидного тулова вне зависимости от статистических данных⁶. Некоторые из указателей вычислялись и для других типов (8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 22), хотя всего классификация насчитывает 57 типов керамики. Целесообразно было бы использовать данную статистическую методику для классификации всего материала.

При характеристике пропорций отдельных типов Б. А. Литвинский дает абсолютные значения указателей, не переводя их в интервальные группы, на основании сочетания которых получены данные типы. Как отмечалось, в основу классификации легли только первые три указателя. Если их абсолютные значения, приведенные в описаниях типов, перевести в интервальные группы, то окажется, что типы 27 и 29; 30, 31, 32; 34 и 45, 42 и 43 характеризуются сочетаниями одних и тех же наборов интервальных групп (таблица). На каком основании были выделены эти типы кувшинов — не ясно, так как другие статистические характеристики, отличающие данный тип от другого, не указываются. Во вступлении имеется лишь общее замечание, что для некоторых типов учитывались и другие индексы, в частности дополнительный индекс, вычисленный на базе «в», а именно — $D_3 : D_4$, а также индексы, учитывающие высоту горла. Какие типы были выделены на их основании, нигде не говорится.

Тип 29 не просто близок типу 27, а идентичен ему по пропорциям. То же самое можно сказать и о других указанных выше типах (таблица). Б. А. Литвинский относит их к особым типам на основании описательных признаков, не имеющих точных критериев. В изложении принципов классификации автор признает, что они были получены не только статистически, а это снижает ценность результатов и ограничивает применение методики, возможности которой полностью не использованы.

В классификации имеется определенная иерархичность признаков. Наиболее общее деление по форме проведено формально-статистическими методами, а более дробное — по признакам, описывающим детали формы, старыми способами. Если бы тот и другой

⁶ Литвинский Б. А. Указ. соч., с. 14.

класс признаков подвергся формализации и статистической обработке, то результаты классификации выглядели бы более убедительно и наглядно.

Таким образом, подводя краткие итоги, можно заключить, что для классификации была разработана подробная система размеров, охватывающая основные части сосуда. Однако в системе указателей

Таблица

*Характеристика пропорций некоторых типов по классификации
Б. А. Литвинского*

Индекс Тип	Абсолютные значения указателей			Интервальные группы		
	«а»	«б»	«в»	«а»	«б»	«в»
24	0,6—0,7	0,7—0,8 (и 1—1,1)	1 : 2—2,5 (и 1,9)	1	2	2
25	0,6—0,7	1,1—2	1 : 4,4—1,7 (и 1,1; 2; 2,6)	1	3	1
26	0,8—1 (и 1,1)	0,5—0,6	1 : 2—2,5 (и 2,7)	2	1	2
27	0,8—1	0,6—0,9	1 : 1,3—1,7	2	2	1
28	0,8—1	0,5—0,6	1 : 1,8—1,9	2	1	1
29	0,8—1	0,7—0,9	1 : 1,6—1,9	22	2	1
30	0,8—1	0,7—0,9	1 : 2—2,5	2	2	2
31	0,8—0,9	0,6—0,9	1 : 2,1—2,5	2	2	2
32	0,8—1	0,7—0,9	1 : 2,2—2,5	2	2	2
33	0,8—1	0,7—0,9	1 : 2,6—3,9	2	2	3
34	0,8—1	1—1,4	1 : 1,3—1,9	2	3	1
35	0,8—0,9	1,1—1,7 (и 2,1)	1 : 1,3—1,9	2	3	1
36	0,8—1	1—1,5	1 : 2—2,5	2	3	2
37	0,8—1 (и 1,1)	1—1,6	1 : (и 2,1) 2,6—3	2	3	3
38	1,1—1,4	0,5—0,7	1 : 2,1—2,5 (и 1,8; 2,6)	3	17	2
39	1,1—1,2	0,7—0,9	1 : 1,7—1,9	3	2	1
40	1,1—1,4	0,8—1	1 : 2—2,9	3	2	2,3
41	1,1—1,2	0,7—0,9	1 : 2,1—2,4	3	2	2
42	1,6	0,6, 1,2, 1,5	1 : 1,4—1,5	3	1,3	1
43	1,1—1,2	0,6, 1,1, 1,3	1 : 1,1—1,5—0,6	3	1,3	1
44	1,1	1—1,3	1 : 1,7—2,3	3	3	2

большинство их («б», «в», «г», «е», «ж») фиксируют пропорции сосуда в одном измерении и, как было показано на примере, классификация, основанная только на них, не соответствовала бы действительности. Если указатель «а» — пропорция тулова и указатель «д» — общая пропорция сосуда правильно отражают основные соотношения размеров сосуда, а параметры этих указателей входят в указатели «б», «г», «е», «ж», то и пропорции высот сосуда определяются правильно. Исключение составляет указатель «в», определяющий соотношения диаметров. В этом указателе работает только одна часть: соотношение диаметра дна к максимальному диаметру $D_1 : D_2$. Остальные

соотношения не связаны с другими указателями высотами и поэтому в одну группу попадут сосуды с узким и широким горлом и, соответственно, с различной степенью профилированности. Например:

сосуд 3	сосуд 4
$D_1 : D_2 - 20 : 24 = 1 : 1,2$	$8 : 24 = 1 : 3$
$D_1 : D_3 - 20 : 15 = 1 : 0,75$	$8 : 6 = 1 : 0,75$
$D_1 : D_4 - 20 : 20 = 1 : 1$	$80,5 : 8 = 1 : 1$

Как видно, только соотношение $D_1 : D_2$ различает сосуды, а значения указателей $D_1 : D_3$, $D_1 : D_4$ равны, хотя первый сосуд более широкогорлый и с меньшей степенью профилированности, а второй сосуд более узкогорлый и с большей степенью профилированности верхней части сосуда.

Таким образом, система указателей в общих пропорциях правильно описывает сосуд, но имеются значительные неточности в описании профиля верхней части сосуда и в определении пропорции горла. Остается сожалеть, что классификация проведена только по трем указателям. Отчасти это объясняется несовершенством остальных указателей, неполно описывающих горло сосуда.

Статистическая классификация, поскольку она применялась только к определенной части материала, носит ограниченный характер. В основе ее лежит общая форма сосуда, но это лишь один из классов признаков, присущих керамике. Более точные результаты могли бы быть получены, если бы формализации были подвергнуты и детали формы сосуда, и технология его изготовления.

Положительным является применение таблиц распределения типов керамики, их корреляции и т. д., однако, сознавая всю сложность разработки такой системы, следует отметить, что она носит незаконченный характер. К тому же, она осталась незавершенной.

Как показывает практика, сочетание статистической и традиционной методик не является лучшим способом обработки любого археологического материала.

И. П. Русанова в ряде последних работ также разрабатывала и применяла формализованную методику обработки керамики. Первоначально некоторые отношения диаметров и высот частей сосудов вычислялись для характеристики типов, видов и вариантов уже выделенных визуально⁷. Затем была изложена⁸ и применена формализованная методика, основанная с некоторыми изменениями на этих отношениях. Наиболее полно она представлена в последней публикации: Славянские древности VI—VII вв.⁹

В основу методики обработки керамики у И. П. Русановой положено утверждение о том, что ... «каждой культуре второй половины I тысячелетия н. э. ... свойственны определенные формы лепных

⁷ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, 1973, вып. ЕГ—25.

⁸ Русанова И. П. Один из методов классификации раннеславянской керамики.— КСИА АН СССР, 1976, вып. 148, с. 31—35.

⁹ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. ..., с. 213.

сосудов, имеющих характерные пропорции»¹⁰. Зафиксировав эти пропорции и подвергнув их корреляции, можно, как считает автор, определить культурную принадлежность той или иной керамики (наметить локальные особенности), а также выделить хронологические пласты внутри локальных групп. Приведенные положения, касающиеся культурной принадлежности, хронологического членения, определяемые этими указателями, иллюстрируются многочисленными графиками¹¹, применение которых само по себе плодотворно. Однако исходные посылки для этих положений оказываются принципиально неверными. Следует подробнее остановиться на данной работе. Как пишет И. П. Русанова, для большей убедительности и достоверности была разработана и применялась методика, основанная на шести промерах (параметрах) сосуда и вычисленная на их основе системы из четырех пропорций (указателей), улавливающей, как считает автор, основные изменения формы сосуда.

Размеры: D_1 — диаметр венчика; D_2 — диаметр горла; D_3 — диаметр наибольшего расширения сосуда; D_4 — диаметр дна; H — высота общая; H_1 — высота наибольшего расширения сосуда от дна.

Термин «высота наибольшего расширения сосуда» несколько неудачен, так как вероятность того, что диаметр венчика превышает диаметр тулова не исключена, и, скорее всего, здесь подходит термин «наибольший диаметр тулова».

По перечисленным выше размерам были вычислены следующие указатели пропорций сосудов: 1) $H_1 : H$, 2) $D_3 : D_2$, 3) $D_4 : D_2$, 4) $D_3 : H_1$, иногда вычислялись 5) $D_3 : H$, 6) $D_2 : H$.

Следует отметить, что в тексте не приведены четкие формулы указателей, их можно найти только в дальнейшем в таблицах по ходу изложения. Диаметр отверстия сосуда (венчика) не использован ни в одном из указателей. Такое игнорирование одного из показателей неправомерно, поскольку в классификации учитывается профилировка верхней части сосуда, которая без данных D_1 не может быть получена. В разработанных указателях вместо D_1 применяется D_2 — диаметр горла. Но ведь горло представляет собой цилиндр или, что значительно чаще, имеет форму разогнутого раструба. Где следует производить замер этого параметра, автор не указывает.

Ошибка обнаруживается уже на первом этапе — в предложенной системе размеров и указателей. В системе размеров не отражена достаточно полно верхняя часть сосуда, а в разработанных указателях высоты и диаметры практически не связаны между собой, поэтому форма сосуда определяется недостаточно точно. «Для определения культурной принадлежности, — считает автор, — важную роль играет место наибольшего расширения сосуда. В связи с этим, показатели, как правило, соотношения четырех промеров сосуда,

¹⁰ Русанова И. П. Славянские древности VI — VII вв... с. 10.

¹¹ Там же, рис. 4; 5; 14; 15; 18; 26; 30; 32; 36; 37; 39; 41; 42; 51; 54; 60; 62; 78; 79; 80; 83.

и, следовательно, двух их пропорций. Так, при сравнении массового материала разных территорий и культур учитываются соотношения высоты сосуда (H) и высоты его наибольшего расширения (H_1) (указатель 1), а также степень профилированности тулова, то есть соотношение диаметра наибольшего расширения (D_3) и диаметра горла (D_2) (указатель 2). Как правило, сосуды одной культуры, представленной в чистом виде, занимают на корреляционном графике обособленное место и не смешиваются с сосудами других культур»¹²

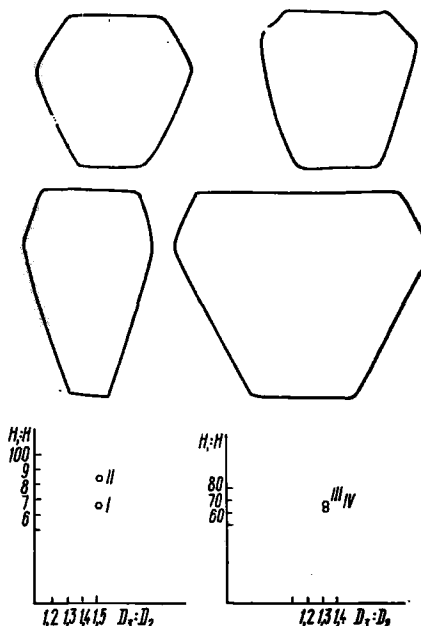

Рис. 2. Возможные формы сосудов одного типа по методике И. П. Русановой.

А поскольку совершенно не учитываются пропорция горла сосуда и степень отогнутости венчика, то в одну группу попадут сосуды с низким и высоким горлом, различной степенью отогнутости венчика, начиная с прямостоящего. Более того, в одну группу войдут сосуды с большим и малым диаметром наибольшего расширения и соответственно диаметром горла при той же высоте сосуда и высоте наибольшего расширения, то есть сосуды совершенно различных пропорций. Несвязанные с высотами широтные указатели выражаются в относительных величинах, которые могут быть равны, хотя абсолютные значения параметров могут существенно различаться. Например: $D_3 : D_2 = 50 : 38 = 1,3$ — третий

ке обособленное место и не смешиваются с сосудами других культур»¹²

Что же на самом деле выражают эти указатели?

Если взять указатель $D_3 : D_2$, то окажется, что свою функцию, определение профилированности горла, он не выполняет, поскольку отсутствует высота плечика, с помощью которой определяется угол наклона плечика, и в результате одни и те же значения указателя могут быть получены для сосудов с более крутым и с более покатым плечиком. Например: первый сосуд: $D_3 = 15$ см, $D_2 = 10$ см, высота плечика = 5 см; второй сосуд: $D_3 = 15$ см, $D_2 = 10$ см, высота плечика = 2 см. Отношения $D_3 : D_2$ у обоих сосудов идентичны и равны 1,5, но степень профилированности плечика за счет различной высоты не совпадает. У первого оно более пологое, у второго — более крутое (рис. 2).

¹² Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. ..., с. 10.

сосуд, $105 : 80 = 1,3$ — четвертый сосуд, при $H_1 : H = 56 : 80 = 0,7$ (рис. 2).

По тем же причинам малопригоден и указатель $H_1 : H$, хотя он все же более приемлем, поскольку высота наибольшего расширения входит в указатель $D_3 : H_1$, то есть тип получается только по высоте наибольшего расширения сосуда. Но значения указателя $H_1 : H$ для всех подвергшихся исследованию сосудов оказываются в одних и тех же пределах (Житомирщина — 0,55—0,85, Западная Волянь — 0,55—0,80, Верхнее Поднепровье — 0,40—0,80, Пеньковские памятники — 0,40—0,80, Чехословакия — 0,50—0,80 и т. д.). Фактически это общие пределы горшков любых разновидностей.

Таким образом, корреляция значений указателей 2 и 1 является неравномерной, а полученные группы не разделяют керамику, но, наоборот, объединяют ее и, следовательно, не могут выполнять возложенной на них задачи — определять культурную принадлежность той или иной керамики.

Другая система отношений должна делить сосуды на виды. Для этого используются указатели $3D_4 : D_3$ и $4D_3 : H_1$. Указатель 3 без дополнительных данных о высотах, так же как и указатель $D_3 : D_2$ — бессмыслен, поскольку будет давать те же парадоксы (см.: рис. 2).

Указатель $D_3 : H_1$ — отношение наибольшего диаметра по тулову и высоты этого диаметра от дна дает представление о пропорции нижней части сосуда, но поскольку он скоррелирован с указателем, неприемлемым для анализа, то и здесь вид определяется только на основании общей пропорции придонной части тулова ($D_3 : H_1$).

«Хронологические изменения, — пишет И. П. Русанова, — как правило, сравнительно мало отражаются на общей форме сосуда. Гораздо быстрее и выразительнее изменяется верхняя часть — шейка и форма венчика. По этим признакам выделяются варианты внутри видов керамики. Различие между вариантами может быть также выражено математически в виде соотношений диаметров отверстия сосуда (D_1), горла (D_2) и наибольшего расширения (D_3)»¹³. Однако ни одно из цитированных соотношений нигде не используется. Например: полученные шесть вариантов сосудов I типа разделены на девять хронологических вариантов на основании визуального деления. Значит здесь действует интуитивная классификация. Стало быть, хронологическое членение визуально, а полученные варианты объединены в группу Корчак и группу Луки-Райковецкой на основании описательных признаков. Таким образом, автор отступает от своей основной установки: «наибольшее значение при обработке керамики имеет ее подробная типология, сделанная по единому принципу»¹⁴. Как видно, этот принцип не выдерживается.

¹³ Русанова И. П. Славянские древности VI — VII вв. ..., с. 11

¹⁴ Там же, с. 10.

В целом тип определяется по месту наибольшего расширения на тулове, вид — по общей пропорции придонной части. Но ведь форму сосуда определяют не только эти показатели. Нет профилировки шейки, плечика, придонной части, общей пропорции сосуда. Форма этих деталей в методике И. П. Русановой не отражена. Конечное звено в классификации получено автором интуитивно и этим нарушено единство типологии. Выделения типа и вида, которые декларировались автором как находящиеся в иерархическом соподчинении, совершенно не связаны между собой и выступают независимыми характеристиками.

Выделение типов и видов осуществляется на корреляционных графиках. Метод, предложенный И. П. Русановой, довольно прост. На координатные графики для одного памятника наносятся показания двух указателей сосудов, на одном — 1 и 2, что дает тип, на другом — 3 и 4, определяющие вид сосудов. По местам концентрации скоррелированных указателей на координатной сетке выделяются сугубо эмпирически прямоугольники и квадраты, определяющие отдельные типы и виды сосудов. Однако объективных критериев для такого выделения нет в методике И. П. Русановой. Вариационный размах выбран автором произвольно. Установленный предел для $H_1 : H = 0,60—0,80$ и для $D_3 : D_2 = 1,10—1,40$ не находит объяснения в тексте.

Для получения сходства или различия двух или более комплексов графики сравниваются. Совпадение квадратов и прямоугольников полей, определяющих тип или вид сосудов, и является степенью сходства или различия. Ни концентрация в пределах выделенных полей, ни количественное соотношение между типами и видами не отражены в методике, другими словами, статистическая обработка материала полностью отсутствует. Анализ корреляционных графиков остается в большинстве случаев за текстом, а комментарии к ним, видимо, необходимы.

При такой методике, которая объединяет исследуемый материал, конечно, не могли быть получены адекватные результаты. Видимая правильность заключается в том, что обработке подверглись уже выделенные визуально типы сосудов и использовались незначительные массивы, односторонне характеризующие памятники. Действительно, материал, используемый И. П. Русановой, очень немногочисленный, что ставит под сомнение его репрезентативность. Так, для определения культурной принадлежности использовано в среднем около трех сосудов с памятника.

Итак, утверждение автора о том, что указатели 1, 2, 3, 4 улавливают культурные различия, не соответствует действительности. Система размеров неполно описывает верхнюю часть сосуда, некоторые размеры совершенно не используются, как например: D_1 . Форма верхней части сосуда, изменение которой И. П. Русанова считает важным хронологическим показателем, не отражена в предложенных пропорциях. Вся система работает только благодаря одному указателю — $D_3 : H_1$ — общей пропорции придонной части

тулова. Этих единичных показателей явно недостаточно для обоснования столь ответственных положений о культурной принадлежности и хронологии исследуемого материала. Принципы иерархичности, декларируемые автором, остаются неосуществленными. Выделение типов и видов совершенно не связано между собой, а последнее звено в классификации — выделение хронологических вариантов — идет вразрез с положением о единой системе типологии. Оно получено на основе визуального наблюдения изменений профилей верхней части сосуда. Конечно, простота методики — это одно из важнейших требований при ее разработке, но необоснованное чрезмерное упрощение ее ведет, как было показано, к существенным ошибкам.

Сочетание формализованной и традиционной методик, как видно из вышеизложенного, не дает положительных результатов и затрудняет чтение работы. Формализованная классификация смешана с традиционной, на которую делается основной упор. В связи с этим возникает некоторая неясность в соотношении типов, видов, вариантов и групп. Так, одни типы и виды трансформируются в совершенно иным способом образованные варианты и группы, которые в дальнейшем получают статус типа и фигурируют как математически полученные¹⁶. Классификация материала, проведенная И. П. Русановой, несомненно, частный случай применения формализованного метода. И в этом конкретном случае он создает видимость результативности. Но получить представление о керамике без указателей, описывающих весь профиль сосуда и его пропорции, без аргументации избранных интервалов для корреляционных графиков, по независимым характеристикам типа и вида, тем более определить степень сходства или различия отдельных памятников не по единичным показателям, которыми оперирует И. П. Русанова, а по всему комплексу признаков, по этой методике невозможно. Создается впечатление, что данная методика не несет никакой иной нагрузки, кроме иллюстрирования интуитивных тезисов автора, которые были изложены ранее¹⁶. А формализованно-типологический метод позволяет намного результативнее и с большей степенью аргументированности проводить классификацию как керамики, так и других археологических источников.

Подробная система размеров для горшков, включающая девять измерений, была предложена в монографии С. Н. Братченко¹⁷. Она включает девять параметров сосуда, где H — общая высота сосуда, H_0 — высота шейки, H_1 — (высота плечика), H_2 — (высота от наибольшего диаметра от перехода к придонной части), H_3 — (высота придонной части), $D_в$ — диаметр по венчику, $D_г$ — диаметр по

¹⁶ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. ..., с. 19, 31. Автор объединяет варианты 1—5 в группу Корчак, а 6—9 — в группу Луки-Райковецкой. В дальнейшем эти группы названы типами.

¹⁶ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25.

¹⁷ Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 23.

основанию горла, D , (D_6) — наибольший диаметр (диаметр в боках), D_d — диаметр дна.

Некоторые из этих параметров довольно аморфны. Так, например, не объяснено, где замеряется D_r — диаметр по основанию горла, поскольку из приложенного рисунка¹⁸ следует, что этот замер берется не по самой узкой части горла, а несколько ниже, но не указано, насколько Критерия здесь нет, а поэтому будут колебаться и величины N_0 и N_1 , которые зависят от D_r . Также аморфны и параметры N_2 и N_3 , так как точка перехода от тулова к придной части не определена. Система указателей включает следующие соотношения: $N : D_6$ (для сосудов усеченно-конических пропорций $N : D$), $N_0 : N$, $D_b : D_r$, $D_b : D$. Для кубковидных сосудов действует еще $N_3 : N$. Остальные параметры не отражены в указателях. Описание указателей полностью отсутствует. Математическое расчленение занимает строго ограниченное место в общей классификации керамики. Визуально весь керамический материал разделен на отделы, затем при помощи математического аппарата происходит деление на группы. Потом на основании описательных признаков группы разделены на типы. Как отмечалось выше, указатели, состоящие из одних высот или диаметров, не фиксируют пропорции сосуда. Однако, в данном случае, когда сосуды предварительно сгруппированы в отделы, соотношения отдельных параметров дают определенные результаты, но целиком и полностью полагаться на такое разделение не приходится, так как всякое визуальное деление слишком условно, необходимы более точные критерии.

Сама математическая процедура носит фрагментарный характер. Значения указателей общих пропорций сосуда $N : D$ или $N : D_6$ имеются только для I—III, VII отделов. Значения других указателей не сопоставимы между отделами. Например, для III отдела (высокошейные сосуды) вычислен указатель $N_0 : N$, для II отдела он дан только в целом, значения указателя $D_b : D$ имеется лишь для некоторых групп, а значения указателя $D_b : D_6$ и $D_b : D_r$ — для II отдела группы В и для III отдела группы В соответственно. Соотношение пропорций сосудов Донецких, Бахмутских и Маньчских памятников¹⁹ не находит объяснения в тексте. Надо отметить, что в четко выполненной классификации математическая часть занимает небольшое место и носит скорее иллюстративный характер. В этой системе наблюдаются те же недостатки, что и в рассмотренных ранее работах: ограниченное применение математических методов, сочетание традиционной и формализованной методик, где основной является интуитивная, фрагментарность математических характеристик, неполное использование в указателях всех предложенных параметров сосуда, высоты и диаметры связаны между собой лишь в одном указателе. Причина этих недостатков коренится в подчиненном положении формализованно-типологических и статистических

¹⁸ Братченко С. Н. Указ. соч., с. 29, рис. 10.

¹⁹ Там же, с. 23, рис. 7.

классификаций, которое они занимают во многих исследованиях. Такое положение не соответствует ни возможностям статистического метода, ни современному уровню развития археологии.

Критический разбор рассмотренных работ позволяет сделать некоторые выводы и предложить общие требования, которые должны предъявляться к формализованно-типологическим и статистическим классификациям.

Совершенно справедливо многие авторы, работая над большими по объему коллекциями керамики и других археологических источников, прибегают к помощи формализованно-статистических методов, так как используя старые методы они не в состоянии получить объективные характеристики всего огромного количества накопленного материала. Но из-за отсутствия более или менее единой методики каждый исследователь вынужден разрабатывать свою собственную классификационную систему. Это естественно на первом этапе освоения новых методов. Но такое положение наряду с применением необходимых и удачных приемов, как например, построение графиков количественного распределения (Б. А. Литвинский), таблиц взаимовстречаемости типов керамики (Б. А. Литвинский), подробных систем размеров (С. Н. Братченко, Б. А. Литвинский) порождает неизбежно повторение пройденного и существенные ошибки.

Во всех работах не учитывается опыт ранее разработанных классификаций, не обоснованы общие требования, предъявляемые к формализованно-статистическим методам. Все рассмотренные методики разрабатывались лишь как частные случаи применения формализованно-статистического метода. Выборки, подвергаемые обработке, недостаточно представительны и односторонне характеризуют памятники (например, у И. П. Русановой берутся только единичные целые сосуды одного, ранее выделенного типа). Формализованно-статистическая классификация носит ограниченный характер, потому что применяется к части материала или характеризует пропорции уже выделенных визуально типов керамики. Применение традиционной методики наносит ущерб статистической, что ведет к искажению классификационных принципов, снижает чистоту результатов, а иногда ведет к подмене формально-типологической классификации традиционной (И. П. Русанова). Недостаточное описание самого процесса применения предлагаемой методики затрудняет возможность проверки конечных выводов. Создается определенная путаница в терминах. Характерной ошибкой является то, что системы размеров не отражают важные части сосуда. Некоторые параметры не используются в указателях и неясно для каких целей они вычисляются. Не во всех системах параметры названы. Системы указателей неравномерно описывают различные части сосуда и не имеют словесного определения (например: указатель профилировки шейки). Высоты и диаметры во всех трех системах в большинстве случаев не связаны между собой. В результате не фиксируются не только профиль сосуда, но даже его пропорции, а на

основании полученных отвлеченных характеристик нельзя сравнить между собой даже два сосуда.

Каждая конкретная методика преследует свою определенную цель, будь-то сравнительный анализ или типологическая классификация, но необходимо строить методику так, чтобы она была применима не только к конкретному материалу той или иной культуры или эпохи, а к любому материалу данной категории (например, горшки, кувшины и т. д.). В этом случае значительно быстрее будет создана универсальная методика обработки керамики как по общей форме, так и по другим классам признаков. Надо полагать, что проведенный анализ поможет в дальнейшем создавать более совершенные методики обработки керамики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП УССР	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
Вестник ЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета
ВИ	— Вопросы истории
ВФ	— Вопросы философии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Генинг В. Ф.</i> Объект и объективный предмет знания археологической науки	5
<i>Смирнов С. В.</i> К проблеме становления производства	34
<i>Добролюбовский А. О.</i> О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда	54
<i>Генинг В. Ф.</i> Из истории советской археологии 20-х годов	68
<i>Павленко Ю. В.</i> Критический анализ теории зарождения цивилизации А. Дж. Тойнби	89
<i>Рычков Н. А.</i> Статистический анализ погребального обряда племен ямной культуры	111
<i>Бунятыч Е. П.</i> Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников	136
<i>Балабина В. И.</i> Опыт количественного анализа состава культурного слоя раннетрипольского поселения Бернашевка	185
<i>Пустовалов С. Ж.</i> О некоторых методах формализованной обработки керамики	196

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных трудов

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редактор *В. П. Лагодзкая*. Оформление художника *Г. М. Балюна*. Художественный редактор *С. П. Квитка*. Технический редактор *А. М. Капустина*. Корректоры *Ю. И. Бойко*, *Н. И. Руденко*.

Информ. бланк № 4609

Сдано в набор 22.10.80. Подп. в печ. 15.01.82. БФ 00611. Формат 60×90/16. Бумага типогр № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 13,25. Усл. кр.-отт. 13,25 Уч.-изд. л. 14,05. Тираж 1150 экз. Заказ № 2389 Цена 2 руб. 40 коп.

Издательство «Наукова думка».
252601, Киев-4, ГСП, ул. Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией, г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8 с матриц Головного предприятия РПО «Полиграфкинига». 252601, Киев-4, ГСП, Репина, 3. Зак. № 644.